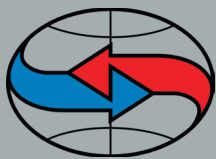

ISSN 2311-6412

Институт стран СНГ

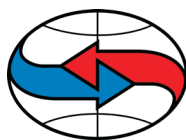
НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

№ 3 (43)

Москва

2024

Институт стран СНГ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

№ 3 (43)

Москва

2024

Председатель Совета учредителей – К.Ф. Затулин

Издатель – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)

Редакционная коллегия:

В.Г. Егоров – главный редактор, доктор экономических наук,
доктор исторических наук, профессор.

С.Я. Лавренов – шеф-редактор, доктор политических наук, профессор.

О.В. Савина – редактор. **А.А. Львова** – корректор.

А.А. Горбунов – дизайн-верстка.

Журнал «Постсоветский материк» рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Редакционный совет:

А.В. Манойло – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В.В. Штоль – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, главный редактор журнала «Обозреватель-Observer».

А.А. Маркаров – доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета.

М.В. Конотопов – доктор экономических наук, профессор, зам. заведующего кафедры экономической теории ИЭ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

О.Д. Кузнецова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

С.А. Байбаков – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

М.А. Олимов – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета.

Г. Майтдинова – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) Университета.

М.А. Рахимов – доктор исторических наук, профессор Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан.

А.В. Абрамов – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, главный редактор Российского социально-гуманитарного журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ	4
Д. Ф. АЛИЕВ. ГИБРИДНАЯ ВОЙНА – НОВЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ...	4
А. В. ГРОЗИН. СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ» В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ЧАСТЬ I.....	18
А. В. ЛОГАЧЁВ. АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В РОССИИ	34
Т. А. НИКИТИНА, К. П. БУРТНЫЙ. РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	49
С. В. САКУЛИН. ВЫЗОВЫ И РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ «УМНОЙ СИЛЬ» И ИНСТРУМЕНТЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	63
Н. М. СЕРГЕЕВ. ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА.....	83
Е. В. БАСМАНОВ. МЕСТО И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ И ПРОДВИЖЕНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ИМИДЖА СТРАНЫ.....	94
А. А. ДЕНИСОВ. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	106
ЭКОНОМИКА	117
В. Г. ЕГОРОВ, А. А. ИНШАКОВ. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И КООПЕРАЦИЯ: КРАТКАЯ АНТОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ	117
Д. Р. БИКБУЛАТОВ. НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА КАК ГЛАВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ.....	153
ИСТОРИЯ	169
В. Н. ГОРЛОВ. ИСТОРИЯ ЛУЖНИКОВ: ОТ СЛОБОДЫ ДО СПОРТКОМПЛЕКСА.	169
С. Ф. ВИТИТНЕВ. КОНСЕРВАТИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ: ПОИСК КОМПРОМИССА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ.....	182
Н. Д. ПЕТРОВ. ТУРЦИЯ КАК ПРОВОДНИК НАЦИОНАЛЬНЫХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	191
Л. С. ПЕТРИК. СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ.....	202
М. К. ВОЗМИТЕЛЬ. ФАКТОРЫ НАПРЯЖЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕ В НАЧАЛЕ СЕВЕРОИРЛАНДСКОГО КОНФЛИКТА.....	215
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК».....	224
ИНФОРМАЦИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	227

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА – НОВЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация

В статье предпринята попытка провести критический анализ существующих в отечественной гуманитарной науке подходов к относительно новому социокультурному феномену – гибридной войне. Сущность рассматриваемого в статье феномена свидетельствует о том, что применяемые в современном межгосударственном противостоянии формы гибридного воздействия оказывают негативное влияние на мировоззрение граждан. Это создает условия, при которых характер противостояния между государствами выходит на качественно иной уровень – гибридного конфликта. Противоборствующие стороны в своем выборе средств воздействия на противника применяют новые технологии, которые ориентированы, прежде всего, на социокультурную сферу. Проведенный в статье анализ современного социокультурного феномена гибридной войны дает основание предполагать, что в качестве наиболее вероятных объектов воздействия противник определяет ценностную сферу конкретного социального образования (народ, население, сообщества), этнокультурные и этнорелигиозные предпочтения граждан.

Использование понятия «гибридная война» на протяжении последних лет стало вполне обыденным, что свидетельствует об акту-

альности этого социокультурного явления. Попытки осмыслить его значение для современности предполагают комплексный теоретико-

АЛИЕВ Джомарт Фазылович – кандидат экономических наук, первый проректор, заведующий кафедрой методов и технологий современной пропаганды и контрпропаганды Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: alievdf@rgsu.net, AuthorID: 1168750.

Ключевые слова: гибридная война, социокультурные феномены, социокультурная идентичность, война культур.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_4

методологический подход разных областей научных знаний. На наш взгляд, именно в этом и кроется существенная проблема в понимании этого социокультурного феномена. Отсутствие верифицированного понятия приводит к тому, что разные авторы понимают под гибридной войной зачастую совершенно различные по форме и содержанию явления и процессы [1, 2]. Условно такого рода различения можно определить как рассмотрение данного феномена в широком смысле – межгосударственные противостояния (глобальные или локальные) и узком – конкретные формы противодействия в государственных и межгосударственных отношениях [3].

Новый толчок к актуализации изучения феномена гибридной войны получил с началом СВО. Для большинства специалистов и лиц, интересующихся такого рода явлением, стало понятным, что развитие военной науки и техники в современных условиях не может являться залогом достижения желаемого результата. Для многих сейчас стало вполне очевидным, что с развитием новых (гибридных) форм и видов военных действий, техническое превосходство может рассматриваться лишь как один из элементов, определяющих характер противостояния. В основе превосходства над противником в гибридной войне лежит не столько (вернее не только) умение стратегически мыслить при реализации военных действий, сколько комплексное применение нестандартных решений, военного и

невоенного характера. Например, такого рода факторами могут выступать социокультурные и ментальные особенности представителей противоборствующих сторон.

Изменение социально-политической обстановки в последний год-полтора, привело к актуализации исследований, направленных на понимание сущности рассматриваемого феномена. Отсюда и существующее представление о том, что данная проблематика может рассматриваться как «относительно новая» [4] в контексте современных научных исследований не только спорно, но и не продуктивно. Конечно, мы можем согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что в сравнении с зарубежными разработками масштабы российской науки в этом направлении значительно скромнее. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что отдельными исследователями гибридная война воспринимается как некое популистское понятие и, следовательно, не имеющее конкретного содержания [5, 6]. Объективная оценка зарубежных исследований в этой области позволяет констатировать, что социокультурная составляющая этого явления определена несколько абстрактно. Наибольшее внимание уделяется тактическим, а не идеологическим вопросам [7, 8]. Отсюда, создается впечатление, что существующий в современной литературе методологический подход строится на принципах, что гибридная война детерминирована особенностью цивилизационного развития кон-

кретного государственного образования. Таким образом, актуализируется система ценностей, разделяемая основной массой населения страны, что ставит под удар в первую очередь сознание граждан, создавая тем самым угрозу национальной безопасности государства.

Если исходить из того, что особенностью гибридных войн является воздействие на мировоззрение граждан государства-противника (либо иной противоборствующей стороны), то механизм ее реализации лежит в сфере социокультурных основ такого государственного образования. Тогда мы можем констатировать, что социокультурная сфера должна рассматриваться как наиболее вероятный (уязвимый) объект потенциального удара различных видов гибридного воздействия. Здесь, на наш взгляд, необходимо иметь в виду, что гибридная война, как правило, носит компенсаторный характер. За счет наличия совершенно разных компонентов государство может компенсировать свои слабые стороны в тех сферах, в которых оно сильнее. Ранее, в период ведения конвенциональных войн, такая форма «защиты», была попросту невозможна. Если у государства не было необходимого количества вооружения, вероятность победы над противником была крайне мала. В современных условиях, даже подвергаясь атакам в одной из своих слабых сфер (например, в области образования), страна может контратаковать государство-агрессора с точки зрения одной из своих силь-

ных сфер (например, экономической), постепенно «латая дыры» в слабых местах.

Очевидно, что в условиях гибридного противостояния тактика ведения боевых действий традиционной (конвенциональной) войны претерпевает существенные изменения. Выше мы уже обращали внимание на то значение, которое имеет для этого развитие современной научной мысли. Теперь набор средств для ведения военных действий стал более технологичным. Примером могут служить применение ВКС России в совокупности с силами специальных операций в Сирии, где техническое превосходство позволило достичь желаемого результата с наименьшими людскими потерями [9]. В качестве же примера применения форм гибридной войны отдельные авторы предлагают рассматривать тактику США, использующих так называемые цветные революции [10, 11, 12, 13]. На наш взгляд, такого рода экстраполяция не совсем удачна. Рассмотрение цветных революций в контексте гибридных войн специалистами различных отраслей знаний не достигает поставленной цели, так как рассматривается как нечто новое в средствах межгосударственного противостояния.

Так отдельные авторы, ссылаясь на опыт послевоенного периода Второй мировой войны, предлагают рассматривать гибридизацию военного противостояния в контексте «развития давнего противостояния западного и русского мира» [14]. Действия условного Запада в

отношении нашей страны (цивилизации) развивались поэтапно: холодная война – информационная война – гибридная война, последняя из которых, в сущности, представляет собой «компилированный опыт прошлых лет» [14]. Полагаем, что в данной концепции есть рациональное зерно. Технологии ведения прямых и не прямых военных (любых враждебных) действий в современном мире существенно расширили спектр применяемых возможных (необходимых) средств. В частности, активное использование интернет-ресурсов позволяет государству-агрессору действовать на чужой территории¹ [15]. Здесь наиболее активно используются социальные сети для разжигания конфликтов на почве политического, экономического, социального и этно-религиозного различия населения. Главным признаком сетевого противоборства в гибридной войне выступает синтетическое единство акторов [16].

Активное применение новых коммуникативных средств и технологий позволяет в качестве основного признака гибридных войн определить их интегративный² характер [17]. Специалисты отмечают, что рассматриваемый феномен интегрирует «сразу несколько увязанных в единый замысел направ-

лений борьбы: военное, информационное, экономическое, политическое» [18]. Из приведенной цитаты видно, что интегрирующим элементом всех вышеперечисленных объектов воздействия выступает социокультурный аспект. Логика такого концептуального подхода позволяет определять не только цели такой войны, но и видеть аналитическую основу в механизме целеполагания, лежащего в основании выбираемых средств борьбы (воздействия).

Еще в советский период в отечественной науке сложилось представление о характере (в зависимости от их целей) войн: «справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные» [19, с. 282]. Такого рода классификация была детерминирована ролью войны как средства, влияющего на эффективность (прогрессивность) государственного строительства (эволюционный подход). Сейчас такой методологический подход рассматривается как своеобразный анахронизм [20]. В то же время, современная военная доктрина Китая содержит такого рода классификацию как основу военной стратегии [21]. В отличие от наших специалистов китайские коллеги хорошо понимают, что ход любого военного противостояния является непредсказуемым и, следуя диалектическому подходу, определяют

¹ В литературе такой вид воздействия на противника определяется как «концепции дистанционных боевых действий» (Remote Warfare). (См.: Тиханычев О. В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30-43.)

² В справочнике Military Balance гибридная война (англ. hybrid warfare) трактуется как «интегрированная кампания». (См.: The Military Balance-2015. Editor's Introduction // <https://www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2015-5ea6/mb2015-00b-foreword-eff4>).

возможное изменение характера войны – справедливую в несправедливую и наоборот. Причем характер таких изменений может быть обусловлен интересами не только непосредственных участников конфликта, но и иных бенефициаров [22]. Таким образом, оценка гибридных войн, по сути, должна определяться не столько ее первоначальными целями, сколько ее реальными результатами. Уже очевидно, что ее основными последствиями будут не столько реальная гибель населения проигравшей стороны, сколько разрушение системы культурных ценностей этого общества и государства.

Если исходить из общепринятых формальных признаков, то справедливость войны определяется обороняющейся стороной – нападающая, соответственно, ведет несправедливую (осуществляет агрессию) [23]. Для оценки характера гибридного противостояния определить нападающую и обороняющуюся стороны крайне затруднительно до тех пор, пока оно не перейдет в открытое противостояние. Как правило, этот критерий основывается на наличии так называемой горячей фазы войны – реальном применении вооруженных сил как предпосылке «масштабных изменений по формированию мирового порядка» [24]. Итогом, то есть конечным результатом гибридной войны будет такое

мироустройство, которое будет «соответствовать модели выживания мировой транснациональной элиты» [24].

Такой итог противостояния существенно отличается от общепринятого представления о победе в войне. По мнению Н. Ф. Низовцевой и Н. В. Гришанина, победа в гибридной войне будет «абсолютно необратимой, то есть исторически неоспариваемой ввиду отсутствия оспаривающей стороны вследствие ее ухода с исторической арены» [25]. Вероятность такого исхода объясняется тем, что данный вид военного противостояния, хотя и имеет внешний источник, в то же время, его последствия будут определяться от имени представителей побежденного государства. У побежденной стороны будет существовать стойкое убеждение в том, что это их собственный выбор, который априори не может подвергаться сомнению [26]. Безусловно, такого рода сценарий разделяют не все исследователи, прежде всего потому, что гибридность как форма «преодоления эссенциалистского понимания этничности и идентичности» формирует ряд трудностей с точки зрения определения своего содержания³ [27]. Существующая на сегодняшний день неоднородность современного мира может, в сущности, нивелировать отдельные

³ В традиционной социологии выделяются три основных способа употребления этого понятия: 1) культура как содержание или продукт, «набор культурных атрибутов или артефактов какой-то местности или группы»; 2) культура как процесс или механизм, как мировоззрение или «запас» компонентов, из которых рождаются культурные формы и продукты; 3) культура как форма или структура, как «паттернированные способы знания и делания». (См.: Anthias F. *New hybridities, old concepts: the limits of 'culture'* // *Ethnic and racial studies*. L., 2001. Vol. 24. N 4. P. 619-641).

методы ведения гибридных войн. Особенно это характерно для государств и регионов с полиэтническим составом населения, где принадлежность лица к конкретному государственному образованию лежит в основе признаков идентификации его индивида. Российская Федерация может служить здесь классическим примером, где этнорелигиозные различия уходят на второй план в условиях внешней угрозы государства. По этому поводу в литературе высказывалось суждение, что гибридная война, «в определенном смысле, это культурная война или война культур» [28].

В этой связи отечественные исследователи обращают особое внимание, что в качестве объектов гибридных методов воздействия притворствующая сторона определяет ментальность отдельных этнорелигиозных сообществ. Агрессор наносит удар по естественным или мнимым различиям в мировоззренческой сфере населения посредством специфических методов манипулирования сознанием. По мнению В. А. Романовой, это не составляет трудностей в виду того, что «современное общество находится в большой зависимости от информационно-телекоммуникационных систем, и этот факт не может быть не учтен при разработке технологий воздействия на сознание людей путем манипуляций» [29]. Проведенный А. А. Коноплевым с соавторами анализ концептуальных положений гибридной войны в социокультурной сфере позволил установить наиболее вероятные цели, которые

агрессор может определять в качестве приоритетных:

- изменение мировоззрения населения противника;
- подрыв авторитета правящей власти;
- распространение чувства разочарования в своем народе, его традициях, укладе, истории [26].

В этой связи довольно интересное исследование провела А. М. Сосновская, которая проанализировала применение манипулятивных технологий гибридной войны на Украине посредством ложных идеологем, внедряемых через средства массовых коммуникаций [30]. Автор данного исследования в качестве объекта определила «символические формы и значения, конструирующие реальность данного конфликта для аудитории». В основании дискурсивного анализа ею была взята работа Дж. Томпсона, посвященная идеологии как стратегической деятельности средств массовой информации [31, с. 56–66].

Текстовое содержание анализа событий, происходящих на Украине после 2014 года, связанных с разрушением мировоззренческих установок населения представляются в виде многолетнего конфликта двух народов и их культурного наследия. В фокусе такого подхода прослеживается концентрация внимания на содержательной стороне этнокультурного конфликта, на основе чего происходит мобилизация смыслов, определяющих характер сосуществования двух государственных образований. Уровень противоречий определяет и степень управляемости

населением этой территории, укрепляя властные полномочия местных «элит» и образующихся вокруг них сообществ. Отсюда анализ специфической идеологии (в данном контексте исключительно русофобской) предполагает формирование смыслов, определяющих доминантность властных отношений. Дж. Томпсон предлагает в этих отношениях выделять, прежде всего, их классовый (в смысле неравенства и эксплуатации) характер. Это позволяет акторам дифференцировать населения на различные группы по половому, этническому признакам, а также принужденности к контурному государственному образованию [31, с. 60].

В то же время в оценке характера «многовекового конфликта» прослеживается и прагматический подход. Идеологи предлагают выносить за скобки экономические отношения, которые приносят прибыль их государству и наносят урон противнику. Парадоксальность такого подхода определяется тем, что это происходит на фоне гиперболизации геополитических и социокультурных противоречий, представляемых как неразрешимых. Более того, если изначально такого рода противоречия выглядели, мягко говоря, не убедительно, то по прошествии определенного времени они стали приобретать характер общеизвестной истины. Для современного украинского обывателя война культур не только является очевидным фактом, но и предполагает (допускает) ее переход в прямое военное столкновение с сопредельным государством – гибридный конфликт [32].

А. М. Сосновская предлагает рассматривать выбранный текст не как иллюстрацию конфликтности межгосударственных отношений двух стран, а как один из элементов геостратегических противоречий более высокого уровня. Она предлагает проводить анализ посредством символического конструктивизма, где тексты, иллюстрирующие эти противоречия, не только предлагают репрезентации происходящего, но прежде всего, направлены на формирование совершенно иной реальности. П. Бергер и Т. Лукман характеризуют такого рода явление как способность символических форм оказывать влияние на «процесс конституирования социальных отношений как таковых» [33, с. 14]. Его результатом являются геостратегические противоречия Россия – НАТО, представляемые как конфликтные отношения между Россией и Украиной [30].

Такой анализ существенно расширяет представление о гибридной войне как форме разрешения геостратегических противоречий социокультурными средствами. Современность определяет для нашей страны целый спектр гибридных форм воздействия, которые непосредственно решают задачи разрушения российской социокультурной идентичности. Особенно это стало проявляться в условиях резко изменившейся социально-политической ситуации вокруг нашей страны после начала СВО. Степень и характер воздействия на мировоззрение российских граждан приобрел более конкретизированный

характер, тем самым усиливая механизмы его эффективности. Социокультурное пространство стало объектом «гибридных ударов», которые привели к «частичному разрушению основ общественной жизни и ценностных ориентаций, что позволяет интервенту наиболее надежным образом закрепить свое геополитическое влияние» [34]. Фактически произошла аналогичная ситуация как на Украине, только с отрицательным значением. Там это элементы консолидации общества, а в нашей стране наоборот – десантирование от государства.

Подводя итог, необходимо констатировать, что в современном восприятии гибридная война представляет собой относительно новый феномен социокультурного проти-

востояния различных государственных образований. Условно их можно определить как некие цивилизационные противоречия. Отсюда и акцентуализация воздействия противоборствующих сторон на социокультурной составляющей как основы формирования государства и общества. Сложность в восприятии (принятии) населением такого противостояния обусловлено тем, что в общественном сознании это ассоциируется с советским прошлым – борьбой двух систем (холодная война). Системный социализм воспринимался как основа противоречий между фактическим Западом и условным Востоком. Однако современная ситуация показала, что характер этих противоречий значительно глубже и разнообразнее.

Список литературы

1. Иващенко М. А. К вопросу о понятии и признаках гибридной войны // Российский следователь. 2021. № 12. С. 39-41.
2. Колесников Д. И. Гибридная война как понятие и явление // Социально-политические науки. 2019. № 6. С. 124-127.
3. Дмитриев Д. В. Репрезентация концепта «Гибридная война» в издании «Новая газета» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора К.А. Войловой, Москва, 1 марта 2018 года / Отв. ред. О.В. Шаталова. М.: Московский государственный областной университет. 2018. С. 81-85.
4. Бугорская Е. Н. «Гибридная война» как новый тип войны в 21 веке // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира: сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции, Курск, 14 декабря 2019 года. Курск: Юго-Западный государственный университет. 2019. С. 88-90.
5. Першин Ю. Ю. Гибридная война: много шума из ничего // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 78-109.

6. Першин Ю. Ю. «Гибридная война» как интеллектуальная провокация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 80-88.
7. Glenn RW. Thoughts on “Hybrid” Conflict // Small Wars Journal. 2009. March 02 // <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict> (дата обращения: 05.07.2023).
8. Hoffman F. G. Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. 2007. 72 p.
9. Неклесса А. И. Небесный Вавилон. Гибридный мир и сирийская комбинаторика // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 92-107.
10. Манойло А. В. Роль цветных революций в современных гибридных войнах // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 8(63). С. 13-18.
11. Манойло А. В. Цветные революции в контексте гибридных войн // Право и политика. 2015. № 10. С. 1400-1405.
12. Карякин В. В. Геополитика постмодерна: восприятие гибридных войн и цветных революций в общественном сознании // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3(13). С. 68-78.
13. Матвеева А. М. Гибридные войны и цветные революции в геополитике постмодерна // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 96-111.
14. Домнин В. Н. Брендинг – обоюдоострое оружие современной гибридной войны // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 1–3 марта 2017 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2017. С. 11-14.
15. Тиханычев О. В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30-43.
16. Григорьев В. Р. Социальные сети – инструмент сетевого противоборства в гибридной войне // Информация и безопасность. 2018. Т. 21. № 4. С. 586-593.
17. The Military Balance-2015. Editor's Introduction // <https://www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2015-5ea6/mb2015-00b-foreword-eff4> (дата обращения: 15.05.2024).
18. Филимонов Г. «Гибридная война»: интерпретации и реальность // Свободная мысль. 2017. № 3(1663). С. 17-24.
19. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 3-е. М.: Советская энциклопедия. 1971. Т. 5. Вешин - Газли. 640 с.

20. Томас Д. Доктрина справедливой войны: реликт прошлого или актуальность? // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 7-38.
21. Захарян М. А. Военная доктрина Китая // Мировая экономика в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: материалы научной конференции бакалавров, магистров и аспирантов Института мировой экономики и бизнеса и кафедры международных экономических отношений, Москва, 2 декабря 2014 года. М.: Российский университет дружбы народов. 2015. С. 155-160.
22. Каменнов П. Б. О военной политике и военной доктрине Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 126-148.
23. Шашкин П. А. Концепция справедливой войны в контексте формирования национальной этики ведения военных действий // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 4(138). С. 52-63.
24. Муравых А. И. Горячая фаза мировой войны // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3(91). С. 1128-1135.
25. Низовцева Н. Ф. Гибридная война как геополитический тренд // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7. № 3(25). С. 76-85.
26. Коноплева А. А. Гибридная война как современный социокультурный феномен // Манускрипт. 2018. № 7(93). С. 86-89.
27. Anthias F. New hybridities, old concepts: the limits of «culture» // Ethnic and racial studies. L. 2001. Vol. 24. N 4. P. 619-641.
28. Золотухин В. М. К вопросу о природе и сущности гибридной войны в современном мире: философско-культурологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41-1. С. 99-104.
29. Романова В. А. Информационная составляющая гибридных войн современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 2. С. 293-299.
30. Сосновская А. М. Идеология и массовые коммуникации: гибридная война на Украине // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7. № 3(25). С. 134-142.
31. Thompson J. B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press. 1990.
32. Карулин А. А. Гибридные конфликты как новый феномен международных отношений на примере конфликта на востоке Украины // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности: Сборник работ X международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 марта 2022 года. СПб.: «Скифия-принт». 2023. С. 79-91.
33. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевича. М.: Медиум. 1995. 323 с.
34. Кочетков В. В. Культурное измерение гибридных войн // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 263-267.

ALIEV Dzhomart F. – PhD in Economics, First Vice-Rector, Head of the Department of Methods and Technologies of Modern Propaganda and Counter-Propaganda of the Russian State Social University, Moscow, Russia, email: alievdf@rgsu.net.

Keywords: hybrid warfare, socio-cultural phenomenon, socio-cultural identity, the war of cultures.

HYBRID WARFARE IS A NEW SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Annotation

The article attempts to conduct a critical analysis of existing approaches in Russian humanities to a relatively new socio-cultural phenomenon - hybrid warfare. The essence of the phenomenon considered in the article indicates that the forms of hybrid influence used in modern interstate confrontation have a negative impact on the worldview of citizens. This creates conditions under which the nature of the confrontation between states reaches a qualitatively different level – a hybrid conflict. The warring parties, in their choice of means of influencing the enemy, use new technologies that are primarily focused on the socio-cultural sphere. The analysis of the modern socio-cultural phenomenon of hybrid warfare conducted in the article suggests that the enemy determines the value sphere of a particular social education (people, population, communities), ethno-cultural and ethno-religious preferences of citizens as the most likely objects of influence.

References

1. Ivashchenko M. A. On the question of the concept and signs of hybrid warfare // Russian investigator. 2021. No. 12. pp. 39-41.
2. Kolesnikov D. I. Hybrid war as a concept and phenomenon // Socio-political sciences. 2019. No. 6. pp. 124-127.
3. Dmitriev D. V. Representation of the concept of "Hybrid war" in the publication Novaya Gazeta // Russian language in Slavic intercultural communication: A collection of scientific papers on the results of the international scientific conference dedicated to the 75th

anniversary of the birth of Doctor of Philology, Professor K.A. Voilova, Moscow, March 1, 2018 / Rev. ed. by O.V. Shatalov. M.: Moscow State Regional University. 2018. pp. 81-85.

4. Bugorskaya E. N. "Hybrid war" as a new type of war in the 21st century // Actual problems of international relations in the context of the formation of a multipolar world: collection of scientific articles of the 8th International Scientific and Practical Conference, Kursk, December 14, 2019. Kursk: Southwestern State University. 2019. pp. 88-90.

5. Pershin Yu. Yu. Hybrid war: much ado about nothing // Security issues. 2019. No. 4. pp. 78-109.

6. Pershin Yu. Yu. "Hybrid war" as an intellectual provocation // Scientific note of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2015. Vol. 1 (67). No. 1. pp. 80-88.

7. Glenn R W. Thoughts on "Hybrid" Conflict // Small Wars Journal. 2009. March 02 // <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict> (date of access: 07/05/2023).

8. Hoffman F. G. Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. 2007. 72 p.

9. Nekless A. I. Heavenly Babylon. Hybrid world and Syrian combinatorics // Polis. Political research. 2016. No. 3. pp. 92-107.

10. Manoilo A.V. The role of color revolutions in modern hybrid wars // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2015. No. 8(63). pp. 13-18.

11. Manoilo A.V. Color revolutions in the context of hybrid wars // Law and politics. 2015. No. 10. pp. 1400-1405.

12. Karyakin V. V. Postmodern geopolitics: perception of hybrid wars and color revolutions in public consciousness // Citizen. Elections. Power. 2019. No. 3(13). pp. 68-78.

13. Matveeva A.M. Hybrid wars and color revolutions in postmodern geopolitics // Locus: people, society, cultures, meanings. 2019. No. 4. pp. 96-111.

14. Domnin V. N. Branding – a double-edged weapon of modern hybrid warfare // Branding as a communicative technology of the XXI century: materials of the III All-Russian Scientific and practical conference, St. Petersburg, March 1-3, 2017. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. 2017. pp. 11-14.

15. Tikhanychev O. V. Hybrid wars: a new word in the art of war or a well-forgotten old one? // Security issues. 2020. No. 1. pp. 30-43.

16. Grigoriev V. R. Social networks – a tool of network confrontation in a hybrid war // Information and security. 2018. Vol. 21. No. 4. pp. 586-593.

17. The Military Balance-2015. Editor's Introduction // <https://www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2015-5ea6/mb2015-00b-foreword-eff4> (accessed: 15.05.2024).
18. Filimonov G. "Hybrid war": interpretations and reality // Free Thought. 2017. No. 3(1663). pp. 17-24.
19. The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes / Chief editor A.M. Prokhorov. Ed. 3-E. M.: The Soviet Encyclopedia. 1971. Vol. 5. Veshin - Gazli. 640 pp.
20. Thomas D. The doctrine of just war: a relic of the past or relevance? // Philosophical sciences. 2020. Vol. 63. No. 11. pp. 7-38.
21. Zakharyan M. A. China's military doctrine // World economy in the XXI century: global challenges and development prospects: materials of the scientific conference of bachelors, masters and postgraduates of the Institute of World Economy and Business and the Department of International Economic Relations, Moscow, December 2, 2014. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015. pp. 155-160.
22. Kamenov P. B. On military policy and military doctrine of China // Problems of the Far East. 2014. No. 5. pp. 126-148.
23. Shashkin P. A. The concept of a just war in the context of the formation of national ethics of warfare // Economic strategies. 2016. Vol. 18. No. 4(138). pp. 52-63.
24. Muravykh A. I. The hot phase of the World War // Questions of political science. 2023. Vol. 13. No. 3(91). pp. 1128-1135.
25. Nizovtseva N. F. Hybrid war as a geopolitical trend // Scientific papers of the Northwestern Institute of Management of the RANEPa. 2016. Vol. 7. No. 3(25). pp. 76-85.
26. Konopleva A. A. Hybrid war as a modern socio-cultural phenomenon // Manuscript. 2018. No. 7(93). pp. 86-89.
27. Anthias F. New hybridities, old concepts: the limits of "culture" // Ethnic and racial studies. L. 2001. Vol. 24. N 4. P. 619-641.
28. Zolotukhin V. M. On the nature and essence of hybrid warfare in the modern world: philosophical and cultural aspect // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2017. No. 41-1. pp. 99-104.
29. Romanova V. A. The information component of modern hybrid wars // State and municipal administration. The scientific notes of SKAGGS. 2015. No. 2. pp. 293-299.
30. Sosnovskaya A.M. Ideology and mass communications: hybrid war in Ukraine // Scientific proceedings of the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences. 2016. Vol. 7. No. 3(25). pp. 134-142.

31. Thompson J. V. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press. 1990.
32. Karulin A. A. Hybrid conflicts as a new phenomenon of international relations on the example of the conflict in eastern Ukraine // Russia in the global world: new challenges and opportunities: Collection of works of the X International Student Scientific Conference, St. Petersburg, March 24-26, 2022. St. Petersburg: "Scythia-print". 2023. pp. 79-91.
33. Berger P. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge / Per. E.D. Rutkevich. M.: Medium. 1995. 323 p.
34. Kochetkov V. V. The cultural dimension of hybrid wars // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2015. No. 4. pp. 263-267.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ» В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ЧАСТЬ I

Аннотация

В статье рассматриваются основные аспекты исторической политики государств Центральной Азии, наблюдаемые в последнее время. После перехода прокси-войны Запада против России в активную фазу на территории Украины, в центральноазиатских республиках отмечается активизация социальных дискуссий вокруг различных тем исторического дискурса. Тематика политики памяти как составной части идеологической политики страны со стороны властей государств региона пребывает в сложном состоянии ввиду ряда внутренних и внешних элементов воздействия на эту сферу. Настоящий текст также является попыткой рассмотреть степень влияния процессов, которые можно назвать «войнами памяти», на формирование в республиках центральноазиатского региона новых идеологических основ существования политических систем, социальное самочувствие и внешнеполитическое позиционирование стран Центральной Евразии.

ГРОЗИН Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Россия, Москва, email: andgrozin@yandex.ru, SPIN-код: 5621-8571.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, историческая политика, войны памяти, Россия, Запад.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_18

Актуальные общие тенденции центральноазиатской исторической политики

Изначально, с момента получения независимости перед новыми государствами Центральной Азии (ЦА) стояли схожие задачи консолидации политической системы, властных элит и общества, сохранения территориальной целостности, а также полиэтнического единства в рамках одного государства. С утратой советской идеологии и отсутствием принятых обществом новых идей и ясного представления о политике страны, в сознании населения образовался вакуум, который легко могли заполнить ультра национализм, псевдорелигиозный экстремизм, регионализм и сепаратизм. Радикализация общества угрожала не только целостности новых республик, их политических систем и экономик, но и сохранению властными элитами занятых позиций, контролю над ресурсами и даже их физическому существованию. Данный факт наглядно продемонстрировали практики начального этапа гражданской войны в Таджикистане.

Из понимания данных угроз следовала объективная необходимость для элит новых стран не только эффективно руководить национальной экономикой, но и пробудить в обществе национальное самосознание, восстановить историческую память и выработать у населения потребность «возврата к корням», к национальным социокультурным ценностям.

Нужна была, по возможности, внутренне сбалансированная и непротиворечивая, учитывающая особенности национальная идея, новая идеология, легитимирующая суверенитет и новую систему власти. Каждая из центральноазиатских республик пыталась выстроить собственную модель, однако, везде историческая наука рассматривалась властями в качестве одного из прикладных инструментов идеологического строительства, призванного регулировать и контролировать общественные процессы. Не смотря на некоторые «национальные особенности», везде активно продвигались востребованные мифы, отбирались подходящие факты и предавались забвению факты и документы, не вписывающиеся в принятые государственные исторические концепции. Подобный селективный подход закономерно привел к массовому очевидному неуважению к историкам и исторической науке в целом и породил «клиповое» восприятие мировой и национальной истории.

Историческая наука является не просто совокупностью фактов и событий, но и толкователем сложных и противоречивых процессов развития государств и обществ. Неоднозначность создает возможности для множественности идеологизированных трактовок и намеренных упрощений для реализации текущих политических целей. История была и остается важным инстру-

ментом элит: ее официальная версия служит основой для мобилизации граждан в поддержку существующей политической системы.

Поэтому особо значимой и для государственной системы идеологии, и для национал-патриотического направления общественной мысли в государствах ЦА была и остается историческая политика. Она включает в себя различные составляющие: категорическое отрицание любых позитивных аспектов периода нахождения региона под властью Российской империи и Советского Союза, выстраивание схем, подтверждающих непрерывность исторического развития на территории современных государств ЦА, «сепарирование» собственной, «особо великой» истории из истории общерегиональной, нестихающая борьба за «удревнение» национальной истории, многолетнее стремление «приватизировать» «исторически престижных» предков (арийцев, Тюркского каганата, гуннов Аттилы, или наследие улусов Золотой Орды и т.д.). Политики, историки, общественные активисты, блогеры региона ЦА, участвуя в «войнах памяти», «восстанавливают историческую справедливость», призванную мобилизовать титульные этносы на строительство их национальных государств.

Поскольку при этом история (как и иные общественные науки) важна для понимания текущих событий и конструирования будущего, деформированное восприятие центральноазиатскими народами истории родной страны привело к

общей дезориентации общественного сознания по самому широкому кругу проблем. На это положение прямо влияют и процессы серьезной общей деградации образовательных систем региона. Одновременно, неоспоримым является факт широкого роста влияния этноцентристских идей и настроений в центральноазиатских обществах.

Начавшаяся с февраля 2022 года на Украине фаза прямого противостояния России и стран Западного блока, оказала серьезное влияние на развитие исторической политики стран Центральной Азии.

Это влияние обуславливалось двумя основными факторами.

Во-первых, отрицание всего связанного с Россией и, особенно, советского периода в истории государств ЦА обусловлено глубокими внутривосточными процессами, имеющими русофобскую основу. Причина этого имеет не только внешний характер, через продвижение антироссийской риторики и через иностранное финансирование. Дело еще и в том, что власти постсоветских государств изначально, с момента получения суверенитета, пытаются отрицать достижения советского периода, чтобы добиться, как им видится, самостоятельного политического и экономического взлета, ожидаемого уже более трех десятилетий. Это происходит потому, что на фоне широкомасштабных успехов советского модернизационного проекта все чего добились государства ЦА после 1991 года, выглядит, мягко говоря, не слишком значительно.

Очень трудно сравнивать достижения, например, одного только этапа довоенного развития СССР, когда общества центральноазиатского региона совершили невиданный в своей истории экономический рывок, построили современную индустрию, преобразовали аграрный сектор, реализовали масштабную культурную революцию, и результаты развития стран ЦА в течение тридцати лет после распада Союза. Вполне «естественной» реакцией на такое положение для властных элит остается антисоветизм, антикоммунизм и «антиколониальный дискурс», процветающие в центральноазиатских странах на настоящем этапе. В наиболее экономически развитом в регионе государстве – Казахстане – еще с начала-середины 1990-х годов простаивают или закрыты 8 крупных предприятий тяжелой индустрии, 17 – легпрома, 8 – химпрома, 7 – пищепрома, входивших в реестр высокомоощных предприятий СССР [1]. Во всех странах ЦА в кризисном состоянии находится энергетика, жилищно-коммунальное хозяйство крупных и малых городов.

При этом очевидным остается факт, что, только опираясь на серьезный экономический задел советского периода, к настоящему времени республики ЦА частично преодолели ряд негативных последствий распада СССР и последующих социально-экономических катаклизмов. Без «советского наследия» социально-экономический

кризис в странах региона ощущался бы намного тяжелее, чем то, что пережило население в 90-е.

Во-вторых, историческая политика становится инструментом и полем боя в новой «гибридной войне» Запада против России и ее союзников. Один из ее важнейших инструментов – фальсификация истории. В Совете безопасности России отмечали, что США финансируют деятельность по искажению исторических фактов в странах СНГ с целью реабилитации нацизма и принижения роли советского народа в достижении Победы [2]. Западные страны постоянно ищут различные направления, с которых можно вести борьбу против России, и одним из них остается Центральная Азия.

С начала специальной военной операции (СВО) масштаб и активность «несиловых» методик борьбы против российского влияния в центральноазиатском регионе перешла на новый, качественно более высокий уровень, создавая существенные «невоенные угрозы»¹ для РФ. Против России была развязана масштабная информационно-психологическая война, одной из составных частей которой являются проводимые в рамках исторической политики так называемые «войны памяти» [3, с. 61].

При этом во всех странах ЦА Западный блок действует по единой методологии: в ходе действий по «цивилизационному стиранию» общего для региона советского прошлого в

¹ Под «невоенными» нами понимаются угрозы безопасности государства, способные при реализации причинить практический ущерб его национальным интересам невоенными средствами.

рамках агрессивно реализуемой «политики памяти». В ее реализации выделяется два крупных этапа:

1. Создание «болевых точек» в историческом прошлом в стране-мишени, особенно в ее советский период. Для этого осуществляется нарушение и последующая смена привычных моделей коммуникации, широко используются технологии «исторического менеджмента», в обществе закладываются платформы для будущего социального раскола. Цель этого этапа – хаотизация социума, подрыв доверия к действующим властям, создание в стране-мишени ощущения неуверенности и внутренней смуты, максимальное распыление общественных сил.

2. Перевод общественного сознания в нужное состояние (стирание исторической памяти, замена культурного кода, виктимизация общественного сознания). Цель – внедрение новой картины мира, отказ от исторического прошлого и, в итоге, переподчинение страны-мишени внешнему центру силы. «Го-

лодоморщики», потомки «жертв подавления восстания 1916 года» и «антиколониалисты» настаивают, на том, что народы ЦА в новейшее время были слабовольной или совсем безвольной жертвой царизма и большевиков. Насаждение «голодоморной» пропаганды схоже с виктимизацией и как отмечал российский историк Д. Верхотуров, образ народа-жертвы, создаваемый «голодоморщиками» доказывает, что такой народ «не является политическим субъектом, а лишь объектом внешнего воздействия, причем до такой степени, что не может защищать даже основы своего существования, даже свою жизнь» [4].

Сегодня страны западного блока активно распространяют антироссийскую политику в международном пространстве с помощью «переконфигурации» старых и выстраивания новых исторических конструкций, которые в том числе транслируются в информационном пространстве центральноазиатских республик, связанных с Россией общей историей.

Актуальные особенности политики памяти в регионе

Казахстан

Начало и расширение масштабов противоборства России и объединенного Запада для Республики Казахстан (РК) совпало с искусственно затянутым периодом транзита высшей власти и вызванной этим перестройки системы меж-

элитных отношений, переделом собственности и сфер влияния.

Сфера идеологической работы при этом в течение 2019-2022 гг. испытывала серьезные перегрузки, связанные с кадровыми перестановками и перефокусировкой под но-

вые административные и организационные задачи. При этом, конечно, историческая политика, как составной элемент государственного идеологического аппарата не оказалась полностью пущенной на самотек, но ранее достигнутая выстроенность системы была несколько поколеблена. Усилились различные, неконтролируемые властью элементы самодетельных псевдоисторических изысканий, а также значительно усилилось внешнее влияние на процессы в сфере исторического и околоисторического знания. Это, в свою очередь, привело к резкому всплеску в стране «войн памяти», продолжающихся до настоящего времени.

Последовавший после фактического прекращения в РК в январе 2022 года «двоевластия» период, совпавший с началом СВО России на Украине, продолжает развиваться и уже позволяет сделать некоторые основные выводы.

Чрезмерная патетика по поводу удревления казахской истории и ее непрерывности (начиная с Тюркского каганата и до сегодняшних дней), отмечавшаяся в РК в предыдущие десятилетия, не только сохранилась, но и заметно активизировалась.

Продолжилась старая дискуссия по этногенезу казахского народа. При первом президенте РК идея автохтонности (от андроновской культуры бронзового века и саков до современных казахов) всё же утверждалась не прямо и чаще писалось о духовной преемственности современных казахов от ариев Ар-

каима. К настоящему времени канонической для казахстанской истории стала версия о том, что все племена и народы изначально населявшие степи сегодняшнего Казахстана, были, упрощая, «прото-казахами».

Наглядной иллюстрацией того, как фолк-истори превращается в официальную историю Казахстана стала история с депутатским запросом на имя премьер-министра РК «О необходимости увековечения великих событий в истории народа», в котором казахстанские парламентарии указали: «В отечественной истории немало ярких примеров самоотверженной защиты народом своей родной земли, в их числе – значимые события всемирного масштаба. В этой связи в первую очередь можно привести сражение между великим правителем Киром и массагетами. Это событие вошло во всемирную историю, нашло отражение во многих художественных произведениях, сценических постановках. Широко известна повесть Болата Жандарбекова «Томирис». Недавно вышел в свет фильм «Томирис», снятый киностудией «Казахфильм». Мы хотим сказать о значимости этого сражения в истории страны, его роли в формировании национального самосознания, воспитании патриотизма... Если бы в той битве с массагетами Кир не потерпел поражение, политическая карта мира того времени сложилась бы по-другому и многие народы были бы поработены жестоким правителем. Полагаем, что этот великий подвиг

наших предков на пути к свободе и независимости должен занять свое достойное место в нашей истории, повествоваться в школьных учебниках и через труды специалистов-исследователей широко распространяться на разных языках мира. Не будет излишним увековечение памяти – установление монумента, посвященного этому выдающемуся событию в истории Великой степи» [5].

Ко всему вышеизложенному можно добавить только то, что большинство ученых еще со времен античности придерживается мнения о том, что саки, скифы, массагеты и другие ранние кочевники, жившие на территории Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы не были тюрками и монголоидами, а относились к европеоидной расе и говорили на индоиранском языке. Позднее язык и состав населения менялся в ходе военных, миграционных и ассимиляционных процессов.

Астана стала постепенно выстраивать преемственность РК по отношению к Тюркскому каганату и иным древним государствам, затем к этому ряду которых добавили и Золотую Орду. Характерно, что несмотря на принадлежность Юго-Восточного Казахстана к улусу Чагатайская никак не повлияло на тренд сакрализации улуса Джучи. При этом активно продолжают попытки «найти» мифического Ала-

ша-хана XII века, хотя квалифицированные историки давно идентифицировали его с историческим Хак-Назаром XVI века [6].

Тенденция искусственного удревления национальной истории и стремление изобразить ее непрерывной в последнее время получила официальное, программное закрепление. Президент РК Касым-Жомарт Токаев 15 марта 2024 г. в ходе выступления на Национальном курултае в Атырау указал: «Символично, что сегодняшнее мероприятие проходит в год 800-летия образования Улуса Джучи. Однако это не повод для пышных торжеств, а, прежде всего, стимул к серьезной исследовательской работе. Улус Джучи занимает значимое место в традиции государственности Казахстана, потому что прошлое, настоящее и будущее нашей страны тесно переплетены с его историческим наследием. Важно, чтобы восприятие Золотой Орды в мире было неразрывно связано именно с Казахстаном»². Также президент дал ряд конкретных поручений по укреплению в стране и продвижению на мировой арене мысли о правопреемственности сегодняшнего Казахстана улусу Золотой Орды.

Говоря о исследовании в республике новой и новейшей истории, следует отметить, что политический запрос на «новую историю» изначально ориентировал казах-

² Токаев: Важно, чтобы восприятие Золотой Орды в мире было неразрывно связано с Казахстаном // <https://www.zakon.kz/politika/6427642-tokaev-vazhno-chtoby-vospriyatie-zolotoy-ordy-v-mire-bylo-nerazryvno-svyazano-s-kazakhstanom.html> (дата обращения: 15.03.2024).

станских ученых на ее антисоветскую, по сути, версию. Поэтому в отношении советского периода в последние годы возобладали идеологизированные политические оценки. Основным при этом стало то, что в силу однобокой подачи они имеют слабое научное обоснование: в учебной литературе и, особенно, в околоисторической публицистике, ориентированной на массового потребителя, заметно общее доминирование эмоционально окрашенного негатива при скудости подтверждающих такой подход исторически корректных фактов.

Ранее казахстанские историки пытались оценивать период КазССР с объективных позиций и придерживались нейтральных характеристик. В настоящее время в общественном мнении РК доминирует негативизация советского периода, хотя немалая часть населения все-же сохраняет адекватное восприятие, поскольку жило в то время.

Целенаправленная демонизация времени нахождения Казахстана в составе СССР шла параллельно нарастанию сбоев в политической и экономической сферах. При этом данный подход касается, в первую очередь, периода репрессий и темы голода 1932-1933 годов. Как указывает ведущий казахстанский элитовед Д. Ашимбаев, «Говоря же о репрессиях, сейчас принято указывать, что это была целенаправленная политика Центра по отношению к Казахстану и казахам. Но при этом мы прекрасно видим, что оценку деятельности

казахских руководителей того периода стараются не давать. А такой подход чреват межнациональной и межгосударственной напряженностью... Попытки сведения псевдоисторических счетов задним числом уже отражаются на нашем поле. И мы видим, что все это происходит исключительно под внешним воздействием, направленным на подрыв казахстано-российских или казахстано-китайских отношений» [7].

Относительно же голода 30-х годов и при первом, и при втором президентах РК заметны попытки называть ее «геноцидом», хотя специалисты категорически отвергают применимость этого термина к трагедии массовой коллективизации республики.

«Геноцидная» версия, официальной исторической наукой РК не провозглашается в качестве официальной, но и не только не критикуется казахстанскими историками, но и не комментируется и даже продвигается не только «историческими публицистами» и «неравнодушными общественниками», но и рядом ученых. Параллельно с продвижением этой трактовки создается и укрепляется постколониальный синдром. Из истории советского периода, включающей в себя не только межнациональные взаимоотношения, но и разнообразие экономического, социального, культурного и научного развития, остается только тематика репрессий и голода 30-х годов, формирующих представление о, де-факто, «геноцидном» со-

держании всего времени нахождения казахской степи под российским контролем. При этом многие факты вырываются из контекста, гипертрофируются и выстраиваются в логический ряд, призванный максимально негативизировать отношения Казахстана с Россией. Нации навязывался комплекс антироссийских установок: модель жертвы, неполноценность и готовый образ врага. Российский писатель и историк Лев Усыскин так обрисовал эту, общую для стран ЦА, но особенно ярко проявляющуюся в Казахстане, особенность исторической политики, названную им виктимно-националистической: «Она стоит на том, что российская власть над Казахстаном – это однозначно черная полоса в истории казахского народа. Она лишила казахов имевшейся или, в крайнем случае, почти достигнутой государственной независимости, заставив испытать все тяготы колониализма, ограбила казахов экономически, обеднила духовно, затормозила развитие самобытной культуры и связанных с ней народных форм хозяйственной деятельности» [8].

Несмотря на все попытки сделать в РК процесс ревизии истории управляемым, в сфере политики памяти страны появилось множество дилетантов, в том числе и занимающих высокие должности, а заодно историков-политиков, борющихся за «родовую справедливость». Такая ситуация характерна для всех стран региона, но именно в Казахстане она

приобрела особо масштабные формы. В республике на историческую политику кроме идеологии и национал-патриотов давят еще и традиционные для казахских обществоведов интриги и дразги, бюджетные бои и ограничения. Как пишет Д. Ашимбаев, «Приходится констатировать достаточно плачевное состояние дел в этой сфере, из которого можно будет выйти с помощью серьезной и системной кооперацией национальных и зарубежных специалистов, создания постоянных дискуссионных площадок и адекватных периодических изданий» [6]. Стоит отметить, что и президент страны в последнем крупном выступлении, посвященном состоянию и перспективам развития исторической науки, не обошел деликатный момент, касающийся специфического понимания истории частью казахского социума. Сформулировал он это так: «Для всех казахов большое значение имеет почитание своих предков, знание и изучение родословной. Поэтому шежыре является неотъемлемой частью нашего культурного кода. Однако мыслить в такой ограниченной рамке нельзя, главное, недопустимо политизировать эту тему». И далее призвал сограждан не впадать в трайбализм: «В последнее время в практику входят различные коллективные письма с просьбами увековечить память о тех или иных людях по принципу родства и землячества, установив им памятники и монументы, присвоив их имена улицам. Это весьма не-

приятная ситуация. Подобный подход деформирует единое идеологическое пространство страны, негативно сказывается на воспитании будущих поколений»³.

Как отмечает профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая, член союза художников Казахстана Аман Ибрагимов, «искажение исторических фактов любого государства является неприемлемым и может нанести ущерб обществу, так как может подорвать культурную идентичность. Сейчас в век быстрого распространения информации и стремительного развития, очень важно сохранять культурные традиции. Немаловажным фактором является, чтобы граждане были осведомлены и знали «свою историю», чтобы правильно анализировать и критически мыслить по предоставленной информации от СМИ. В свою очередь уважение идентичности народа должно быть в приоритете для СМИ»⁴.

Понимание того, что внутриэлитная борьба и внешнее воздействие пагубно влияют на историческую политику страны, вынудило президента К.-Ж. Токаева попытаться изменить ситуацию.

В выступлении на Национальном курултае в Атырау в марте 2024 г. президент РК высказал ряд тезисов, ориентированных на неконфликтное развитие области общественного исторического сознания и уход от навязываемых «войн памяти». В частности, Токаев заявил: «В целом, нельзя противопоставлять различных исторических деятелей, прошлый и современный периоды истории. Ведь, по сути, все это – наша история, пройденный нашим народом путь. Как бы то ни было, нам надо честно и беспристрастно смотреть на свою историю и принимать ее такой, какая она есть. Наша история должна стать фактором консолидации нации.

Надо признать, что иногда мы воспринимаем историю слишком эмоционально. Излишнее копание в прошлом принесет нам больше вреда, чем пользы. Прошлое изменить никому не по силам. И стоит всегда помнить, что самый справедливый судья – это время»⁵ [12].

Удастся ли Астане как-то изменить многолетний тренд в реализации исторической политики страны, покажет самое ближайшее будущее.

³ «Нас называют территорией памятников» – Токаев призвал отказаться от большого количества монументов. // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nas-nazyvayut-territoriye-pamyatnikov-tokaev-prizval-529366/ (дата обращения: 02.05.2024).

⁴ Почему МИД РК не продлил аккредитацию 36 корреспондентам Радио Азаттык // <https://kz24.news/article/obshestvo/mid-rk-ne-prodlil-akkreditatsiyu-radio-azattyk.html> (дата обращения: 26.03.2024).

⁵ Полный текст выступления Токаева на Национальном курултае // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/polniy-tekst-vystupleniya-tokaeva-na-natsionalnom-kurultae-529424/ (дата обращения: 26.06.2024).

Узбекистан

В Узбекистане главным актором процессов выстраивания исторической политики остается власть страны. В республике, как и в Казахстане и Киргизии ещё до начала СВО были запущены процессы массовой реабилитации всех «жертв советского режима». В апреле 2023 года Верховный суд Узбекистана посмертно оправдал 208 репрессированных во времена СССР⁶. До этого, в декабре 2022 г., были реабилитированы еще 173 человека.

При этом в списках репрессированных, попавших под реабилитацию, встречаются разные люди. С одной стороны, они содержали имя Ибрагим-бека – одного из основных лидеров басмаческого движения в Средней Азии 1920–1930-х. Одновременно с ним реабилитировали джадидов – просветителей и журналистов, работавших в сфере народного просвещения.

По поводу масштабов, направленности, качества ведения дел и работы узбекской судебной системы до сих пор остаются вопросы. В 1920–1930-е годы люди были осуждены по очень разным причинам и статьям, но их дела сейчас рассматриваются «списком», и все подряд зачисляются в «жертвы режима». В стране со стороны ряда историков звучат сомнения в таком подходе, указывается на

то, что события 1920–1930-х гг. нельзя анализировать односторонне и выступая с позиции антисоветизма.

В 2023 году президент Шавкат Мирзиёев провозгласил новые исторически положительно оцениваемые в стране фигуры – джадидов. При этом в Узбекистане не наблюдается резкой перестройки исторического пантеона: «великий предок, который принес мир на землю Центральной Азии, построил огромное и великое государство» [9] Амир Тимур, Сохибкиран (букв. «рожденный под счастливой звездой») сохраняет доминирующие позиции в узбекской официальной исторической науке.

За время, прошедшее с начала СВО, Узбекистан демонстрирует наращивание торгового оборота с Россией. По итогам 2022 года он вырос на 23% и достиг \$9,28 млрд, а в 2023 году – \$9,9 млрд⁷. Официально Узбекистан также придерживается подчеркнуто нейтральных позиций в конфликте России и Западного блока. Что касается антироссийских настроений в стране, они начали пробуждаться в социальных сетях, но развития не получили ввиду четкого государственного контроля медиаполя и пока ещё слабого в финансовом и организационном плане сектора прозападных НПО/НКО.

⁶ Верховный суд Узбекистана реабилитировал еще 208 человек, репрессированных в 1930–1931 годах // <https://www.gazeta.uz/ru/2023/04/20/court/> (дата обращения: 24.06.2024).

⁷ Товарооборот России и стран Центральной Азии достиг рекордного уровня // <https://islam-today.ru/novosti/2024/03/18/tovarooborot-rossii-i-stran-centralnoj-azii-dostig-rekordnogo-urovna/> (дата обращения 18.03.2024).

Изучением «белых пятен» прошлого и конструированием исторической памяти в стране, прежде всего, занимается Институт истории Академии наук Узбекистана. В нынешнем виде он стал организацией, которая во многом выступает с позиций резко негативистских по отношению к всему советскому периоду истории страны. При этом имеет место принципиальный отказ рассмотрения исторического процесса с точки зрения принципа историзма, понимания исторической действительности в контексте событий и процессов, происходивших в прошлом. Как и в других республиках региона доминирует иной подход - оценка 1920–1930-х годов сквозь призму современности. Как указывает директор Центра исследовательских инициатив *Ma'no* из Узбекистана Б. Эргашев, в результате антиисторического подхода в одном списке реабилитированных оказываются главари басмаческих банд, которые занимались грабежом и убийствами, и просветители, которые мечтали о модернизации и работали на благо своего народа. По мнению Эргашева, другой проблемой современных оценок новейшей истории для всего региона является «большая эмоциональная и идеологическая нагруженность, а также присутствие в дискуссии по истории субъективных и конъюнктурных интересов. Хватает одного антисоветски настроенного руководителя исследовательского института, чтобы отрицательное отношение к СССР и прошлому Центральной Азии начало активно

внедряться в общество. Эти позиции сейчас широко транслируются, формируя группы историков, субъективно акцентирующих внимание на недостатках эпохи, и умалчивая о неудобных им процессах и людях. Речь идет не только о репрессиях, но и, например, о Великой Отечественной войне, история о которой сознательно фальсифицируется» [10].

Несмотря на относительную слабость прозападных структур влияния на общество, еще только набирающих опыт и влияние в республике, «антиколониальную повестку» в Узбекистане уже активно пытаются транслировать иностранные НКО. Постепенно растут кадры для будущих «войн памяти». Докторант-исследователь Городского Университета Дублина, специализирующаяся на гендерной тематике, Б. Юсупова указывает, что «деколонизация – это когда люди, граждане сами все понимают, стараются переосмыслить прошлое, признать какие-то прежние ошибки. У нас это произошло не так масштабно, как хотелось бы». Многие узбекистанцы, по ее словам, до сих воспринимают Россию, как «старшего брата», и эта позиция несмотря ни на что остается прочной. Более того, Россия по-прежнему является центром, куда едет на заработки большая часть мигрантов. Но есть и надежды на лучшее: «Возможно, продолжающаяся война в Украине ускорит процессы деколонизации в Узбекистане, – считает Юсупова. – Но здесь

важно, чтобы не ограничивали гражданское общество и активистов, и тогда они смогут активно продвигать эту идею»⁸.

При этом, как это не покажется странным на первый взгляд, по ряду тем «войн памяти» в республике смыкаются самые разные группы влияния. Обвинения СССР в эмансипации женщин в 1920–1930-е гг. объединяют антисоветски настроенных историков с религиозными радикалами, выступающими против всех модернизационных процессов советского времени. Это хорошо прослеживается как по социальным сетям религиозных проповедников, так и по работам историков-исследователей, выполняемых в рамках проектов, финансируемых западными фондами.

Антикоммунизм в узбекских реалиях оказывается тесно связан с противодействием России, антисоветская позиция «войн памяти» и «антиколониального дискурса» органично перетекает в русофобию и антироссийские настроения, активно распространяющиеся в обществе. Как пишет Б. Эргашев, «Распространение этих идей продолжается, пока есть заказчики с деньгами и люди, готовые работать за эти деньги: писать книги с необъективных, антиисторичных позиций и участвовать в пропаганде. Проекты, транслирующие негативное мнение об СССР, оплачиваются более щедро и масштабно, чем работы по совместному изучению и пониманию общего прошлого. Последних пока меньше, их явно не хватает» [10]⁹.

Список литературы

1. Балиев А. Казахстан: националистическая «забывчивость» ведет в никуда // <https://vpoanalytics.com/2022/12/12/kazakhstan-natsionalisticheskaya-zabyvchivost-vedyot-v-nikuda/> (дата обращения: 13.12.2022).
2. Рычкова А. Фальсификация истории и войны памяти: Запад усиливает идеологическое давление на постсоветское пространство // <https://eurasia.expert/zapad-usilivaet-ideologicheskoe-davlenie-na-postsovetskoe-prostranstvo/> (дата обращения: 08.12.2023).
3. Матвиенко Ю. «Войны памяти» как инструмент ментального противоборства Запада с Россией // «Информационные войны». 2021. №3(59). с. 60-67.

⁸ Возрождение независимости: как Центральная Азия стремится к деколонизации Центральная Азия переосмысливает свою идентичность? // <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20230405/vozrozhdenie-nezavisimosti-kak-tsentralnaya-aziya-stremitsya-k-dekolonizatsii?ysclid=luxz9xxyhi218889885> (дата обращения: 25.05.2024).

⁹ Продолжение статьи читайте в следующем номере.

4. Верхотуров Д. «Голодоморная» пропаганда и «народы-жертвы». Ответ Р. Киндлеру, автору книги «Сталинские кочевники: Власть и голод в Казахстане» // https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/golodomornaja_propaganda_i_narody-zhertvy_438.htm (дата обращения: 13.06.2024).
5. Татиля К. Как царица Томирис вогнала депутатов Казмажилыса в патриотический раж... // <https://camonitor.kz/34145-kak-carica-tomiris-vognala-deputatov-mazhilisa-v-patrioticheskiy-razh.html> (дата обращения: 22.05.2024).
6. Ашимбаев Д. Об истории // <https://turanpress.kz/politika-i-vlast/1388-ob-istorii.html?ysclid=luy6dsvc90699738130> (дата обращения: 11.05.2024).
7. Хамитов М. Кто и для чего предъявляет псевдоисторические счета от имени Казахстана? // <https://ia-centr.ru/experts/marsel-khamitov/ashimbaev-kto-i-dlya-chego-predyavlyayet-psevdoistoricheskie-scheta-ot-imeni-kazakhstana/> (дата обращения: 19.07.2023).
8. Усыскин Л. К вопросу образования Казахской ССР. Ч.1. // <https://ia-centr.ru/han-tengri/history/k-voprosu-obrazovaniya-kazakhskoy-ssr-chast-pervaya> (дата обращения: 15.03.2024).
9. Нурмухамедов В. Хайль, Тамерлан!? // <http://www.zonakz.net/articles/6134> (дата обращения: 12.06.2024).
10. Матяшова Д. Запад щедро платит за антисоветскую риторику в Центральной Азии // <https://clck.ru/3CmAZC> (дата обращения: 09.05.2023).

GROZIN Andrey V. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Central Asia and Kazakhstan of the Institute of CIS Countries, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, email: andgrozin@yandex.ru.

Keywords: Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, historical politics, wars of memory, Russia, the West.

SPECIAL MILITARY OPERATION OF RUSSIA AND TRANSFORMATION OF «HISTORICAL POLITICS» IN THE CENTRAL ASIA COUNTRIES. PART I

Annotation

The article examines the main aspects of the historical policy of the Central Asian states, observed recently. After the Western proxy war against Russia entered an active phase on the territory of Ukraine, the Central Asian republics have seen an intensification of social discussions around various topics of historical discourse. The topic of memory policy as an integral part of the country's ideological policy on the part of the authorities of the states in the region is in a difficult state due to a number of internal and external elements of influence on this area. This text is also an attempt to consider the degree of influence of processes that can be called "memory wars" on the formation in the republics of the Central Asian region of new ideological foundations for the existence of political systems, social well-being and foreign policy positioning of the countries of Central Eurasia.

References

1. Baliev A. Kazakhstan: nationalist “forgetfulness” leads nowhere // <https://vpoanalytics.com/2022/12/12/kazakhstan-natsionalisticheskaya-zabyvchivost-vedyot-v-nikuda/> / (accessed: 13.12.2022).
2. Rychkova A. Falsification of history and the war of memory: The West is increasing ideological pressure on the post-Soviet space // <https://eurasia.expert/zapad-usilivaet-ideologicheskoe-davlenie-na-postsovetskoe-prostranstvo/> / (accessed: 08.12.2023).
3. Matvienko Yu. “Memory Wars” as an instrument of the West’s mental confrontation with Russia // “Information Wars”. 2021. No.3(59). pp. 60-67.
4. Verkhoturov D. “Holodomor” propaganda and “victim peoples”. Answer to R. Kindler, author of the book “Stalin’s Nomads: Power and famine in Kazakhstan” // https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/golodomornaja_propaganda_i_narody-zhertvy_438.htm (accessed: 13.06.2024).
5. Tatilya K. How Queen Tomiris drove the deputies of Kazmashilis into a patriotic rage... // <https://camonitor.kz/34145-kak-carica-tomiris-vognala-deputatov-mazhilisa-v-patrioticheskij-razh.html> (accessed: 22.05.2024).
6. Ashimbaev D. About history // <https://turanpress.kz/politika-i-vlast/1388-ob-istorii.html?ysclid=luy6dsvc90699738130> (accessed: 11.05.2024).
7. Khamitov M. Who presents pseudo-historical accounts on behalf of Kazakhstan and for what purpose? // <https://ia-centr.ru/experts/marsel-khamitov/ashimbaev-kto-i-dlya-chego-predyavlyayet-psevdoistoricheskie-scheta-ot-imeni-kazakhstana/> / (accessed: 19.07.2023).
8. Usyskin L. On the issue of the formation of the Kazakh SSR. Part 1. // <https://ia-centr.ru/han-tengri/history/k-voprosu-obrazovaniya-kazakhskoy-ssr-chast-pervaya> (accessed: 15.03.2024).
9. Nurmukhamedov V. Heil, Tamerlane!? // <http://www.zonakz.net/articles/6134> (accessed: 12.06.2024).
10. Matyashova D. The West pays handsomely for anti-Soviet rhetoric in Central Asia // <https://clck.ru/3CmA3C> (accessed: 09.05.2023).

АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В РОССИИ

Аннотация

В статье рассматривается эволюция институциональных рамок избирательного процесса в России с начала 1990-х годов. Анализируются основные изменения в системе выборов депутатов Государственной Думы, губернаторов и муниципальных органов власти, а также в сфере партийного строительства. Делается вывод о том, что в последние годы в России наблюдается тенденция к либерализации избирательного законодательства и повышению роли политических партий в выборном процессе.

Введение

Реформирование выборных процессов в России продолжается уже больше четверти века, трансформируя дизайн избирательной системы. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1995 года, закрепила опре-

деляющее влияние выборов в жизни общества и государства, назвав их «высшим непосредственным выражением власти народа»¹. Каждый россиянин может избирать и быть избранным, как в органы государственной власти, так

ЛОГАЧЁВ Алексей Валентинович – президент Всероссийского движения «Россия – Наш Дом», Россия, Москва, email: russia-nd@yandex.ru.

Ключевые слова: выборный процесс, избирательное право, федеральные выборы, региональные выборы, муниципальные выборы.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_34

¹ Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <https://goo.su/AAel> (дата обращения: 21.05.2024).

и в органы местного самоуправления².

За последние 30 лет не один раз подвергались реформированию избирательные процессы всех трех уровней вертикали власти, что предполагает анализ процесса институционализации выборных процессов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Важно отметить, что анализ институционализации выборных процессов требует рассмотрения в связи с формированием и эволюцией политических партий в России. Такая взаимосвязь объясняется тем, что партии становятся не только сильнейшими, но и часто единственными участниками избирательных процессов.

Реформирование выборных процессов на федеральном уровне

Одним из ключевых законов, устанавливающих фундаментальные аспекты избирательного права, является Федеральный закон № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации»³, описывающий основные гарантии избирательных прав граждан РФ. Этот закон определяет права граждан, как избирателей, так и кандидатов на выборах.

В 1995 году был принят Федеральный закон № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»⁴. Он зафиксировал мажори-

тарную систему для избрания Президента Российской Федерации. В дальнейшем Закон утратил силу в связи с принятием последующих Федеральных законов, регулирующих процесс избрания Президента РФ. В настоящее время действует Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»⁵, который внес изменения в организацию процесса и продлил президентский срок до 6 лет.

В сентябре 1993 года Указом № 1400 Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе в Рос-

² Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <https://goo.su/AAel> (дата обращения: 21.05.2024).

³ Федеральный закон от 6.12.1994 № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) // <https://base.garant.ru/10136272/> (дата обращения: 13.05.2024).

⁴ Федеральный закон от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (утратил силу) // <https://base.garant.ru/1518948/> (дата обращения: 13.05.2024).

⁵ Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 27.02.2020) «О выборах Президента Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=346603&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6455681831709581#008054938956872748> (дата обращения: 14.05.2024).

сийской Федерации»⁶ были введены временные нормы о федеральных органах власти и о выборах в Государственную Думу.

Согласно этим нормам, депутаты в количестве 400 человек избирались по смешанной системе: 270 по мажоритарной системе по одномандатным избирательным округам, 130 – по пропорциональной по общедофедеральному избирательному округу. Согласно положению, кандидаты на депутатские места могли быть выдвинуты как группами граждан, так и политическими объединениями. Объединения включали в себя общедофедеральные партии, временные блоки общественных объединений и движения, зарегистрированные в Министерстве юстиции РФ [1, с. 69]. Списки кандидатов могли формироваться только избирательными объединениями.

Однако уже в следующем месяце Указом № 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о

выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период»⁷ было увеличено число депутатов Государственной Думы до 450, сохранив при этом смешанную избирательную систему.

Федеральный закон № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁸ подтвердил эффективность использования смешанной системы, оставив неизменными основные принципы выдвижения кандидатов и организации предвыборной кампании⁹.

Федеральный закон 1999 года № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹⁰ окончательно утвердил смешанную избирательную систему при формировании представительного органа.

⁶ Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14733/ (дата обращения: 11.05.2024).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 01.10.1993 № 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2564/ (дата обращения: 11.05.2024).

⁸ Федеральный закон от 21.06.1995 № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (утратил силу) // <https://base.garant.ru/1518904/> (дата обращения: 14.05.2024).

⁹ Новый электоральный цикл: избирательное право и актуальные практики для формирования гражданской активности / XV научно-практическая конференция по проблемам избирательного права и процесса (г. Сургут, 23 ноября - 01 декабря 2020 г.) // http://khantu-mansy.izbirkom.ru/upload/iblock/3d1/ik_sbornik2020.pdf (дата обращения: 14.05.2024).

¹⁰ Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23539/ (дата обращения: 11.05.2024).

Большое значение для процесса институционализации выборов сыграл Федеральный закон № 95-ФЗ «О политических партиях»¹¹, который был нацелен на организацию партийной системы в стране путем структурирования партий в единственный тип общественных объединений, имеющих право принимать участие в выборах на уровне государственной власти¹².

Этот нормативно-правовой акт значительно ужесточил требования к процедуре создания и регистрации политических партий и участию их в избирательных кампаниях, закон закрепил за ними право выдвигать свои кандидатуры на выборах в органы власти федерального и регионального уровней.

Законодатели оставили только местный уровень пространством конкуренции политических партий

с другими видами общественных объединений. На всех иных уровнях власти политические партии стали исключительными институтами политического участия и представления голоса народа, а также основными участниками избирательных процессов в стране.

Федеральный закон от 20.12.2002 г. № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹³ закрепил за политическими партиями и избирательными блоками единое право выдвигать списки кандидатов. В 2003 году при избрании депутатов Государственной Думы к распределению депутатских мандатов были допущены три партии: «Единая Россия» (37,6%), КПРФ (12,6%), ЛДПР (11,5%) и один партийный блок «Родина» (9,0%) [2, с. 172].

Реформирование выборов процессов на региональном уровне

Следующим крупнейшим этапом реформирования российской партийной системы стал региональный уровень партийного представительства.

Следует отметить, что реформирование региональных выборов процессов шло параллельно с реформированием федерального избирательного законодательства,

¹¹ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=339202&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6456891625606422#034534372883399866> (дата обращения: 11.05.2024).

¹² Ст.36 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=339202&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6456891625606422#034534372883399866> (дата обращения: 11.05.2024).

¹³ Федеральный закон от 20.12.2002 № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (утратил силу) // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=63901&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.014280605560833104#008853695547420148> (дата обращения: 12.06.2024).

а также собственно с партийной реформой. На региональном уровне общероссийские политические партии становились основными участниками политических процессов, устранив с «поля конкуренции» все региональные и местные партии.

В соответствии с последующими изменениями избирательной системы по партийным спискам должны были избираться не менее половины депутатов представительных органов субъектов. Получается, что начиная с 2003 года, регионы в обязательном порядке использовали пропорциональную систему на выборах представительного органа в количестве не менее половины состава¹⁴.

Данная норма вызвала неоднозначное отношение в регионах. По данным Стенограммы заседания Совета законодателей Совета Федерации в 2003 году, из 58 руководителей законодательных органов субъектов поддержали новый порядок выборов лишь 20 депутатов, высказались отрицательно – 20 депутатов, 18 – не смогли определенно ответить об отношении к нововведению¹⁵.

Какая именно пропорциональная система должна использоваться, в законе оговорено не было. Однако следует отметить, что в большинстве субъектов Российской Федерации сделали выбор в пользу избрания части состава представительного органа по наименее демократическому типу, не позволяющему избирателям как-то влиять на очередность кандидатов в списке и их выборность, а именно в пользу пропорциональной избирательной системы закрытых списков. Выборы по системе открытых списков являлись редкостью для России и прошли пробу в небольшом количестве субъектов, например, в Ямало-Ненецком автономном округе, в Республике Калмыкия [3, с. 22].

Исходя из закона о партиях, был переработан и принят в новой редакции Федеральный закон № 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (1999 г.)¹⁶.

Начиная с 2005 года, в России следовал новый этап избирательно-партийных реформ. Среди наи-

¹⁴ Ст. 35 п. 16 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=353266&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.0450770601611028#019038599991865213> (дата обращения: 11.06.2024).

¹⁵ Стенограмма заседания Совета законодателей Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от 18.02.2003 г. // Архив Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 2003.

¹⁶ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=351275&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.03375388645632715#030681172518638333> (дата обращения: 12.11.2024).

более важных политических новелл следует отметить:

- постепенное увеличение обязательной минимальной численности политической партии с 10 до 50 тыс. чел. с необходимым количеством в регионах 500 чел. не менее чем в половине субъектов РФ;
- отмену института избирательных блоков;
- отмену при голосовании графы «против всех»;
- исключение минимального порога явки;
- повышение заградительного порога для партий, участвующих на выборах в Госдуму, с 5 до 7%;
- отмену избирательного залога;
- запрет на включение в свои списки членов других политических партий;
- лишение непартийных общественных объединений возможности выдвигать списки кандидатов на единственном уровне выборов, где они еще могли бороться за право участия в политической жизни – на муниципальных выборах¹⁷.
- лишение членов политических партий права менять свою партийность. Это означало, что фракционные депутаты могли быть членами только той политической партии, в составе списка которой они были допущены до распределения мандатов. Нарушение данного требования законодательства вело к

прекращению депутатских полномочий [4, с. 239-243].

Также законодатель ужесточил правила регистрации по подписям, ввел дополнительные ограничения пассивного избирательного права, непартийные общественные объединения теперь не могли направлять наблюдателей на избирательные участки. Были введены единые дни голосования.

С 2004 года в Российской Федерации отменялись выборы губернаторов, а 18 мая 2005 года в России был принят Федеральный закон № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации»¹⁸, который изменил избирательную систему, применяемую на выборах депутатов Государственной Думы РФ. Ранее применялась смешанная избирательная система. Теперь, в соответствии с положениями Федерального закона № 51-ФЗ, при избрании депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации применяется закрытая пропорциональная избирательная система.

В последующем переход на пропорциональную систему на выборах представительных органов стал преобладающей общероссийской тенденцией. На выборы по партийным спискам перешли не только регионы, но и некоторые муниципальные образования, па-

¹⁷ Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова и др. М.: Товарищество науч. изданий «КМК». 2015. С. 124.

¹⁸ Федеральный закон от 18.05.2015 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» // <https://clck.ru/3CuZGv> (дата обращения: 11.06.2024).

раллельно повысив избирательный порог до 7%¹⁹.

Либерализация партийного законодательства началась с момента принятия изменений в Федеральный закон «О политических партиях», направленного на постепенное снижение минимальной численности политических партий. В своем выступлении перед членами Парламента Президент России Д. А. Медведев отметил, что «минимальное количество членов организации, требуемых для регистрации новой политической партии, должно быть снижено поэтапно»²⁰. Так и было сделано. А именно, с 2010 года обязательное количество членов политических партий стало снижаться: сначала с 50 до 45 тыс. чел., с 2012 года – до 40 тыс. чел. С 2013 года и до настоящего времени в Федеральном законе «О политических партиях» говорится, что минимальная численность политической партии должна составлять 500 чел. (с отсутствием требований к минимальной численности региональных отделений, которые должны быть образованы по-прежнему не менее чем в половине субъектов)²¹.

Параллельно с этими нововведениями был снижен проходной барьер на выборах в Государственную

Думу РФ, что явилось следующим шагом либерализации партийного и избирательного законодательства России. Президент Д. А. Медведев отметил в одном из своих интервью, что «хотел бы, чтобы в парламенте, в Государственной думе, был представлен весь политический спектр»²². В целях реализации этой задачи проходной барьер был еще раз снижен до 5%.

Президент также выразил свое мнение относительно снижения планки на выборах в Государственную Думу и до 3% с целью расширения круга политических участников выборных процессов. Подобного снижения в России не произошло, однако в процессе всеобщей либерализации разговоры об этом, несомненно, имели место.

Касаемо выборов губернаторов следует заметить, что этот институт также претерпел серьезные изменения. Как уже было отмечено, с 2004 года были отменены выборы губернаторов, которые утверждались органами законодательной власти регионов по представлению главы государства.

Этот порядок кардинально менял дизайн процедуры имплементации глав субъектов РФ. С 1995 года, в соответствии с указом Пре-

¹⁹ Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова и др. М.: Товарищество науч. изданий «КМК». 2015. С. 125.

²⁰ Поэтапное снижение численности политических партий // <https://tass.ru/spravochnaya-informaciya/510596> (дата обращения: 16.06.2024).

²¹ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О политических партиях» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=339202&fld=134&st=1000000001,0&rnd=0.7324507659576835#06628020700313455> (дата обращения: 11.06.2024).

²² Интервью Д. А. Медведева газете «The Financial Times» // <https://www.newsru.com/russia/21oct2011/barrier5.html> (дата обращения: 17.06.2024).

зидента, руководители всех субъектов РФ должны были избираться гражданами Российской Федерации, а через четыре года, в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»²³, были установлены единые правила проведения выборов глав регионов в стране. Таким образом, глава государства не мог назначать глав субъектов, которые с того времени избирались на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании²⁴.

Подобная система существовала до 2004 года, когда В. В. Путин в своем обращении к представителям Правительства и главам регионов отметил, что необходимо «совместное участие Федерации и ее субъектов в формировании исполнительных органов власти в территориях России»²⁵. В целях реализации предложения Президента России прямые выборы губернаторов были заменены на процедуру их утверждения региональными зако-

нодательными собраниями по представлению президента.

В качестве причины столь серьезных изменений В. В. Путин отметил то обстоятельство, что избрание губернаторов прямым голосованием не исключало того, что «за их спинами вставляли коррумпированные элементы», которые, благодаря своим финансовым возможностям, «манипулировали общественным мнением и избранным губернатором»²⁶.

Таким образом, главы регионов должны были назначаться законодательным органом субъекта по представлению Президента России, который также обладал правом отрешать губернаторов от должности «в связи с утратой доверия президента РФ, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным законом»²⁷. Последние прямые выборы губернаторов в Российской Федерации прошли в январе-феврале 2005 года в Ненецком автономном округе.

Процедура назначения губернаторов получила довольно различные оценки как среди политиков,

²³ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 22.06.2024).

²⁴ Исключением оставался Дагестан, главу которого избирало Конституционное собрание республики.

²⁵ Путин: для обеспечения единства государства нужно участие Федерации и ее субъектов в создании органов власти // <https://ria.ru/20040913/679503.html> (дата обращения: 21.06.2024).

²⁶ Путин рассказал, почему отменили выборы губернаторов // <https://www.rosbalt.ru/main/2011/07/15/869590.html> (дата обращения: 21.06.2024).

²⁷ Ст. 19 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 22.06.2024).

так и среди населения. Представитель фракции КПРФ Д. Парфёнов сделал заявление, что ни один из аргументов отмены прямых губернаторских выборов не имеет под собой веских оснований: «...если мы соглашаемся на отмену прямых выборов губернаторов, то логично идти дальше – к абсолютной монархии: первое лицо будет назначать всех и вся»²⁸.

Э. Памфилова, глава Центральной избирательной комиссии России, подчеркнула важность прямых выборов для установления демократии и обратной связи с избирателями. По ее мнению, губернаторы, намеревающиеся переизбираться, должны заслуживать доверие общества²⁹.

Генеральный директор ВЦИОМ В. Фёдоров назвал отказ от прямых выборов губернаторов «новым «ребром жесткости» системы государственного управления, предохранителем от сбоев в хрупкой «властной вертикали»³⁰.

Но существуют и противоположные точки зрения, поддерживаю-

щие процедуру назначения губернаторов, и некоторые из них выглядят оправданно. Так, политолог О. Матвейчев утверждает, что губернаторы должны быть назначены для выполнения задач от федерального центра, минуя влияние местных бизнес-элит³¹.

В. Иванов, директор Института политики и государственного права, призывает отменить прямые выборы во всех регионах, начиная с национальных республик, чтобы избежать участия в выборах кандидатов, ставящих под угрозу стабильность страны³².

Отмена прямых выборов губернаторов была неоднозначно воспринята обществом. Исходя из данных ВЦИОМ, представленных в конце сентября 2004 года на основе опроса россиян относительно перехода к новой системе избрания губернаторов, большинство одобрило нововведения относительно назначения губернаторов в России³³. Однако массовые выступления, протестные акции, множество публикаций с критикой реформ и др.

²⁸ В Госдуме не поддержали отмену прямых выборов губернаторов // <https://pnp.ru.turbopages.org/s/pnp.ru/politics/v-gosdume-ne-podderzhali-otmenu-priamykh-vyborov-gubernatorov.html> (дата обращения: 01.06.2024).

²⁹ Что изменило возвращение прямых выборов губернаторов? // <https://www.kommersant.ru/doc/3408300> (дата обращения: 01.06.2024).

³⁰ Фёдоров В. ВЦИОМ: Какая Палата нужна обществу? // <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=4616> (дата обращения: 01.06.2024).

³¹ В России снова могут отменить выборы губернаторов // <https://zen.yandex.ru/media/news.ru/v-rossii-snova-mogut-otmenit-vybory-gubernatorov-5cf8e64791dc1000af2b98e9> (дата обращения: 01.06.2024).

³² Политолог: надо отменять прямые выборы глав нацреспублик // <https://static.zarabotki.ru/news/2012/11/20/608083.html> (дата обращения: 03.06.2024).

³³ Общероссийский опрос ВЦИОМ проведен 18-19 сентября 2004 г. в 100 населенных пунктах 39 областей, краев и республик России // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3203> (дата обращения: 06.06.2024).

являлись показателем иного отношения населения к проведенным реформам, что наглядно демонстрируют результаты проведенных исследований ВЦИОМ.

Согласие с предложением президента о переходе к иной системе избрания губернаторов высказали 38% опрошенных. Еще 29% опрошенных были скорее не согласны с инициативой президента, 19% опрошенных – совершенно не согласны. Затруднялись ответить 13% респондентов³⁴.

Спустя год после принятия решения об отмене прямых выборов глав субъектов, отношение общества к данному решению, по результатам опросов ВЦИОМ, стало более позитивным. Однако в 2009 году мнение населения относительно мотивов отмены выборов губернаторов в России демонстрировало неопределенность его позиции. Так, большинство опрошенных не смогли объяснить, с какой целью была проведена реформа, и зачем были отменены прямые выборы губернаторов в России (53% опрошенных). 12% считали, что целью отмены выборов являлась централизация власти и расширение контроля федеральных властей за деятельностью региональных. Гораздо меньшее количество респондентов видели в отмене прямых выборов губернаторов борьбу с кор-

рупцией, расширение личной власти президента, повышение уровня эффективности работы региональных властей, упрочение авторитета губернатора и т.д.³⁵

О результатах проведенной реформы позволяет судить еще один проведенный ВЦИОМ опрос³⁶. Большинство населения не отметили какой-либо разницы в работе губернаторов после введения процедуры назначения (49%). Столько же респондентов указали на то, что губернаторы стали работать эффективнее, и уровень их социальной ответственности повысился (21% + 23%), тем самым указав на изменения в лучшую сторону в результате введения процедуры назначения глав регионов.

При этом следует отметить, что избирателям довольно сложно выстроить четкую позицию по поводу работы губернаторов. Раньше люди голосовали за кандидатов, эффективность работы которых могли оценить в ходе избирательной кампании. В результате назначения губернаторов люди полностью отстранялись от процедуры избрания, следовательно, и от оценки глав субъектов. А губернатор в своей работе больше был заинтересован в одобрении ее Президентом, а не избирателями.

Однако данная процедура не так долго продержалась в избира-

³⁴ Там же.

³⁵ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ от 5-6 сентября 2009 г. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gubernatory-i-vybory> (дата обращения: 06.06.2024).

³⁶ ВЦИОМ: отмена губернаторских выборов не снизила уровень ответственности градоначальников // <https://gazeta.spb.ru/203243-0/> (дата обращения: 12.06.2024).

тельной практике Российского государства, и уже в мае 2012 года Президент России Д. А. Медведев подписал соответствующие изменения в нормативно-правовые акты, вернувшие процедуру прямых выборов губернаторов. Главы субъекта РФ стали вновь избирать-

ся гражданами региона на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [4]. Но процедура выборов претерпела некоторые изменения. И в первую очередь, на выборах появился такой механизм как «муниципальный фильтр».

Реформирование выборных процессов на муниципальном уровне

Согласно ст. 18 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»³⁷, высшие региональные чиновники выбираются гражданами через тайное голосование на период до пяти лет и максимум два срока подряд. Очень важным изменением стало положение о том, что теперь политические партии могли выдвигать своих кандидатов, а также стало возможно самовыдвижение.

Президент мог консультироваться с партиями и самовыдвиженцами, что не исключает возможности управления процессом на более высоком уровне. Кандидат должен получить поддержку от 5 до 10% депутатов представительных органов муниципальных районов и

городских округов и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных районов и городских округов субъекта России. Это число зависит от установленного законом региона и рассчитывается в процентах от общего числа этих представителей.

В городах федерального значения число лиц, необходимое для поддержки кандидата (также 5-10%), устанавливается законами этих субъектов и определяется в процентном отношении от общего числа депутатов представительных органов внутригородских муниципальных образований, предусмотренного уставами внутригородских муниципальных образований, и числа избранных на муниципальных выборах. Эти данные учитываются на момент принятия решения о проведении выборов.

При этом кандидат должен поддерживаться указанными лицами

³⁷ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=353250&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.1580128788820343#09200735851783213> (дата обращения: 16.06.2024).

не менее чем в 3/4 муниципальных районов и городских округов субъекта Российской Федерации. С учетом особенностей организации местного самоуправления в городах федерального значения законами этих субъектов могут устанавливаться дополнительные требования к поддержке кандидата.

В случае отсутствия на муниципальном уровне избранных глав, поддержку кандидатов на выборы оказывают местные депутаты представительных органов. Если же в момент назначения выборов представительный орган муниципального образования еще не создан, то депутаты и глава такого образования не учитываются при определении необходимого числа лиц для поддержки кандидата.

Каждый депутат или избранный глава муниципалитета может поддержать лишь одного кандидата, как самовыдвиженца, так и предложенного политической партией. Депутат представительного органа муниципального района, состоящего из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, может поддержать кандидата только как депутат представительного органа муниципального района. Депутат представительного органа городского округа с внутригородским делением, формируемого путем избрания из состава представительных органов внутригородских районов этого городского округа, может поддержать кандидата только как

депутат представительного органа городского округа с внутригородским делением.

Для кандидатов, идущих по пути самовыдвижения, необходимо дополнительно собирать подписи избирателей в соответствии с законодательством субъекта (количество определяется законом субъекта).

В некоторых регионах Российской Федерации уставом предусмотрено, что выборы высшего должностного лица проводятся депутатами регионального законодательного собрания.

Политические партии играют ключевую роль в этом процессе. Они имеют право представлять кандидатов для одобрения Президентом и последующего избрания на пост высшего должностного лица региона, при условии соответствия определенным требованиям.

В автономном округе, входящем в состав области, примерно та же процедура. То есть, Президентом, согласно предложениям партий, представляются кандидаты высшего должностного лица области. Политические партии могут вносить предложения о кандидатурах для избрания на должность высшего должностного лица автономного округа высшему должностному лицу области, в состав которой входит автономный округ. Требования к партиям остаются теми же, то есть дееспособными на местах являются партии, федеральные списки которых на последних выборах депутатов Госдумы были допущены к распределению мандатов.

До внесения предложений о кандидатурах региональное отделение политических партий обязано провести консультации с региональными отделениями политических партий в соответствующем авто-

номном округе, не имеющих права предлагать высшему должностному лицу области, в состав которой входит автономный округ, кандидатуры на должность высшего должностного лица автономного округа.

Заключение

Начиная с 90-х годов XX века постоянно менялась избирательная система при избрании депутатов Государственной Думы РФ, претерпела изменения процедура выборов губернаторов, последовали множество изменений в сфере партийного строительства в России, которые затронули, в том числе, муниципальный выборный процесс. В настоящее время произошедшими и наиболее «серьезными» изменениями в области институционализации выборных процессов следует назвать:

- снижение необходимой численности политической партии с полной отменой требований к обязательной численности партий в субъектах Российской Федерации, что позволяет говорить о либерализации партийного законодательства;

- уменьшение избирательного барьера на выборах Государственной Думы (а точнее возврат к ранее используемому барьеру в 5%), что говорит о понимании властью невозможности организации рацио-

нальных выборов с подобной величиной порога;

- снижение обязательной части формируемого представительного органа в субъектах РФ, избираемой по пропорциональной системе (25% вместо 50%);

- возвращение к процедуре прямых выборов губернаторов, что подтверждает высказанные ранее многими политическими исследователями суждения о том, что, несмотря на массовые публикации и результаты опросов о поддержке процедуры назначения губернаторов населением и властью, прямые выборы губернаторов – необходимый элемент процесса выборности в стране, наиболее поддерживаемый населением. В частности, как отмечает политолог В. Авдонин, «возвращение выборов губернаторов потребовалось для того, чтобы стимулировать их активность в публичной и электоральной политике на региональном уровне»³⁸.

Таким образом, институционализация выборных процессов в России представляет собой дли-

³⁸ Авдонин В.С. Как региональная автократия «адаптирует» политические реформы на региональном и муниципальном уровнях (случай Рязанской области) // PRO NUNC/ Современные политические процессы. 2014. №1(13). С. 59.

тельный и насыщенный период изменений и поиска наиболее оптимального варианта выборной модели. Произошедшие изменения свидетельствуют о стремлении власти повысить легитимность выбор-

ного процесса и сделать его более конкурентным. Они также создают новые возможности для политических партий и независимых кандидатов участвовать в выборах и представлять интересы граждан.

Список литературы

1. Зуев Н. И. Новый закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» // «Советник юриста». 2014. №4. С. 69.
2. Иванченко А. В., Любарев А. В. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М.: Аспект Пресс. 2007. 221 с.
3. Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М.: Аспект Пресс. 2005. 332 с.
4. Нетисов Р. История выборов и назначений губернаторов в России // <https://tass.ru/info/6852997> (дата обращения: 16.06.2024).

LOGACHEV Alexey V. – President of the All-Russian Movement “Russia Is Our Home”, Russia, Moscow, email: russia-nd@yandex.ru.

Keywords: electoral process, electoral law, federal elections, regional elections, municipal elections.

ANALYSIS OF THE INSTITUTIONAL CONDITIONS OF ELECTIONS IN RUSSIA

Annotation

The article examines the evolution of the institutional framework of the electoral process in Russia since the early 1990s. The main changes in the system of elections of deputies of the State Duma, governors and municipal authorities, as well as in the field of party building, are analyzed. The article concludes that in recent years there has been a tendency in Russia to liberalize electoral legislation and increase the role of political parties in the electoral process.

References

1. Zuev N. I. New law “On elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation” // “Lawyer’s Adviser”. 2014. No.4. P. 69.
2. Ivanchenko A.V., Lyubarev A.V. Russian elections from perestroika to sovereign democracy. Moscow: Aspect Press. 2007. 221 p.
3. Ivanchenko A.V., Kynev A.V., Lyubarev A.E. Proportional electoral system in Russia: history, current state, prospects. M.: Aspect Press. 2005. 332 p.
4. Netesov R. The history of elections and appointments of governors in Russia // <https://tass.ru/info/6852997> (accessed: 16.06.2024).

Татьяна НИКИТИНА,
Константин БУРТНЫЙ

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация

В статье исследуется проблематика взаимосвязи политических процессов и социальных медиа, рассматриваются технологии политической коммуникации в интернет-пространстве, а также, различные формы политического участия граждан, посредством интернет-технологий. Обозначены основные подходы к оценке роли социальных медиа в политике, выделены основные тенденции развития данной сферы в политическом пространстве. Раскрыта сущность и перспективы краудсорсинга, как форма реализации электронной демократии.

Введение

Современное социально-политическое развитие общества обусловлено открытым взаимодействием представителями политической власти и социумом. Такой тип взаи-

модействия обеспечивается посредством современных средств массовой коммуникации. Проблематика взаимосвязи политических процессов и новых медиа в политических

НИКИТИНА Татьяна Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры информационной аналитики и политических технологий МГТУ им Н.Э. Баумана, Россия, Москва, email: nikitina4145@mail.ru, SPIN-код: 5153-1726.

БУРТНЫЙ Константин Петрович – кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры политологии Военного университета им. князя Александра Невского МО РФ, Россия, Москва, email: burtnyy58@mail.ru, SPIN-код: 7681-3032.

Ключевые слова: социальные медиа, политическая коммуникация, интернет-пространство, сетевые сообщества, онлайн-технологии, краудсорсинг.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_49

исследованиях не нова. В то же время, наблюдаются глубокие трансформации в политической жизни под влиянием информационно-коммуникационных технологий, в частности социальных медиа.

Актуальность данной темы определяется усилением влияния социальных медиа на политическое, идеологическое и информационное пространство и необходимостью исследования потенциала социальных медиасетей в политической коммуникации.

Сегодня наблюдается процесс трансформации политической коммуникации посредством социальных медиасетей, что обусловило изменение содержания, формы и границ взаимодействия в реальном и виртуальном пространстве. Социальные средства коммуникации выступают инструментом формирования ценностных установок и мировоззренческих позиций общества.

Развитие информационного общества и средств массовой коммуникации привело к трансформации взаимоотношений между политическими акторами и гражданами.

Социальные средства коммуникации стали сильнейшим фактором влияния на политическую жизнь. Традиционные СМИ все более активно замещаются новыми медиа, изменяя способ предоставления информации и ее восприятие. Социальные медиа становятся новыми агентами влияния на политические установки и политическое поведение. Новые медиа стали неотъемлемой частью нового цифрового века. Являясь институтом, консолидирующим потенциал гражданского общества к самоорганизации, они продемонстрировали нарастающую тенденцию возможности перехода виртуальной гражданской активности в реальную. В то же время, являясь общедоступными, социальные медиа часто используются для оказания всевозможных манипулятивных воздействий на общественное сознание, создания ложных нарративов через такие инструменты, как, например, фейки. Именно социальные медиа стали одним из главных орудий информационных войн, с помощью которых можно разобщать целые народы.

Основные подходы к определению социальных медиа

Социальные медиа – это социальные средства коммуникации, реализуемые с помощью глобальной сети Интернет [1]. Данное понятие появляется в начале 70-х годов в условиях активного расширения коммуникационной площадки для взаимо-

действия субъектов в общественном пространстве. Массовое распространение социальные медиа получили с появлением интернет-технологий Web 2.0 в 2005 году, условно с этого года начинается новая эпоха «веба». Присутствие разнообразных авто-

номных и встроенных социальных медиасервисов в коммуникативном пространстве обусловило наличие различных подходов в толковании социальных медиа. На сегодняшний день в России и за ее пределами накоплен значительный объем исследований, связанных с социальными медиа. Разнообразие подходов к пониманию сущности социальных медиа, определяется широким спектром охвата различных сфер профессиональной деятельности (журналистами, маркетологами и др.). Рассмотрим наиболее значимые из них.

Одним из первых, кто употребил понятие социальные медиа, является американский исследователь Энтони Мэйфилд. В своей книге «Что такое социальные медиа?», он определяет социальные медиа как новые онлайн-медиа, которые обладают набором характеристик: участие, открытость, общение, диалог. Особенность заключается в создании платформ, дающих каждому возможность создавать и распространять контент [2].

Один из востребованных западных SMM-специалистов, маркетолог и автор множества работ в тематике медиа и маркетинга Пол Гиллин, рассуждая о явлении социальных медиа в одной из своих книг, делает акцент именно на их открытости для свободного создания материалов и публичного общения [3, с. 9].

Действительно, потенциал для открытой коммуникации между

пользователями, делает новые медиа столь привлекательными для современного человека. Об этом, например, еще в конце прошлого века говорил один из ведущих на тот момент британских менеджеров по связям с общественностью, участник создания Международной ассоциации по связям с общественностью Сэм Блэк. Специалист отмечал, что одной из основных черт социальных медиа является возможность выражения собственного мнения или взглядов, обеспеченная каждому пользователю¹. По мнению Блэка, эта черта социальных медиа позволяет укрепить отношения внутри онлайн-сообщества.

Для отечественного научного сообщества новые медиа так же представляют исследовательский интерес. Так, академик РАО Елена Вартанова отмечает, что сама концепция социальных медиа строится на активистском типе политической культуры, что предполагает равноправие всех участников онлайн-сообщества в рамках пользования той или иной платформой в контексте создания контента или выражения своего мнения. При этом отмечается, что ответственность за активность в социальных медиа ложится именно на пользователя [4].

Профессор и известный российский журналист Александр Чумиков в одной из своих работ, более предметно разбирая виды социальных медиа, к которым относятся, например, сообщества в социальных сетях, фото- и видеохостинги,

¹ Блэк С. Введение в паблик рилейшнз. Ростов-на-Дону: Феникс. 2011. 113 с.

форумы или сайты, отмечает, что любой онлайн-проект, реализованный на той или иной онлайн-платформе можно отнести к рассматриваемой нами категории [5, с. 23].

Анализируя отечественный и западный научный дискурс, можно констатировать, что социальные медиа – это вполне конкретное явление, которое можно определить как совокупность платформ, функционирующих на базе компьютерных технологий, предполагающих наличие возможности открытой

коммуникации между пользователями и свободное создание собственного контента. Важно заметить, что коммуникация между пользователями в рамках социальных медиа может осуществляться в любой форме. От обмена текстовыми сообщениями, мнениями, новостями до пересылки фото, видео или музыки. Как отмечалось, к социальным медиа можно отнести любую интернет-площадку, которая предполагает онлайн-коммуникацию.

Интернет-технологии в политической сфере

Технический прогресс нового века предопределил и трансформацию политической коммуникации – процесса, который всегда играл важнейшую роль в жизни общества и государства. Сегодня политическая коммуникация – это, прежде всего, интернет-коммуникация. Анализируя самые значительные политические инфоповоды последнего времени, ученые приходят к выводу, что политические процессы с участием гражданского общества все больше уходят в виртуальное пространство. Именно эта тенденция позволяет определять интернет как главный инструмент для формирования политической повестки и общественного мнения. При этом констатация роста роли социальных медиа обуславливается расширением их присутствия в повседневной жизни современного человека.

Появление всемирной сети оказало заметное влияние на развитие

и функционирование различных сфер общества, в том числе и политическую. Современное политическое пространство не мыслимо без глобальной сети. При том, что Интернет создает возможность реализовать взаимодействие власти с обществом в виртуальной реальности, все же традиционные СМИ он не вытеснил.

В работе «Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований» отечественный исследователь М.С. Вершинин отмечает, что Интернет и новые медиа обладают рядом преимуществ по ряду аспектов, в сравнении с традиционными СМИ. Ученый отмечает, что новые медиа превосходят традиционные даже по техническим моментам. Так, отличаясь, например, такими характеристиками, как передача информации, направленность информационного

потока, ориентация по отношению к аудитории, новые медиа, безусловно, смотрятся более выгодно, что и переопределяет рост их популярности. Социальные медиа персонально ориентированы к аудитории, более интерактивны для пользователя, а информация в них всегда подается в динамике [6, с. 100].

Говоря более подробно об отличительных чертах социальных медиа, которые делают их наиболее успешным и востребованным коммуникативным каналом в современном обществе, стоит отметить: перманентную актуализацию событийной информации, неограниченность информационного трафика, широкие возможности вовлечения аудитории, интерактивность, функциональная анонимность, общемировая доступность. Перечисленные преимущества обусловили востребованность социальных медиа и с точки зрения политической коммуникации. Сегодня все больше политических акторов вовлекаются в интернет-коммуникацию. Социальные медиа становятся, например, важным инструментом в деятельности политических партий, которые активно мобилизуют своих сторонников через призывы в социальных сетях в период выборной кампании или используют новые медиа, как средство коммуникации с избирателем в межвыборный период. Социальные медиа, с учетом крайне низких финансовых издержек для пользователя при распространении информации, делают возможным участие в поли-

тике и вполне рядовых членов политических сообществ, превращая их в лидеров мнений.

В отечественном научном дискурсе распространен подход, согласно которому политическая коммуникация в виртуальном пространстве происходит в два этапа. Первый этап принято называть информационным: здесь через новые медиа до человека доносится та или иная политическая информация, демонстрируется доступность и открытость политического актора для коммуникации. Второй этап принято называть этапом медиатизации: здесь та или иная онлайн-платформа служит коммуникативной площадкой, где тот или иной политический актор или государственная структура может взаимодействовать с пользователем. Именно на втором этапе, как отмечается, чаще всего конструируется новый политический нарратив, а пользователи могут подвергаться манипулятивным воздействиям [7, с. 54].

Отечественное исследовательское сообщество еще в начале XXI века пришло к выводу о том, что новые медиа будут играть определяющую роль в политике будущего. Так, Е. В. Артюхина в одной из своих работ отмечает, что предвыборная борьба напрямую сопряжена со средствами массовой коммуникации. Тот кандидат, который не использует печатные или электронные СМИ в своей избирательной кампании чаще всего проигрывает. При этом исследователем отмечалось, что роль электронных СМИ с каждым годом возрастает [8, с. 123].

Доводы Е. В. Артюхиной подтвердила электоральная практика, а также практика маркетинг-кампаний, которая показала, что использование средств массовой коммуникации политическим актором или брендом увеличивает показатели доверия, узнаваемости и лояльности. Такой результат стал возможным благодаря скорости и легкости публикации информации и возможности формирования групп сторонников политических партий. Можно выделить несколько форм политической коммуникации в интернет-про-

странстве: формирование и тиражирование персонального контента (веб-сайты, блоги и форумы), рассылка политическим единомышленникам; непосредственное участие в онлайн-конференциях, форумах депутатов, представителей государственной власти; интернет-голосования в соцопросах; осуществление дистанционного электронного голосования. Таким образом, интернет-технологии обеспечивают общественно-политическую дискуссию власти и граждан в режим реального времени.

Сетевые сообщества в пространстве политической коммуникации

Трансформация механизмов коммуникаций в социально-политическом пространстве привела к усилению роли отдельных групп и индивидов в информационных потоках. Политическая коммуникация, благодаря социальным медиа, стала субъектной и носит целенаправленный характер. Следовательно, в трансформационных процессах участвуют потребители и создатели информационного поля.

Субъектность политической коммуникации в социальных медиа рассмотрел французский психолог Серж Московичи. Ученый отмечал, что средства массовой коммуникации, оказывая влияние непосредственно на сознание и восприятие индивида, превращают его в так называемого «человека толпы». Эту точку зрения Московичи отразил в своих работах в рамках исследова-

ния психологии масс [9, с. 305]. По мнению С. Московичи, современный человек более восприимчив к эмоциональной коммуникации. В этих условиях критическое мышление и качество преподносимой информации теряют свою значимость. Таким образом, формируется «публика», которая, будучи подвержена эмоциональному воздействию преподносимой информации, легко поддается манипуляциям и начинает мыслить в рамках искусственно сформированных нарративах. Традиционное массовое сознание, где человек участвует в общественной жизни оффлайн, например выходя на уличные акции, отходит на второй план. Московичи говорит, что «человек публики» предпочитает сидеть дома и впитывать информацию, которую ему доносят с экранов телевизора

или, делая поправку на современность, из экранов смартфонов. Таким образом, концепция толпы переносится в онлайн среду, на дом, а интеллектуальный уровень участников толпы, по мнению ученого, снижается². Исходя из данных утверждений, можно сказать, что в информационном обществе социальные медиа в разы усилили свое влияние современного человека и многие ученые видят в этом проблему.

Современные социальные медиа заменили модель традиционных СМИ «один-ко-многим», новой моделью «многие-ко-многим» (веб-общение). Отечественные исследователи, анализируя существующие виды практик, выделяют следующие виды социальных медиа:

- блоги, микроблоги (24 гаджета.ру, рунет и др.);
- «вики» в различных вариациях (Wikipedia);
- сетевые и онлайн игры (World of Warcraft и др.);
- веб-ресурсы, каналы и чаты в мессенджерах (Viber, WhatsApp, Telegram);
- электронная почта (Mail.ru, Yandex и т. д.);
- социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники»);
- видеохостинги (Rutube, TikTok).

Несмотря на существование различных представлений относительно сущности социальных медиа, можно выделить общие характерные черты.

Во-первых, это интерактивность. Интерактивные медиа функционируют при участии пользователя. Существуют различные формы таких медиа, например, в образовании, бизнесе. В политической коммуникации данная характеристика социальных медиа также играет важную роль, поскольку предполагает вовлеченность пользователя, минимизацию временных затрат на потребление информации и возможность коммуникации с онлайн-сообществом.

Отметим, что инструментарием интерактивности социальных медиа являются такие механизмы как: личный кабинет, интерактивный опрос, блог, рассылка, подкаст, форум и так далее. Важнейшим количественным показателем информационной среды является доступность информации. Рост числа сетевых сообществ стимулирует объем контента пользователя. С помощью интерактивности социальные медиа позволяют стереть барьер между контентмейкером и потребителем информации, повышая значимость и возможности рядового пользователя, позволяя ему самому создавать контент.

С точки зрения концептуализации в отечественной науке устоялась точка зрения, согласно которой модели социальных медиа и традиционных СМИ отличаются именно вовлеченностью потребителей информации в процесс создания контента. Так, в случае с традиционными СМИ, мы видим модель

² Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М. 1996. С. 241.

«воронки», где порог вхождения в категорию создателей контента достаточно высок. Здесь контент создается профессиональными журналистами, редакторами и другими специалистами, а обратная связь с аудиторией, если и осуществляется, то в ограниченном объеме. Новые медиа, в свою очередь, представляют собой модель «трубы», где любой пользователь может создавать контент, а коммуникация внутри онлайн-сообщества осуществляется постоянно. Таким образом, новые медиа уравнивают авторов и обычных пользователей, позволяя им свободно взаимодействовать и генерировать общее информационное поле [10, с. 28].

Второй характерной чертой социальных медиа является вовлечение (engagement), когда пользователь имеет возможность выражать мнение и настроение в отношении публикаций сайта в виде комментариев, копирования материала и дальнейшее его распространение.

Важной характерной чертой также выступает возможность распространения чужого информационного продукта. Здесь важным моментом является нивелирование пространственных и временных ограничений, что позволяет пользователям делиться информацией вне зависимости от места положения и без временных издержек. Такая характеристика социальных медиа делает возможным появление онлайн-сообществ, участники которых могут взаимодействовать друг с другом, не считаясь со своим географическим положением.

В результате процесса коммуникации сообщества пользователей формируются в саморегулирующиеся сети, которые существуют в соответствии с принятым в реальном обществе принципами. Репликация в социальных медиа – это возможность копирования и распространения чужой информации. Благодаря этому свойству формируются целые сообщества, которые чужой контент используют в своих целях. Следует отметить и другие характеристики, такие как глобальность, всеохватность, универсальность и др.

Сегодня наблюдается усиление влияния социальных медиа на политические процессы и явления. У граждан появилась возможность участия в политических событиях. Социальные медиа выступают платформой для обсуждения, выражения своего мнения, участие в онлайн-мероприятиях и т.д.

Однако, стоит отметить и негативные аспекты роли социальных медиа в коммуникативном пространстве. Проявляются они в распространении недостоверной информации, фейков и дезинформации, искажающих восприятие объективной реальности и ведущих к формированию ошибочных представлений. Также наблюдается попытка оказывать влияние на формирование общественного мнения с помощью искусственных аккаунтов и ботов, таким образом формируется иллюзия обширной поддержки акций протестов.

Основные тренды в пространстве политической коммуникации.

Для полноты анализа социальных медиа необходимо раскрыть тренды, с помощью которых развивается политический контент. Ключевыми трендами являются следующие:

- рост динамичности – проявляется в способности выходить за пределы своего контента, применяя ремикс и версии;
- синдикация контента – способность переопубликовать свой материал на различных площадках, в социальных сетях для увеличения численности аудитории;
- наличие большого числа доступных медиаканалов, в которых пользователь свободно перемещается независимо от устройств-носителей;
- мультимедийность – позволяет интегрировать различные виды информации в единый тематический блок;
- наличие узкотематических сообществ и рост числа людей, ставших знаменитыми лишь благодаря своему контенту [11, с. 43].

В результате развития описанных выше трендов, информационно-коммуникативные технологии становятся механизмом социального взаимодействия, управления информационным потоком и средством политической коммуникации. Использование интернет-пространства реализует возможность устанавливать регламент ролевого взаимодействия, наблюдать колебания характеристик гражданского активизма. В этом публичном пространстве формируются ценностные ориентиры и ментальные об-

разы реальности. В него встроены убеждения, мысли и эмоции людей, проявляющиеся через трансляцию эмоциональных установок, смыслов. Основная задача политических акторов, с помощью информационно-коммуникативных технологий реализовать процесс легитимации власти с ее предписаниями ограничениями, так как одним из условий политической стабильности выступает социальный консенсус. Обмен информацией в медиaprостранстве, по политическим вопросам, влияет на формирование коммуникативного пространства, социальной стабильности, гражданской и политической позиции. Необходимо учитывать, что формирование личной гражданской позиции основано на осознанной информации, неосознанных реакциях и личностных характеристиках (окружение, жизненный опыт и т.д.).

Отечественный исследователь Баранов Н.А. выделяет две группы критериев эффективности информационного воздействия на формирование гражданской позиции. Первыми выступают критерии духовные, которые отображают ментальные трансформации человека (ценности, установки, убеждения и т.д.). Вторыми являются практические критерии, раскрывающие изменения поведения человека, степень его активности влиять на социально-политические процессы [12, с. 70].

Также необходимо обратить внимание на проблему доверия информационным каналам. В со-

циальных медиа зачастую реализуется упрощенный вариант подачи информации. Например, активно в качестве инструментов коммуникации выступают эмодзи (смайлики, иконки, лайки и др.). Особенно они популярны в социальных сетях, используются с целью придания информационному материалу определенной эмоциональной окраски. Эмодзи выступают своеобразным графическим языком, постепенно заменяющим текст, в процессе коммуникации. В период избирательных кампаний, политические акторы активно используют такие символы.

Идет процесс «эффекта сетевизации» политических процессов, проявляющийся в увеличении числа политических сетей, их влиянии на принятие властных решений, появлении публичного поля для альтернативных гражданских инициатив. В результате возникает социальный феномен, который позволяет совершенно незнакомым людям объединяться для решения конкретных целей. Данный феномен получил название «смартмоб» (умная толпа).

Новым механизмом гражданского участия является краудсорсинг как форма реализации электронной демократии. В государ-

ственной и муниципальной сфере уже создана электронная система взаимодействия представителей власти, граждан, предпринимателей. Такая модель управления получила название «электронное управление» («электронное правительство») [13, с. 448]. По данным единого портала крауд-сервисов в России работает около 45 федеральных платформ и более 250 региональных³. Примерами могут служить Портал Экспертного совета при открытом правительстве РФ (сформирован в 2012 г.)⁴, Российская общественная инициатива⁵. Наиболее эффективной можно назвать Платформу Правительства Москвы «Город идей» (запущен в 2014 г.)⁶. Данная платформа охватывает обширный спектр сфер общественной жизни, вовлекая жителей в процессы принятия решений на муниципальном уровне. При этом необходимо отметить, что краудсорсинг, выполняя социальные функции, использует и манипулятивные технологии. Субъекты политической коммуникации через социальные медиа передают собственную оценку событиям и процессам социальной реальности. На сегодняшний день наблюдается усиление процесса виртуализации политической коммуникации.

³ Карта краудсорсинга в России // <http://crowdsourcing.ru/crowdmap> (дата обращения: 11.04.2024)

⁴ Экспертный совет при Правительстве РФ // <https://web.archive.org/web/20200616095115/https://open.gov.ru/> (дата обращения: 11.04.2024)

⁵ Инициативы в голосовании // <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 11.04.2024)

⁶ Город идей // <https://crowd.mos.ru/> (дата обращения: 11.04.2024)

Вывод

В контексте исследования роли социальных медиа в российском информационно-коммуникативном пространстве, необходимо подчеркнуть их возрастающую значимость и перспективы развития. Сегодня любой участник информационного пространства может быть полноправным субъектом политической коммуникации и в определенной степени, влиять на политические процессы. Акторам политической власти необходимо выстраивать диалог с гражданами при реализации управленческих решений и прогнозировать их реакцию в информационном пространстве.

Благодаря социальным медиа политическая коммуникация становится интерактивной, функционирует по принципам сетей. Технологии подачи информации оказывают воздействие на установки и электоральные предпочтения, реализуют политическую мобилизацию.

Включение социальных медиа в политическое пространство дает

возможность доступа к госучреждению любому гражданину. Созданная атрибутика поведения в информационном поле, такая как поддержка с помощью лайка или протест в один клик, существенно упрощает политические действия, реакции. Однако, есть и обратная сторона: размываются границы публичности представителя политической власти, любая их информационная активность в сетевых сообществах может рассматриваться как официальное слово. Существует и риск фальсификаций представленной информации, распространения фейковых новостей, поскольку любой мультимедийный тест можно удалить или подделать.

Таким образом, социальные медиа – это инструмент для реализации политической коммуникации в интернет-пространстве, значение которого как не стоит преувеличивать, так и не стоит демонизировать их манипулятивный потенциал.

Список литературы:

1. Никитенко В.А. Сравнительный анализ понятий «Новые медиа» и «Социальные медиа» // Огарёв-Online. 2017. №12 (101) // <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-ponyatiy-novye-media-i-sotsialnye-media> (дата обращения: 18.03.2024).
2. Mayfield A. What is social media // Icrossing.Co.uk/ebooks // https://www.crmxchange.com/uploadedFiles/White_Papers/PDF/What_is_Social_Media_iCrossing_ebook.pdf (дата обращения: 11.03.2024).
3. Гиллин П. Новые средства медиа, новые агенты влияния и способы применения медиатехнологий в PR-деятельности. М.

2010. С. 67 // <http://snr.org/wp-content/uploads/2008/08/new-influencers-study.pdf> (дата обращения: 18.03.2024).
4. Вартанова Е.Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ // <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/3689894/> (дата обращения: 18.03.2024).
5. Чумиков А. Н. Управление коммуникациями: учебник / А. Н. Чумиков, М. П. Бочаров. 2-е изд. Москва: Дашков и К. 2023. 544 с. // <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785394052903.html> (дата обращения: 11.03.2024).
6. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований / М. С. Вершинин // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сборник научных трудов. СПб. Изд-во СПбГПУ. 2014. С. 98-107.
7. Лабуш Н.С. Медиатизация политики: объективные основания и субъективный фактор // <https://elib.bsu.by/handle/123456789/235198?mode=full> (дата обращения: 11.03.2024).
8. Артюхина Е.В. Интернет как средство политической коммуникации // Logos et Praxis. 2008. №2. С. 121-124 // <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-sredstvo-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 18.03.2024).
9. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. / Пер. с фр. М.: «Центр психологии и психотерапии». 1998. 480 с.
10. Манойло А. В., Петренко А. И., Хауер-Тюкаркина О. М. Техники эффективной коммуникации в политике: уч.-метод. пособие. М.: Издательство «Известия». 2015. 32 с.
11. Нигметов А. С. Социальные медиа в политических коммуникациях // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. Том 6. № 4. С. 41-51.
12. Баранов Н. А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 66-72 // <https://www.journal-scs.ru/index.php/scs/article/view/566> (дата обращения: 18.03.2024).
13. Сергеева Е. В. Социальные медиа в пространстве публичной политики / Е. В. Сергеева, М. В. Муравьева // Молодой ученый. 2020. № 21 (311). С. 447-450 // <https://moluch.ru/archive/311/70389/> (дата обращения: 12.03.2024).

NIKITINA Tatyana A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Information Analytics and Political Technologies of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Russia, Moscow, email: nikitina4145@mail.ru.

BURTNYY Konstantin P. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the Military University, Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russia, Moscow, email: burtyny58@mail.ru.

Keywords: social media, political communication, Internet space, online communities, online technologies, crowdsourcing.

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN POLITICAL COMMUNICATION

Annotation

The article examines the problems of the relationship between political processes and social media, examines the technologies of political communication in the Internet space, as well as various forms of political participation of citizens through Internet technologies. The main approaches to assessing the role of social media in politics are outlined, and the main trends in the development of this sphere in the political space are highlighted. The essence and prospects of crowdsourcing as a form of implementation of electronic democracy are revealed.

References

1. Nikitenko V.A. Comparative analysis of the concepts of "New media" and "Social media" // Ogarev-Online. 2017. No.12 (101) // <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-ponyatiy-novye-media-i-sotsialnye-media> (accessed: 18.03.2024).
2. Mayfield A. What is social media // Icrossing.Co.uk/ebooks // https://www.crmxchange.com/uploadedFiles/White_Papers/PDF/What_is_Social_Media_iCrossing_ebook.pdf (accessed: 11.03.2024).

3. Gillin P. New media, new agents of influence and ways of using media technologies in PR activities. M. 2010. p. 67 // <http://snrcr.org/wp-content/uploads/2008/08/new-influencers-study.pdf> (accessed: 18.03.2024).
4. Vartanova E.L. New media as a factor of media modernization // <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/3689894/> (accessed: 18.03.2024).
5. Chumikov A. N. Communication management: textbook / A. N. Chumikov. M. P. Bocharov. 2nd ed. Moscow: Dashkov and K. 2023. 544 p. // <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785394052903.html> (accessed: 18.03.2024).
6. Vershinin M. S. Political communication in the information society: promising areas of research / M. S. Vershinin // Actual problems of the theory of communication: Collection of scientific papers. St. Petersburg. Publishing house of St. Petersburg State University. 2014. pp. 98-107.
7. Labush N.S. Mediatization of politics: objective grounds and subjective factor // <https://elib.bsu.by/handle/123456789/235198?mode=full> (accessed: 11.03.2024).
8. Artyukhina E.V. The Internet as a means of political communication // Logos et Praxis. 2008. No.2. pp. 121-124 // <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-sredstvo-politicheskoy-kommunikatsii> (accessed: 18.03.2024).
9. Moskovichi S. The age of crowds. Historical treatise on mass psychology / Trans. from French M.: "Center of Psychology and Psychotherapy". 1998. 480 p.
10. Manoilo A.V., Petrenko A. I., Hauer-Tyukarkina O. M. Techniques of effective communication in politics: teaching method. the manual. M.: Izvestia Publishing House. 2015. 32 p.
11. Nigmatov A. S. Social media in political communications // Communicologiya: electronic scientific journal. 2021. Volume 6. No. 4. Pp. 41-51.
12. Baranov N. A. Digital political participation as a form of political mobilization // The Caspian region: politics, economics, culture. 2020. No. 3 (64). p.66-72 // <https://www.journal-scs.ru/index.php/scs/article/view/566> (accessed: 18.03.2024).
13. Sergeeva E. V. Social media in the space of public policy / E. V. Sergeeva, M. V. Muravyeva // Young Scientist. 2020. No. 21 (311). pp. 447-450 // <https://moluch.ru/archive/311/70389/> (accessed: 12.03.2024).

ВЫЗОВЫ И РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ «УМНОЙ СИЛЫ» И ИНСТРУМЕНТЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация

Альтернативные методы управления, такие как «умная сила» или потенциал цифровых технологий, используются Российской Федерацией не в полной мере. Множество направлений этой работы, такие как, например, взаимодействие с соотечественниками, проживающими за рубежом, остаются неохваченными. Цель исследования – проанализировать современное состояние работы государства с российскими соотечественниками, проживающими за рубежом через призму «умной силы». По результатам анализа выявлены слабые позиции работы российских государственных органов с соотечественниками, проживающими за рубежом, предложены пути решения проблемы с применением имеющихся цифровых возможностей.

Введение

Развитие современного общества постоянно требует от государства совершенствования модели управления. Такая динамика вызвана увеличением скорости жизни, на что прямым образом влияют научные открытия и новые цифровые

технологии. Научная политическая мысль также стремится к систематическому совершенствованию.

Сегодня Россия сталкивается с оттоком высококвалифицированного персонала, что актуализирует поиск альтернативных методов ра-

САКУЛИН Сергей Вячеславович – научный сотрудник Института стран СНГ, Россия, Москва, email: sakulin.18@mail.ru, SPIN-код: 1408-1996, ORCID: 0000-0003-1798-7043.

Ключевые слова: коммуникация, манипуляция, информационное воздействие, цифровое государство, соотечественники, релоканты.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_63

боты с российскими соотечественниками, проживающими за рубежом, и, в частности, с релокантами. В настоящее время государственная политика России по этой линии не отвечает современным вызовам и не использует свой потенциал в полной мере. Для удержания и укрепления связи со своими гражданами за рубежом Россия традиционно опирается на два инструмента мягкой силы: продвижение русского языка и сохранение памяти об общей победе в Великой Отечественной войне. По этой причине целью настоящего исследования стал анализ современного состояния работы государства с российскими соотечественниками, проживающими за рубежом, через призму «умной силы».

В последние годы классическая концепция мягкой силы трансформировалась Дж. Наем (автором термина) в умную силу, состоящую из трех уровней:

- 1) жесткая сила;
- 2) финансово-экономическое влияние;
- 3) мягкая сила (корпорации, неправительственные организации и медиа)¹.

Член Шанхайской академии наук Юй Синьтянь в данном контексте уделяет внимание культурному аспекту, а мягкая сила, согласно исследователю, – это влияние национальной культуры на международные отношения [1]. Ученый убеждена, что чем «моднее» идеология, тем больше у нее шансов на реализацию [2]. Эти принципы имеют все основания стать определяющими и для российской действительности.

Российские соотечественники – это один из инструментов «умной силы» России. Но, чтобы добиться поставленных целей, необходимо выстроить эффективную политику мягкой силы в отношении самих соотечественников.

Российская «умная сила»: современное состояние и проблемы

Применяемые в настоящее время технологии умной силы в отношении российских соотечественников, проживающих за рубежом, обладают посредственным характером и не отвечают реальным запросам этой категории граждан: они в целом носят топорный характер [3]. Сейчас происходит по-

всеместный уход постсоветских республик из российского культурного влияния. Российское присутствие постепенно заменяется на китайское, турецкое, европейское и арабское [4; 5].

Точное число российских соотечественников, которые проживают за границей на сегодняшний день

¹ Умная сила // <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2014-12/273319-umnaya-sila> (дата обращения: 12.07.2024).

неизвестно, по оценкам МИД России – это 25-30 млн человек² (из них за 2022 г. выехало 0,5-1 млн человек³). Российские диаспоры в настоящее время ассимилированы по всему миру, наиболее популярные направления: США, страны Евросоюза, Сербия, Черногория, Израиль, Турция, СНГ (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Молдова), Грузия [6].

Динамика последних лет показывает повышенный интерес России к странам ближнего зарубежья⁴. В том числе 31 марта 2023 г. была утверждена новая Концепция внешней политики Российской Федерации, где региону СНГ отводится место ключевого партнера [7]. Такие шаги со стороны России прогнозируемы: трудности в диалоге с Европой и США вынуждают быстрее перейти от глобальных процессов к региональным. На этом фоне официальная Москва переориентирует свою дипломатию на СНГ, Китай, Индию, Турцию, Ближний Восток, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Латинской Америки и Карибского

бассейна. Эти шаги заставляют обратить внимание на работу консульских и посольских учреждений, в особенности в странах СНГ. Анализ работы государства со своими соотечественниками нельзя рассматривать в отрыве от работы российских учреждений, подведомственных или аффилированных с МИД России.

На протяжении последних 30 лет существует проблема кадрового наполнения консульских учреждений в странах СНГ⁵.

Во-первых, по неофициальным оценкам дипломатов, работа в этом регионе не относится к престижным: зачастую формируется по остаточному принципу. Такой подход напрямую влияет на эффективность работы консульских учреждений. Подтверждает это и множество жалоб от российских соотечественников на работу подразделений внешнеполитического ведомства⁶.

Во-вторых, сама работа посольских учреждений устарела и строится на организации каких-либо официальных визитов и оказании

² МИД РФ: русская община за рубежом насчитывает порядка 30 млн человек // <https://tass.ru/politika/5752418> (дата обращения: 14.07.2024).

³ Russians have emigrated in huge numbers since the war in Ukraine // <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/08/23/russians-have-emigrated-in-huge-numbers-since-the-war-in-ukraine>; Сколько россиян покинуло страну после 24 февраля и почему они уезжают // <https://www.kp.ru/daily/27403.3/4598843/> (дата обращения: 14.07.2024); Из России с начала года выехали 419 тыс. человек // <https://www.rbc.ru/economics/05/09/2022/631649a09a79476923ac3d6c> (дата обращения: 14.07.2024).

⁴ Экономические чудеса: как российская эмиграция влияет на соседние страны // <https://www.forbes.ru/finansy/481301-ekonomiceskie-cudesa-kak-rossijskaa-emigracia-vliaet-na-sosednie-strany> (дата обращения: 14.07.2024).

⁵ Консулы не хотят менять Европу на СНГ // <https://www.kommersant.ru/doc/187379> (дата обращения: 13.07.2024).

⁶ Текущий архив АНО «Институт диаспоры и интеграции» («Институт стран СНГ»).

консульских услуг. Работа с обществом, с собственными соотечественниками, консолидация работы различных агентств и институтов, действующих в странах, отсутствует. Так, например, деятельность Россотрудничества, филиалов российских университетов и неправительственных организаций не имеет четкой и единой концепции работы. Чего нельзя сказать о других акторах влияния в регионе. Россия принимает шаги по интеграции территорий бывшего СССР в экономические и военно-политические союзы, но при этом не предлагает новых идей, опираясь на совместные достижения прошлых лет и прошлых поколений. С политической точки зрения наблюдается дефицит идей и смыслов по взаимодействию между Россией, странами ближнего зарубежья и соотечественниками.

Как правило, Россия опирается на популяризацию русского языка, культуры, театра и балета, искусства. Это реализации символических программ, которые не имеют общего с запросом российских соотечественников. Более того, практически всегда российское культурное присутствие ограничивается крупными центрами. Специфика регионов – где переплетены древние культуры и традиции, клановые отношения – зачастую не учитываются.

Еще один немаловажный фактор, который оказывает определяющее влияние на пересмотр отношений с Россией – это смена поколений. На сегодняшний день в работе с соотечественниками и в регионах с сильным российским присутствием уделяется повышенное внимание эмоциональной составляющей, когда граждане, народы и государства «ностальгировали» о едином прошлом. В перспективе эти связи будут разорваны эволюционным путем, когда у тех «советских соотечественников» будут создаваться новые цепочки поколений, не имеющих ничего общего с Россией. Для изменения этой ситуации со стороны России задействован ограниченный спектр возможностей.

Расширение так называемой идеи «русского мира» – это архаизм. Те усилия, которые предпринимает Россия для нивелирования информационной политики стран Европы, США, Турции и других крупных игроков, не приносят желаемого результата. Наблюдается постепенный уход стран СНГ от русского языка и культуры, что остро и болезненно воспринимается в России. В первую очередь речь идет о законодательном сокращении использования русского языка (в Киргизии⁷, Казахстане⁸,

⁷ В Киргизии усиливается давление на русский язык // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/02/20/963576-v-kirgizii-usilivaetsya-davlenie-na-russkii-yazik> (дата обращения: 13.07.2024).

⁸ Русского языка и литературы все меньше: что происходит в школах и вузах Казахстана // Экспертно-аналитическая сеть PolitRUS // <https://www.politrus.com/20230829/russia-kazakhstan-14/> (дата обращения: 13.07.2024).

Украине⁹). Фактически использование русского языка вне зависимости от запретов оставалось во всех сферах жизни, но после 24 февраля 2022 г. (с началом специальной военной операции) ситуация начала меняться: использование русского языка экстраполируется с действиями России, а все «русское» — с национальной угрозой [8, с. 426-785].

Отдельное место в этом вопросе отводится работе по противодействию фальсификации исторических событий. Для России тема Великой Отечественной войны и общая победа народов носит первостепенное значение. Вокруг этого фактически строится рос-

сийская гуманитарная политика в странах СНГ. Эта работа ведется на всех уровнях, на всех встречах и заседаниях¹⁰.

Российская умная сила представляет из себя набор инструментов, состоящих из институтов с множеством задач, но без четких стратегических приоритетов. Принятая Концепция гуманитарной политики Российской Федерации – это система взглядов, не имеющая отношения к практической реализации. Работа некоммерческих организаций остается без внимания, понимание публичной дипломатии не раскрыто. В области гуманитарной политики есть идеи, но нет инструментов, способных их реализовать.

Оценка рисков в отношении российского присутствия и возможности умной силы в их купировании

В последние годы происходит разрыв России с российскими соотечественниками. На этом направлении она уступает другим игрокам. Сегодня Турция активно усиливает позиции во всех ключевых зонах ответственности России и ее мусульманских центрах. На данный момент идея тюркского мира не пользуется сверхпопулярностью, однако этот фактор нельзя оставлять незамеченным. Турция эффективно использует инструменты умной силы,

продвигая свои национальные интересы через турецкое кино (которое занимает второе место в мире после США по продаже сериалов), образование, открытие культурных центров и развитие гуманитарных программ [4].

Еще один игрок – Саудовская Аравия – покровитель и хранитель традиций ислама. Страна занимается реставрацией и строительством мечетей, развивает медицину и открывает школы в зонах влияния Рос-

⁹ О репрессиях в отношении русского языка на Украине // https://russianunesco.mid.ru/ru/press_service/news/pritesnenie_russkogo_yazyka_na_ukraine/ (дата обращения: 13.07.2024).

¹⁰ Путин и Мирзиеев посетили мемориальный комплекс «Парк Победы» в Ташкенте // <https://iz.ru/1702907/2024-05-27/putin-i-mirzиеev-posetili-memorialnyi-kompleks-park-pobedy-v-tashkente?ysclid=lxeh94uieo550895068> (дата обращения: 13.07.2024)

сии. Этот инструмент умной силы сильно связывает эти государства и формирует благосклонное сознание к этой стороне. В краткосрочной и среднесрочной перспективе уровень инвестиций Саудовской Аравии несопоставим с российскими, однако тенденция и рост влияния Саудовской Аравии (совместно с Турцией) может оказать определяющее значение на будущие трансформации [5].

Для купирования потенциальных угроз России необходимо расширять дипломатическую работу. Под кураторством региональных отделений МИД России важно выстроить цельный и единый подход по работе с региональными элитами, обществом и российскими соотечественниками. Необходимо увеличить долю молодых сотрудников, способных быстро адаптироваться под меняющиеся реалии развития общества.

Имеющихся шагов России по сохранению русской культуры и русского языка недостаточно, во-первых, из-за нехватки ресурсов; во-вторых, ввиду тривиального подхода. Работа России носят прямой характер, который воспринимается, как навязчивый сервис. Сгладить ситуацию может изменение подхода к распространению русских паттернов. Так, например, еще не утратило свой потенциал российское телевидение, которое является наиболее доступным инструментом. Русские школы и русские университеты расположены в основном в крупных городах и затрагивают лишь узкий круг людей, игнорируя сельское население, людей среднего и пожилого возраста.

На фоне тенденций по сокращению использования русского языка в странах постсоветского кластера общественное настроение также меняется не в пользу России. Политика Кремля в этом направлении требует выработки единого плана работы всех правительственных и пророссийских инструментов. По этому направлению Россия уступает всем ключевым игрокам в регионе: и Китаю, и ЕС, и США, и Турции, и Саудовской Аравии. Например, в государствах-членах СНГ функционируют Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, Фонд «Русский мир», Координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. Деятельность этих организаций внутри региона носит формальный характер, о работе которых ничего неизвестно соотечественникам [8, с. 426-785]. Их редкие мероприятия, которые проходят с целью распространения русского культурного кода, носят закрытый характер, по типу «исключительно для своих». Эти действия обладают контрпродуктивным характером, когда в этом регионе растет доля молодых граждан, которые не опираются на старые связи: личные, семейные или ностальгические. Эти граждане находятся в поиске новой мотивации и сотрудничества, но то, что может предложить им России, их не устраивает.

России требуется пересмотр своей работы с соотечественниками, если она хочет консолидировать и использовать человеческий капитал

этой категории граждан, а значит, для них должны быть созданы не только экономические условия, но и комфортное этнопсихологическое состояние. Российским соотечественникам, которые хотят поддерживать свою связь с Россией важно чувствовать реальную поддержку со стороны государства, увидеть альтернативу их сегодняшней жизни, а не только в словах официальных лиц¹¹. Повсеместно исправить ситуацию невозможно, тем не менее, исправлять эти проблемы возможно на территориях, входящих в зону стратегических интересов и, в частности, в государствах-участниках СНГ.

Инструменты мягкой силы на постсоветском пространстве могут состоять из следующих элементов:

- сохранение русского языка;
- продвижение и сохранение российской культуры;
- экспорт российского образования;
- расширение информационно-коммуникационных технологий;

– распространение массовой культуры;

– пропаганда общего исторического прошлого и контрпропаганда фальсификации исторических событий;

– политика в отношении соотечественников за рубежом.

Для эффективного использования всего этого потенциала важно обозначить группы целевой аудитории:

– действующая политическая элита и оппозиция в странах-участниках СНГ;

– бизнес-элита;

– интеллектуальная элита (ученые, артисты, лидеры мнений и др.);

– местное население, в том числе молодежь и (в особенности) студенты;

– российские соотечественники, проживающие за рубежом.

Направления и инструменты умной силы должны выбираться с учетом специфических интересов каждой целевой группы.

Инструменты «мягкой силы»

Русский язык

Русский язык – это основополагающий связующий элемент между государством и российскими соотечественниками. В настоящее

время русский язык вытесняется из образовательного поля, происходит закрытие российских школ¹². Выросло поколение молодых лю-

¹¹ Захарова заявила, что Россия не оставит в беде соотечественников в Прибалтике // <https://tass.ru/politika/17508085> (дата обращения: 15.07.2024).

¹² Комментарий Департамента информации и печати МИД России относительно закрытия русских классов в ряде школ Апхабада // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1442087/ (дата обращения: 15.07.2024); Реформа образования в Молдавии ударит по русским школам // https://www.ng.ru/cis/2022-06-30/1_8475_moldova.html (дата обращения: 15.07.2024).

дей, которое не говорит и не понимает русского языка, среди них и потомки граждан России. Это естественная тенденция, которая фактически является нормой для любого государства, где проживают соотечественники.

Первой задачей, которую здесь предстоит решить – построение культурно-образовательной среды, отвечающей всем современным нормам и трендам, необходимым для привлечения внимания и популяризации российских стандартов и методов обучения на всех этапах образования. Преимуще-

ственно такие условия должны создаваться в районах российских диаспор, областных и районных центрах. На решение этой проблемы направлен проект «Русская школа за рубежом»¹³, но его реализация затягивается много лет, что грозит потерей актуальности.

Стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день система российского образования даже внутри самой России требует кардинальных изменений. Ее главная проблема – несоответствие образовательных программ реальному времени и запросам экономики [9].

Культура

Еще одним элементом поступательного укрепления влияния России в регионе является культура. В условиях постпандемии, военной операции на территории Украины и санкционного давления возможности государственного финансирования различных отраслей стали ограниченными, в том числе и в области культуры. Однако задача государства должна сводиться к поиску внебюджетных источников финансирования, но не в полном переключении на иные задачи. Распространение российской культуры может проходить по нескольким направлениям:

- экспорт традиционно сильных направлений высокой культуры – организация гастролей русского театра, оперы и балета, живописи;

- открытие филиалов российских музеев за рубежом (как, например, Лувр в Абу-Даби (ОАЭ);

- использование современных цифровых технологий для распространения русской культуры через интерактивные выставки и видеокскурсии (что уже является частой мировой практикой, но не находит применения в России [10]);

- экспорт историко-культурных традиций народов, проживающих и проживавших в России и на ее территориях, а также усиление культурных обменов между регионами;

- развитие производства и экспорта отечественных продуктов массовой культуры, но не в шаблонном варианте и путем копирования заграничных анало-

¹³ Концепция «Русская школа за рубежом» // <http://www.kremlin.ru/acts/news/50643> (дата обращения: 15.07.2024).

гов, а путем культивации собственного стиля;

– разработка и повышение узнаваемости российских брендов через создание уникального мерчендайза («мерча»), как это делает Национальное управление по аэронавтике и исследованию космиче-

ского пространства США – НАСА (по аналогии может быть создан бренд «Гагарин», или, например, элементы рубашек (внутренний воротник, манжетка, планка) в узорах традиционной русской росписи (гжельской, мезенской, боярской и пр.).

Кино

Внимания заслуживает сфера российского кинематографа, а также повышение его доли в прокате на международном рынке. Нарращивание экспортного потенциала должно осуществляться в первую очередь в сегменте «умного» концептуального кино и высокобюджетных картин. Традиционно сильно российское кинопроизводство на военно-историческую, спортивную тематику, об освоении космоса, о подвигах и героических действиях (не только военных, но и обычных граждан). Вместе с тем не меньшее внимание должно быть уделено созданию мультипликации [11]. Отдельное внима-

ние стоит уделить созданию условий для реализации совместных российско-национальных проектов в области киноиндустрии.

Кинопропаганда – это инструмент умной силы, который может менять массовое сознание. Известно, что США проиграли войну во Вьетнаме, но они «выиграли» ее на цветных экранах. Выросло поколение, которое восхищается мужеством и отвагой американских солдат-героев из фильмов «Рэмбо», «Спасти рядового Райана». Эти фильмы стали классикой мирового кинематографа, отодвинув настоящие исторические события на второй план [12].

История

В последние годы актуальной считается тема о преднамеренном искажении исторических событий, произошедших с участием России, и о взаимоотношениях России с сопредельными государствами. Вероятное ангажирование исторических фактов в учебниках истории в странах СНГ, по которым вынуждены учиться и российские соотечественники, формирует в

сознании негативный образ России, создавая определенные нарративы и паттерны. В учебниках партнеров России по ЕАЭС и ОДКБ РФ представлена как колонизатор, угнетавший местное население. В учебниках отмечается подмена ценностей, отождествление СССР и нацистской Германии. В ряде стран СНГ наблюдаются тенденции по вычленению «национального»

вклада в победу 1945 г.¹⁴ Это направление работы со стороны России оставлено без должного внимания. Результаты политики игнорирования сегодня видны в странах Прибалтики и в Украине.

Необходимо продолжать работу по привлечению людей в акцию

«Бессмертный полк», которая отражает глубинную потребность граждан в уважении своих корней и сохранении памяти о подвиге.

Стоит обратить внимание на создание единого учебного материала (пособия) по истории для стран, входящих в ЕАЭС или СНГ.

Образование и наука

Необходимо увеличивать экспорт российского образования за рубеж и привлекать в российскую систему профессионального образования молодежь из-за рубежа, создавая живые элементы мягкой силы России. Активное научное сотрудничество между учеными стран СНГ, подготовка научных кадров высокой квалификации в рос-

сийских научных центрах – является важной составляющей развития мягкой силы.

Необходимо создание специальных фондов, обеспечивающих грантами действующих ученых для участия в научных конференциях на постсоветском пространстве. Этот опыт успешно применяется в европейских государствах.

НКО

Налаживание доверительного диалога на уровне экспертов и общественных организаций по продвижению национальных ценностей особенно важно на фоне усиления международной нестабильности. Возможности для неформального общения предоставляют некоммерческие неправительственные организации: американский исследовательский центр *RAND Corporation*, ведет свою деятельность по всему миру с 1948 г.; европейские страны, кроме национальных акторов

мягкой силы (Британский совет, Французский институт, институты Гете, Сервантеса и Данте) имеют общеевропейские структуры, в том числе входящие непосредственно в Еврокомиссию – Генеральный директорат по сотрудничеству и развитию *EuropeAid*.

В России центры со схожими функциями (Фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова) имеют существенно меньшие финансовые возможности и меньшую эффективность.

¹⁴ «Колонизаторы» и «оккупанты»: Что пишут про Россию в школьных учебниках республик бывшего СССР // <https://www.kp.ru/daily/27354/4536151/> (дата обращения: 15.07.2024).

Интернет

Одна из главных задач в интернет-сегменте – сохранение кириллицы. Для ее решения необходимо уделить внимание развитию российской блогосферы и российских социальных сетей (не просто как к средствам коммуникации), а как инструментам, транслирующим положительный образ России. Кроме того, отражение положительного об-

раза России должно транслироваться и в мировых социальных сетях, что является наиболее эффективным механизмом, чем их блокировка и полное неучастие. Активное лоббирование российских интересов должно происходить не только при помощи использования и увеличения числа так называемых фабрик-ботов, но и через реальных людей.

Политика в отношении соотечественников за рубежом

Отношение России к своим соотечественникам, проживающим за рубежом, и взаимоотношение с ними является важным индикатором отражения образа России. Российские соотечественники за рубежом являются естественными хранителями и проводниками российских ценностей, русской культуры в странах проживания. Обеспечение языковых, образовательных, культурных потребностей соотечественников – является важнейшим фактором сохранения российского культурного присутствия в этих странах. В то же время действующие программы носят формальный характер.

Важнейшим фактором для поддержания имиджа страны является защита прав граждан, попавших в трудную ситуацию за рубежом. Каждый раз, когда такая помощь не приходит, это становится поводом для обвинений дипломатов в безразличии, а страны – в безответственности, в несоблюдении собственной Конституции, гаран-

тирующей покровительство своим гражданам за рубежом. Данное направление остается слабым местом во внешней политике РФ. Требуется кардинальная перестройка системы консульской помощи и ее информационного сопровождения.

Еще одна, недоработка России, это неиспользование современных технологий для отслеживания настроений общества. Зачастую в этом направлении применяются традиционные методы статистического анализа, что затягивает получение данных. Во время интернет-активности пользователям свойственно оставлять «цифровые следы», которые в суммарном эквиваленте отражают интересы и нужды человека. Анализ этой информации может быть использован не только коммерческими структурами для предложения своих товаров и услуг, но и, например, при отслеживании миграционных потоков и нужд граждан, проживающих за рубежом. Использование иннова-

ционных источников по сбору статистических данных открывает возможность более детально отслеживать изменения в области внутренней и внешней миграции.

Преимущества этих продуктов достаточно высоки:

- высокая объективность исследования, поскольку число запросов сопоставимо с числом пользователей;
- ежедневное обновление;
- простота в использовании.

Сегодня есть бесплатные сервисы, которые позволяют за несколь-

ко секунд отследить действия и интересы интернет-пользователей. Один из таких – поисковый сервис *Yandex.Wordstat* отображает статистику показов заданных запросов, которые были интересны пользователям (аудитория пользователей рекламной сети Яндекса в России составляла уже на 2017 г. более 60 млн человек¹⁵). К примеру, на рисунке 1 изображен график запросов пользователей на предмет выезда из России в период с января 2021 г. по декабрь 2022 г.

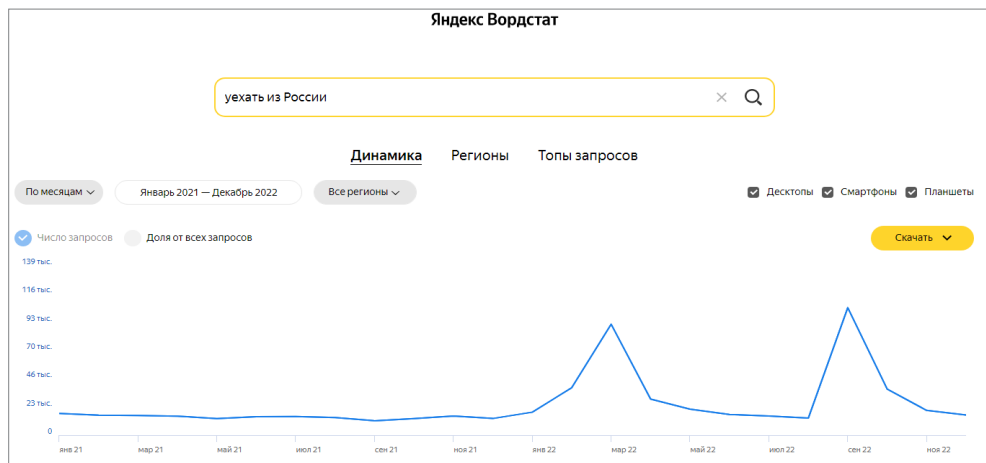

Рис. 1. График запроса «уехать из России» в сервисе *Yandex.Wordstat*

Другой сервис – *Google Trends* работает на основе запросов в *Google* показывает, насколько часто ищут определенный термин по отношению к общему объему поисковых запросов в различных регионах мира и на различных языках. Кроме того, поисковые запросы можно анализировать на примере конкретной стра-

ны в разные периоды времени. К примеру, пиковый рост эмиграции граждан России в 2022 г. ярко иллюстрирует анализ общественного интереса через статистику интернет-запросов. С использованием сервиса *Google Trends* был получен график популярности запроса в *Google* от пользователей из России с ключе-

¹⁵ Коммерческие интересы пользователей интернета // https://yandex.ru/company/researches/2017/commercial_interests (дата обращения: 15.07.2024).

выми словами «уехать из России» за последние 5 лет (рисунок 2). Видно, что пики запросов российских пользователей приходится на период с 27 февраля по 5 марта 2022 г. и с 18 по

24 сентября 2022 г., что соотносится со временем принятия решений о проведении специальной военной операции в Украине и началом частичной мобилизации¹⁶.

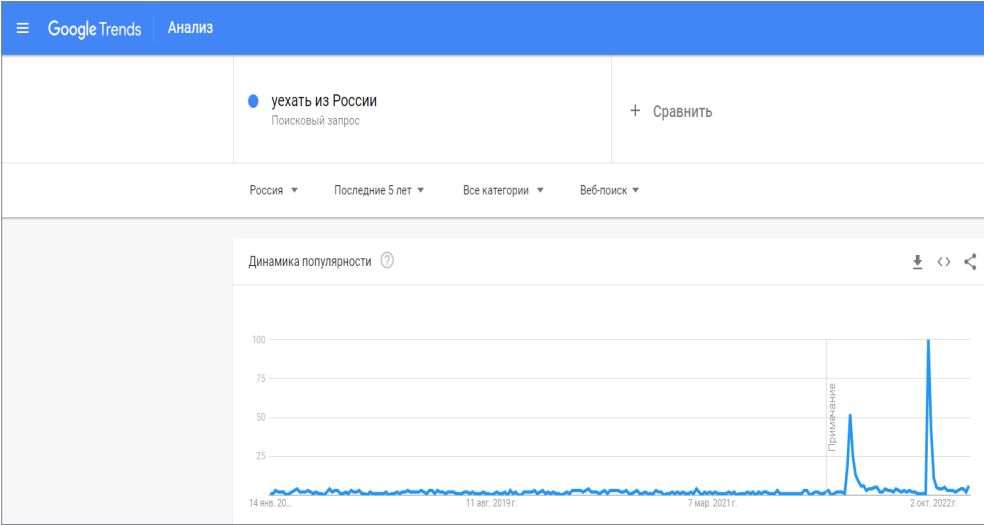

Рис. 2. График запроса «уехать из России» в сервисе Google Trends

Данные Яндекс и Google показывают пики интереса пользователей к теме «уехать из России» в середине марта и середине октября 2022 г. Полученные результаты можно считать объективными показателями общественного интереса к эмиграции из России, так как в большинстве слу-

чаев перед кардинальными переменами, такими, как смена жительства, граждане, прежде чем перейти к действию, изучают доступные им варианты в интернете. Актуальность такого подхода обоснована повсеместным переходом общественной жизни в цифровую среду¹⁷.

¹⁶ В данной методике числа на графике обозначают уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю для выбранного региона (в данном случае – России) и периода времени (в данном случае – 5 лет: с 14 января 2017г. по 31 декабря 2022г.). 100 баллов означают наивысший уровень популярности запроса, 50 – уровень популярности запроса, вдвое меньший по сравнению с первым случаем. 0 баллов означает положение, когда недостаточно данных о рассматриваемом запросе.

¹⁷ Из 8 млрд человек, населяющих планету, к началу 2024 г. 5,6 млрд – 69% – на постоянной основе используют смартфон. 5,35 млрд (66%) – это активные пользователи интернетом, 5 млрд (62%) – активные пользователи социальными сетями. Среднее времяпровождение в интернете одного взятого пользователя составляет 6 часов 40 минут (в России – 8 часов 21 минута) [13]. Такая длительность времяпровождения отражает фактически равнозначное нахождение человека в реальном и виртуальном пространствах.

В качестве расширения сотрудничества между Россией, соотечественниками (и релокантами), необходимо рассмотреть расширение возможностей Торговых представительств РФ за рубежом. Трудоустройство – это одна из основных проблем, с которой сталкиваются российские соотечественники [3], тогда как российский бизнес или его составляющие присутствуют в большинстве стран мира. Исходя из этого, российские Торговые дома могут стать этим связующим звеном между работодателем и российским соотечественником. Это практическая прямая помощь, которую человеку оказала Россия. Однако, последние принятые решения, наоборот, отталкивают российских соотечественников от России. Вместо того, чтобы выстроить диалог и прийти к сотрудничеству, с экранов телевизоров и в стенах государственных учреждений звучат негативные высказывания в отношении тех, кто покинул Россию в период специальной военной операции и частичной

мобилизации¹⁸. Такая политика со стороны государства несет вред ее собственным интересам. Примечательно, например, что по итогам волн эмиграции в 2022 г. только из отрасли информационных технологий уехало 100 тысяч специалистов¹⁹. Использование соотечественников на этом направлении могло бы создавать дополнительные связи и цепочки сотрудничества между Россией и ее соотечественниками.

Сейчас деятельность институтов российской умной силы не отвечает реальному запросу. Диктанты и возложение цветов к памятникам – должны быть частью работы, но не единственной. Понимание «цифровой диаспоры» в России просто отсутствует. К примеру, информационные площадки, Координационного совета российских соотечественников в Великобритании в Facebook* насчитывает 1,5 тыс. подписчиков²⁰, а группа *Russians in London / Русские в Лондоне**, организованная гражданами – 60 тыс. человек²¹.

¹⁸ Захарова предупредила уехавших за границу россиян о последствиях // https://news.rambler.ru/politics/49979788/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.07.2024); Володин считает предателями граждан, уехавших из России на время спецоперации // <https://www.pnp.ru/politics/volodin-schitaet-predatelyami-grazhdan-uekhavshikh-iz-rossii-na-vremya-specoperacii.html?ysclid=lx1vnl05r5728179618> (дата обращения: 12.07.2024); Клишас допустил ограничения для уехавших после начала мобилизации россиян // <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2022/638d2ce19a79479f6ed38f92?ysclid=lx1vowadv313010204> (дата обращения: 12.07.2024).

¹⁹ Глава Минцифры сообщил о 100000 уехавших из России айтишников // <https://www.forbes.ru/tekhnologii/482755-glava-mincifry-soobsil-o-100-000-uehavsih-iz-rossii-ajtnisnikov?ysclid=lx1ei2jgvvu920810104> (дата обращения: 15.07.2024).

²⁰ Координационный совет российских соотечественников в Великобритании // https://m.facebook.com/sovets20/?wtsid=rdr_1XOPBvFos7RzzvuBX&rdr (дата обращения: 12.07.2024)

²¹ *Russians in London / Русские в Лондоне* // <https://www.facebook.com/groups/525343874165161/> (дата обращения: 12.07.2024).

* Деятельность организации признана экстремистской на территории Российской Федерации.

Даже с точки зрения информационного освещения российские ресурсы остаются в проигрышном положении по сравнению с европейскими государствами, где вместо краткой выдержки по процедуре представлены пакеты документов с законами и нормативными документами, что сложно понять обычному человеку.

Получение различных документов – это еще одна проблема, с которой сталкиваются соотечественники. Адаптация российского портала «Государственных услуг» для нужд соотечественников способна существенно упростить процесс получения консульских и иных услуг, в том числе и иметь возможность подачи документов на переезд в Россию в электронном виде.

Учитывая масштабы некоторых территорий и недостаточное количество консульских учреждений за рубежом, у граждан просто отсутствует возможность каждый раз ездить в посольство. Речь, идет не об окончательном решении по заявителю, в первую очередь электронная подача документов сможет производить пер-

вичную проверку без личного присутствия. Это позволит систематизировать и регламентировать подачу документов. Электронные формы заполнения анкет сократят вероятность ошибки. Нехватка какого-либо документа или незаполненная графа просто не даст возможность перейти к следующему шагу и отправить сведения в ведомство.

После анализа предоставленных документов, граждане, не имеющие возможность приехать для личного собеседования могут пройти его в режиме видеоконференции. В настоящий момент существует множество инструментов, позволяющих идентифицировать личность гражданина, например, система распознавания лиц в метро, *face ID* при разблокировке телефона и т.п. В данном случае также целесообразно использование цифровой подписи аккредитованной организацией для авторизации входа на портал. (Такая подпись может быть выдана и в электронном виде, как, например, это делается на сайте Федеральной налоговой службы России).

Заключение

Резюмируя вышесказанное и демонстрируя потенциал цифровых технологий и недостаток работы государства с российскими соотечественниками, имеет смысл обратиться к искусственному интеллекту. Так, в *Giga Chat* (разработан Сбер) и чат-бот *Chat GPT* в Телеграм был сделан запрос для

составления «идеальной государственной программы для России по работе с соотечественниками, проживающими за рубежом». Полученные рекомендации приведены ниже и отражают общее понимание проблемы как со стороны автора, так и со стороны нейросетей.

Таблица 1.

Проект государственной программы по работе с российскими соотечественниками, проживающими за рубежом (создано с помощью искусственного интеллекта)

<i>Giga Chat (Сбер)</i>	<i>Чат-бот Chat GPT</i>
Создание идеальной государственной программы – сложная задача, которая требует глубокого понимания контекста и множества факторов, влияющих на жизнь российских соотечественников за рубежом. Однако я могу предложить несколько ключевых принципов, которые могли бы лечь в основу такой программы: 1. Поддержка русского языка и культуры. Программа должна включать меры по поддержке изучения и сохранения русского языка и культуры среди российских соотечественников за рубежом. Это может включать предоставление стипендий для обучения в России, организацию культурных мероприятий и фестивалей, а также поддержку русских школ за рубежом. 2. Социальная поддержка. Российские соотечественники за рубежом могут столкнуться с различными социальными проблемами, такими как дискриминация, бедность и отсутствие доступа к медицинским услугам. Программа должна предусматривать меры социальной поддержки, включая финансовую помощь, консульства по вопросам трудоустройства и интеграции в местное общество. 3. Правовая защита. Многие российские соотечественники сталкиваются с правовыми проблемами при проживании за рубежом, такими как проблемы с получением гражданства или виз, нарушение их прав и свобод. Программа должна предусматривать меры по защите прав и интересов российских соотечественников, включая юридическую помощь и консульства. 4. Информационная поддержка. Российские соотечественники за рубежом могут испытывать недостаток информации о событиях и новостях в России. Программа должна предусматривать создание информационных ресурсов и каналов связи, чтобы обеспечить российским соотечественникам доступ к актуальной информации и новостям из России. 5. Развитие международного сотрудничества. Программа должна способствовать развитию международного сотрудничества между российскими организациями и организациями соотечественников за рубежом. Это может включать обмен опытом, проведение совместных проектов и программ, а также установление партнерских отношений.	Программа по работе с российскими соотечественниками, проживающими за рубежом, может включать следующие шаги и действия: 1. Культурный обмен и поддержка языка. Поддержка русского языка и культуры через организацию культурных мероприятий, учебных программ, и обменов. Это может включать создание русских центров, библиотек, и других культурных институтов. 2. Консульская поддержка. Обеспечение эффективной консульской поддержки для российских граждан за рубежом, включая помощь в экстренных ситуациях, предоставление информации о законах и правилах пребывания в стране проживания. 3. Образование и стипендии. Предоставление доступа к образовательным программам в России, а также предоставление стипендий и финансовой поддержки для обучения за рубежом. 4. Экономическая интеграция. Поддержка экономической интеграции соотечественников через программы по развитию предпринимательства, инвестиций, и торговли. 5. Социальная интеграция Поддержка социальной адаптации и интеграции российских соотечественников в странах проживания, включая программы по трудоустройству, языковые курсы, и культурную адаптацию. 6. Содействие возвращению Создание программ по содействию возвращению российских соотечественников обратно в Россию, включая помощь с трудоустройством, жильем и адаптацией. Реализация этих шагов потребует сотрудничества между различными ведомствами правительства, местными органами власти, общественными организациями и самими соотечественниками.

Сгенерированные положения говорят о синхронном понимании проблемы и у человека, и ИИ, что подтверждает симбиоз реального и

виртуального, как новой формы человеческих взаимоотношений, а также наглядно демонстрирует потенциал на этом направлении.

Список литературы

1. Xintian Y. Ruanshili jianshe yu duiwai zhanlue // Guoji wenti yanjiu [Soft power construction and external strategy of China. International Studies]. 2008. №2.
2. Xintian Y. The Role of Soft Power in China's Foreign Strategy Guoji Wenti Yanjiu. March 13. 2008.
3. Сакулин С.В. Контент-анализ информационных ресурсов российской диаспоры // Обозреватель. 2018. №8. С.84-98.
4. Лукьянов Г. Политика Турции в ЦА: обоснованы ли амбиции? // Российский совет по международным делам / Г. Лукьянов, Н. Кулиева, А. Миронов // Российский совет по международным делам // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-turtsii-v-tsa-obosnovany-li-ambitsii/> (дата обращения: 15.07.2024).
5. Икромов Ш. «Дипломатия мечетей» в Центральной Азии: геополитика, начинающаяся с михраба // CAAN // <https://www.saa-network.org/archives/21135> (дата обращения: 15.07.2024).
6. World Migration Report 2024. International Organization for Migration (IOM) // <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024> (дата обращения: 15.07.2024).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 15.07.2024).
8. Правовое положение соотечественников, проживающих в странах постсоветского пространства: сравнительный анализ / Коллектив авторов; Институт диаспоры и интеграции. М.: Прометей. 2023.
9. Алексашина Е.С. Профессиональные стандарты в образовании с учетом потребностей цифровой экономики России / Е. С. Алексашина, О. Н. Горбунова // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. №5. С. 204-209.
10. Сакулин С.В. Адаптация метавселенной к политическим процессам // Обозреватель. 2023. № 3 (398). С. 71-82.
11. Сакулин С.В. Политические технологии убеждающей коммуникации (на примере кино и социальных сетей) // Журнал поли-

тических исследований. 2020. № 2. С. 138-155. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-138-155>.

12. Сакулин С.В. Управление массовым сознанием. Уже на экранах ваших телевизоров // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 72-78.

13. Kemp S. Digital 2024: global overview report // <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 15.07.2024).

SAKULIN Sergei V. – Researcher, Institute of CIS Countries, Russia, Moscow, email: sakulin.18@mail.ru.

Keywords: communication, manipulation, information influence, digital state, relocation.

CHALLENGES AND RISKS OF IMPLEMENTING THE RUSSIAN «SMART POWER» AND TOOLS FOR OVERCOMING THEM

Annotation

Alternative management methods, such as smart power or the potential of digital technologies, are not fully used by the Russian Federation. Many areas of this work, such as, for example, interaction with compatriots living abroad, remain uncovered. The purpose of the study is to analyze the current state of the state's work with Russian compatriots living abroad through the prism of smart power. Based on the results of the analysis, weak positions in the work of Russian government bodies with compatriots living abroad were identified, and ways to solve the problem using existing digital capabilities were proposed.

References

1. Xintian Y. Ruanshili jianshe yu duiwai zhanlue // Guoji wenti yanjiu [Soft power construction and external strategy of China. International Studies]. 2008. №2.
2. Xintian Y. The Role of Soft Power in China's Foreign Strategy Guoji Wenti Yanjiu, March 13, 2008.
3. Sakulin S.V. Content analysis of information resources of the Russian diaspora // Observer. 2018. No. 8. Pp.84-98.
4. Lukyanov G. Turkey's policy in Central Asia: are ambitions justified? // Russian Council on International Affairs / G. Lukyanov, N. Kulieva, A. Mironov // Russian Council on International Affairs // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/>

politika-turtsii- v-tsa-obosnovany-li-ambitsii/ (accessed: 15.07.2024).

5. Ikromov Sh. «Mosque diplomacy» in Central Asia: geopolitics starting with the mihrab // CAAN // <https://www.caa-network.org/archives/21135> (accessed: 15.07.2024).

6. World Migration Report 2024. International Organization for Migration (IOM) // <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024> (accessed: 15.07.2024).

7. The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (accessed: 15.07.2024).

8. Legal status of compatriots living in the countries of the post-Soviet space: comparative analysis / Team of authors; Institute of Diaspora and Integration. M.: Prometheus. 2023.

9. Aleksashina E.S. Professional standards in education taking into account the needs of the digital economy of Russia / E.S. Aleksashina, O.N. Gorbunova // Socio-economic phenomena and processes. 2017. T. 12. No. 5. Pp. 204-209.

10. Sakulin S.V. Adaptation of the metaverse to political processes // Observer. 2023. No. 3 (398). Pp. 71-82.

11. Sakulin S.V. Political technologies of persuasive communication (using the example of cinema and social networks) // Journal of Political Research. 2020. No. 2. Pp. 138-155. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-138-155>.

12. Sakulin S.V. Management of mass consciousness. Already on your TV screens // Russian political science. 2018. No. 4 (9). Pp. 72-78.

13. Kemp S. Digital 2024: global overview report // <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (accessed: 15.07.2024).

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье рассматриваются различия в системах образования Республики Беларусь и Российской Федерации, возникшие за время суверенного развития обоих государств и создающие препятствия при формировании образовательного пространства Союзного государства. Предлагаются пути их преодоления.

Введение

Действующий Договор о создании Союзного государства (как это ни странно) не предусматривает создания общего (не говоря уже о едином) образовательного пространства. В статье 18 упомянутого договора говорится лишь о том, что развитие науки, образования и культуры находится в совместном ведении Союзного государства и государств-участников.

Системы высшего и среднего образования Республики Беларусь и России остаются во многом похожими и взаимосвязанными. В то же время за «суверенный период» в них накопилось немало отличий, которые создают определенные трудности в рамках образовательного пространства Союзного государства.

В наследство от СССР Российской Федерации и Республике Бе-

СЕРГЕЕВ Николай Михайлович – представитель Института стран СНГ в Республике Беларусь, Минск, email: rujansergeev@mail.ru.

Ключевые слова: субъекты Союзного государства, системы образования, ЕГЭ, централизованное тестирование, Белая Русь, Русская цивилизация, патриотическое воспитание.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_83

ларусь досталась общая система образования с едиными стандартами и правилами. Эта советская основа в целом сохраняется до сих пор, делая образовательные системы двух государств достаточно схожими. Тем не менее, за годы раздельного существования системы образования двух стран развивались независимо друг от друга по расходящимся траекториям.

При этом в первые годы суверенности белорусские школьники продолжали учиться по старым советским и новым, но изданным в России, учебникам. Впрочем, это относилось исключительно к естественнонаучным предметам – физике, химии, математике. Что ка-

сается гуманитарных предметов – истории, литературы, географии и других, то здесь положение принципиально иное.

Естественно, что новые учебники пишутся в соответствии с программами, разработанными министерством образования Республики Беларусь. В то же время, учитывая общую советскую основу, принципиальных расхождений между российскими и белорусскими учебниками по естественнонаучным предметам не существует. При этом в Белоруссии российская учебная литература может использоваться в неформальном порядке в качестве дополнительных учебных пособий.

Попытки внедрения Болонской системы в высшем образовании РБ и РФ

За постсоветское время системы образования Республики Беларусь и России претерпели ряд реформ, которые в каждом из субъектов Союзного государства осуществлялись отдельно друг от друга. Причем порой складывалось впечатление, что реформы, по крайней мере, в Республике Беларусь проводились, с одной стороны, без ясно определенного плана, с другой, идеологическая направленность реформ была ориентирована на т.н. «Болонский процесс». Вот что сказано по этому поводу на портале Президента Республики Беларусь: «В 2015 году Рес-

публика Беларусь вошла в Европейское пространство высшего образования (Болонский процесс), что подчеркивает высокий уровень качества образования в стране»¹.

Болонская система предусматривала введение в белорусских вузах двухступенчатого образования – бакалавриата (1-я ступень, 4 года) и магистратуры (2-я ступень, 1-2 года). Однако заимствованная из Европы двухступенчатая конфигурация высшего образования оказалась не только громоздкой и неудобной по сравнению с прежней советской системой, но и привела

¹ Система образования Республики Беларусь // <https://president.gov.by/ru/belarus/social/education> (дата обращения: 11.06.2024).

к заметному снижению уровня подготовки специалистов.

По этому поводу заместитель председателя Совета Республики НС РБ В. И. Бельский заявил: «Беларусь сделала неправильный шаг, когда сократила подготовку в вузах до четырех лет. Что касается двух-

ступенчатого системы, то она у нас не прижилась. Мы ее искусственно внедрили, но это не дало должных результатов. Нужно возвращаться к прежним проверенным формам»².

В июне 2022 года Республика Беларусь и Россия прекратили участие в Болонском процессе.

Особенности системы среднего образования РБ

В начале 1990-х годов белорусские власти озадачились вопросом изменения доставшейся от БССР системы образования, которая на новом историческом этапе «должна соответствовать общественно-политическим реалиям». По сути, речь шла об изменениях в сторону сближения белорусской средней и высшей школы к западной образовательной модели. В 1994 году была опубликована концепция перехода к 12-летнему среднему образованию³, а в 1998 году началось ее внедрение. Тогдашний министр образования РБ В. И. Стражев утверждал, что переход к 12-летнему образованию поддерживало 75% учителей и директоров школ. Помимо того, в учебный процесс были введены 10-балльная система оценки знаний и централизованное тестирование школьников.

Однако реформа не пошла. Поток нареканий был столь велик, что

весной 2008 года этот вопрос рассматривался на уровне президента. Выступая на специальном совещании 17 апреля 2008 года, президент РБ А. Г. Лукашенко отметил следующее: «Надо рассмотреть проблему комплексно и ответить на вопросы: стали ли дети умнее и здоровее от того, что проведут в школе целых 12 лет; какие социальные, моральные и правовые последствия мы получим, задерживая за партией вполне созревших молодых людей?»⁴.

По итогам совещания 17 июля 2008 года был издан декрет президента «Об отдельных вопросах общего среднего образования», который завершил непродолжительную эпоху 12-летнего образования. Одновременно Лукашенко высказывался за возврат к пятибалльной системе оценки знаний учащихся, но проводники «европейской линии» сумели убедить президента

² От Болонской системы нужно отходить // <https://sputnik.by/20230821/ot-bolonskoy-sistemy-nuzhno-otkhodit--belskiy-1078721231.html> (дата обращения: 11.06.2024).

³ Программа реализации реформы общеобразовательной средней школы в Республике Беларусь. Мн.: НИО. 1997. 30 с.

⁴ Был ли ошибкой двенадцатый класс? // <https://www.sb.by/articles/byl-li-oshibkoy-dvenadtsaty-klass.html> (дата обращения: 13.06.2024).

оставить все без изменения. Десятибалльная система оценки знаний действует в Белоруссии до сих пор⁵.

При этом говорить о каких-либо преимуществах десятибалльной

системы не приходится, зато между системами образования Республики Беларусь и Российской Федерации было создано еще одно различие.

Процесс унификации систем тестирования двух стран

В Республике Беларусь и России независимо друг от друга отказались от советской системы вступительных экзаменов в высшие и средние специальные учебные заведения, заменив их тестированием. В Российской Федерации – это единый государственный экзамен (ЕГЭ), в Белоруссии – централизованное тестирование (ЦТ). Долгое время эти системы никак не сосуществовали друг с другом, и только в последние годы началось их сближение. Российский ЕГЭ одновременно выполняет роль выпускных школьных экзаменов и вступительных испытаний в высшие учебные заведения. В Белоруссии долгое время школьные экзамены сдавались отдельно от централизованного тестирования.

С 2023 года в систему выпускных и вступительных испытаний Республики Беларусь был включен централизованный экзамен (ЦЭ), который предполагает сдачу двух учебных предметов – государственного языка (русского либо белорус-

ского) и одной из дисциплин (по выбору учащихся): физика, математика, биология, химия, история, иностранный язык, обществоведение либо география.

Для последующей сдачи ЦТ выпускник/абитуриент вправе выбрать три предмета в соответствии с профилем избранного для поступления учебного заведения. При этом для получения аттестата об общем среднем образовании выпускники 11 класса сдают только централизованный экзамен.

В 2021 году Республика Беларусь и Российская Федерация ввели систему взаимного признания результатов ЕГЭ и ЦТ, что позволило белорусским выпускникам поступать в российские вузы по результатам ЦТ, а россиянам – в вузы Белоруссии, соответственно, по итогам ЕГЭ⁶.

В начале апреля 2024 года вышло Постановление министерства образования Республики Беларусь, в соответствии с которым российские абитуриенты, начиная с теку-

⁵ 12 лет, оценки и экзамены: какие реформы пережила белорусская школа? // <https://sputnik.by/20190923/12-let-otsenki-i-ekzameny-kakie-reformy-perezhila-belorusskaya-shkola-1042801544.html> (дата обращения: 13.06.2024).

⁶ Требуется единый экзамен для поступления в вузы двух стран // <https://rg.ru/2021/07/21/trebuetsia-edinyj-ekzamen-dlia-postupleniia-v-vuzy-dvuh-stran.html> (дата обращения: 13.06.2024).

щего года, смогут поступать в белорусские вузы на бюджетную форму обучения по результатам ЕГЭ. Всего для этих целей определено 125 специальностей в различных вузах республики. По словам министра образования РБ А. И. Иванца, для обучения российских граждан в белорусских высших учебных заведениях на бюджетной основе выделено порядка тысячи мест. Притом бюджетные места для российских граждан не входят в квоту бюджетных мест для белорусских студентов и являются двумя параллельными потоками, которые между собой не связаны.

Следует отметить, что до принятия данного постановления граждане России, сдавшие ЕГЭ, могли поступать в высшие учебные заведения Республики Беларусь только на платную форму. После окончания белорусских вузов российские выпускники могут трудоустроиться по полученной специальности, в том числе на белорусские предприятия⁷.

За последние годы произошел существенный рост квот, выделяемых правительством России на обучение на бюджетной основе студентов из Белоруссии. Так, если в 2018/2019 учебном году бюджет-

ных мест для белорусских студентов в российских вузах было выделено всего только 203, в 2019/2020 году – 241, в 2021/2022 году – 700, то в 2023/2024 учебном году – уже 1300 мест⁸. 1300 мест предоставляется для поступления в российские вузы на бюджет и в текущем году.

Данная квота дает право на бесплатное обучение в российском вузе, стипендию и место в общежитии. Российские вузы пользуются большой популярностью у белорусских абитуриентов. Общее культурно-языковое пространство и традиционно высокое качество образования привлекают белорусскую молодежь. Кроме того, по ряду специальностей (в частности, по ядерной энергетике), востребованных в Белоруссии, образование можно получить только в России. Всего по данным министерства науки и высшего образования РФ, на начало февраля 2024 года в России училось более 12,5 тысяч белорусских граждан на разных уровнях и специальностях. Из них порядка 5 тысяч человек обучается за счет федерального бюджета⁹.

Однако белорусские абитуриенты, желающие поступать в российские вузы, столкнулись с неожиданной проблемой. В мае 2023 года

⁷ Россияне смогут поступать в вузы Беларуси на бюджет по результатам ЕГЭ // <https://sputnik.by/20240406/rossiyane-smogut-postupat-v-vuzy-belarusi-na-byudzh-et-po-rezultatam-ege-1085245127.html> (дата обращения: 13.06.2024).

⁸ Как бесплатно получить образование в России: квоты, экзамены при вузах и ЦТ // <https://sputnik.by/20210422/Kak-besplatno-poluchit-obrazovanie-v-Rossii-kvoty-ekzameny-pri-vuzakh-i-TsT-1047459224.html> (дата обращения: 14.06.2024).

⁹ Как бесплатно получить образование в России: квоты, экзамены при вузах и ЦТ // <https://sputnik.by/20210422/Kak-besplatno-poluchit-obrazovanie-v-Rossii-kvoty-ekzameny-pri-vuzakh-i-TsT-1047459224.html> (дата обращения: 13.06.2024).

вступил в силу закон, предусматривающий отмену отсрочки от призыва на военную службу для студентов, поступающих в зарубежные, включая российские, высшие учебные заведения. Данный закон вполне оправдан относительно тех, кто уехал на Запад, но он затрагивает и тех ребят, которые получают образование в России и после завершения учебы будут трудиться на благо Союзного государства, а значит, и Республики Беларусь.

Еще в период, когда упомянутый закон находился в стадии законопроекта, родители старшеклассников, намеревавшихся продолжить образование в российских вузах, многократно обращались к законодателям и в министерство обороны РБ с просьбой сделать исключение для белорусских студентов российских вузов как для граждан Союзного государства. Однако обращения родительской обще-

ственности действия не возымели. Министерство обороны РБ недвусмысленно заявило: «Принятие изменений в закон о воинской обязанности обусловлено интересами обороны и национальной безопасности Республики Беларусь. Его публичное обсуждение на основании части третьей пункта 2 статьи 7 закона не предусмотрено»¹⁰.

Таким образом, с одной стороны, Россия открывает дополнительные возможности получения белорусской молодежью качественного образования в российских вузах. И одновременно белорусская сторона создает дополнительные трудности на этом пути. Очевидно, что эта ситуация противоречит принципу равных возможностей, которые граждане Российской Федерации и Республики Беларусь должны иметь на всей территории Союзного государства и требует исправления¹¹.

Понятие патриотизм и воспитание молодежи

После событий 2020 года в Республике Беларусь существенно возросло внимание к патриотическому воспитанию детей и молодежи. По мнению Национального института образования, «патриотизм выступает в качестве фактора единения, сплочения различных социальных,

национальных, религиозных и иных групп и формирует убеждение в необходимости всесторонней, в том числе и военной, защиты Отечества»¹².

Только здесь возникает закономерный вопрос: что в данном случае понимается под Отечеством? С

¹⁰ Родители и студенты в тревожном ожидании: что будет в законе об отсрочках? // <https://sputnik.by/20230418/postupit-za-granitsu-nelzya-ostatsya-chto-budet-s-otsrochkami-dlya-studentov-1074496849.html>

¹¹ Там же.

¹² Военно-патриотическое воспитание учащихся в учреждениях общего среднего образования в контексте современных вызовов // <https://adu.by/images/2022/10/4.pdf>

конца 1991 года до президентской кампании 2020 года Отечество однозначно ограничивалось Республикой Беларусь. В декабре 2021 года Александр Лукашенко дал обновленное емкое определение понятию Отечество: «Мы имеем сегодня единое Отечество от Бреста до Владивостока. Это та территория, где живет один народ»¹³. Однако, чтобы это определение Отечества не осталось всего лишь красивым изречением, ему необходимо правовое оформление на уровне Союзного государства.

Стержнем патриотического воспитания детей, молодежи и вообще населения должно быть осознание неразрывного национально-культурного единства белорусов с русским народом, Белой Руси с Великой Россией, их принадлежности к великой цивилизации Русского мира. Только в этом случае созданная в Республике Беларусь система патриотического воспитания взрослых патриотически и созидательно настроенную молодежь.

В настоящее время система патриотического воспитания имеет следующие очертания. С 1 сентября 2021 года в средних учебных заведениях РБ была введена должность руководителя военно-патриотического воспитания (военрука), деятельность которого «направлена на формирование у молодежи вы-

сокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к службе в Вооруженных Силах, выполнению гражданского долга по защите интересов Родины».

По сведениям министерства образования РБ, на 1 января 2024 года в учреждениях общего среднего образования показатель обеспеченности руководителями воспитанию составил 95 процентов. В 220 средних учебных заведениях республики создано 337 профильных классов военно-патриотического направления, в которых обучается более 4 тысяч учащихся¹⁴.

В Республике Беларусь действует девять кадетских училищ. По одному училищу – в Брестской, Гомельской, Гродненской, Могилевской областях и Минске, по два – в Витебской и Минской областях. Всего в них обучаются порядка тысячи восьмисот кадетов. Кроме того, на базе Гомельского, Полоцкого, Гродненского и Могилевского областного кадетских училищ созданы ресурсные центры по военно-патриотическому воспитанию.

Помимо кадетских училищ, действуют Специализированный лицей МВД Республики Беларусь и Лицей при Гомельском инженерном институте МЧС Республики Беларусь (срок обучения – 5

¹³ Лукашенко о Союзном государстве: будет единое Отечество // <https://sputnik.by/20211213/lukashenko-o-soyuznom-gosudarstve-budet-edinoe-otechestvo-1058687162.html> (дата обращения: 14.06.2024).

¹⁴ В Беларуси почти 4 тыс. школьников обучаются в классах военно-патриотической направленности // <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-pochti-4-tys-shkolnikov-obuchajutsja-v-klassah-voenno-patrioticheskoy-napravlenosti-613481-2024/> (дата обращения: 13.06.2024).

лет, 7-11 классы). В обоих лицеях обучаются юноши с последующим поступлением в высшие учебные заведения МВД Республики Беларусь (Академия МВД РБ, Могилевский институт МВД РБ) и МЧС Республики Беларусь (Командно-инженерный институт МЧС РБ, Гомельский инженерный институт МЧС РБ).

Вместе с тем ключевым звеном в системе кадетского образования является Минское суворовское военное училище (МСВУ основано в 1953 г., срок обучения – 5 лет, 7-11 классы).

При этом главной идеей военно-патриотического воспитания суворовцев и кадетов выступает память о подвиге воинов Красной армии и советских партизан в годы Великой Отечественной войны.

Выпускники МВСУ и кадетских училищ в подавляющем большинстве становятся курсантами военных учебных заведений, учебных заведений МВД и МЧС. Так, в 2023 году 74,3 процента выпускников кадетских училищ связали свое будущее со службой в вооруженных силах, правоохранительных органах и МЧС. Что касается выпускников МВСУ, то там подобный показатель более 90 процентов. Подготовку военных кадров в Белоруссии осуществляют Военная академия Республики Беларусь, Институт пограничной службы

Республики Беларусь, а также военные факультеты ряда гражданских высших учебных заведений¹⁵.

Всего в 2024 году в военные учебные заведения и военные факультеты высших учебных заведений Белоруссии, в которых осуществляется подготовка кадров для вооруженных сил, других силовых структур и МЧС, предполагается принять в общей сложности 1 250 курсантов.

Помимо того, в 2024 году министерство обороны РБ планирует направить на обучение в военные учебные заведения министерства обороны России 116 курсантов. В 2023 году на обучение в военные учебные заведения Российской Федерации было направлено 97 белорусских курсантов. Это следует из опубликованных белорусским министерством обороны контрольных цифр приема курсантов на 2024 год¹⁶. После завершения обучения офицеры будут проходить службу в Вооруженных силах РБ, во Внутренних войсках МВД РБ, Государственном пограничном комитете РБ и КГБ РБ.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на малочисленность групп курсантов из РБ, прибывающих на учебу в Россию, и отметить, что обучение российских курсантов в белорусских военно-учебных заведениях не производится.

¹⁵ Военные учебные заведения Республики Беларусь // https://dyatlovo.gov.by/ru/voen_z-ru/ (дата обращения: 13.06.2024).

¹⁶ Военное образование. Контрольные цифры приема в ВУЗы // <https://www.mil.by/ru/education/priem/> (дата обращения: 13.06.2024).

Заключение

В 2024 году исполняется 25 лет Договору о создании Союзного государства, но за этот уже немалый срок так и не определена та идейная основа, на которой можно было бы выстроить прочное здание союзной государственности.

После драматических событий 2020 года в РБ и отказа (вынужденного) официального Минска от едва не погубившей белорусскую государственность политики «многовекторности», в научной среде и в обществе в целом достигнуто согласие в вопросе отрицания коллаборационистской б-ч-б - символики и пронацистской идеологии.

Патриотическое воспитание молодежи строится (с изрядной долей формализма) на памяти о Великой Отечественной войне, которая в то же время основывается в большинстве своем на событиях, происходивших на территории Белоруссии: оборона Брестской крепости и Могилева, операция «Багратион», партизанское движение. При этом практически ничего не говорится о том, что воины Красной армии, советские партизаны и подпольщики сражались за Советскую Родину от Бреста до Владивостока.

Представляется крайне необходимым подготовка и введение уже в ближайшее время единого для Республики Беларусь и России школьного курса по истории Великой Отечественной войны. В Белоруссии уже выросло целое поколе-

ние молодых людей, которые довольно смутно представляют себе ход войны, не имеют представление о роли центральных органов СССР в организации отпора врагу и партизанского движения на оккупированных территориях.

В последнее время в Республике Беларусь на официальном уровне много говорится о братской России, но при этом линия на отдельность Белоруссии от России в идеологической работе неуклонно выдерживается.

17 сентября в Республике Беларусь отмечается государственный праздник – День народного единства, который установлен в 2021 году. 17 сентября 1939 года начался Освободительный поход Красной армии в Западную Белоруссию, находившуюся под властью Польши. Патриотическая общественность более двух десятилетий добивалась установления в этот день памятной или праздничной даты. Однако после установления праздника на официальном уровне практически не упоминается о Державе, принесшей освобождение Западной Белоруссии: «Дата выбрана не случайно: этот день стал актом исторической справедливости в отношении белорусского народа, разделенного в 1921 г. по условиям Рижского договора. Восстановленное в 1939 г. единство позволило Беларуси выстоять в годы Великой Отечественной войны, занять почетное место в между-

народном сообществе, стать одним из соучредителей ООН»¹⁷.

Еще более проблематично дела обстоят с историей дореволюционного периода. За годы существования белорусской «суверенной исторической науки» образовался влиятельный слой историков-польщизников, проводящих давнишнюю линию иезуитов «чтобы на Руси не было Руси», вся «научная» деятельность которых сводится к формированию в белорусском обществе отчужденного отношения к России и навязыванию фальшивой концепции отдельности белорусов от русского народа. Исходя из этого, надо понимать, что работа созданной Российско-белорусской комиссии по истории будет непростой, и от историков, стоящих на

позиции общерусского единства, потребуется научная честность, принципиальность и твердость в отстаивании исторической правды.

Наряду с этим для дальнейшего развития Союзного государства необходимо создание правовых скреп белорусско-российского единства. Для чего Федеральным собранием России и Национальным собранием Республики Беларусь необходимо согласованно принять законы «О едином Отечестве (от Бреста до Владивостока)» и «О гражданстве Союзного государства», благодаря которым белорусские и российские граждане перестанут, наконец, быть друг для друга иностранцами, и это будет решительный шаг на пути воссоединения триединого русского народа.

Список литературы

1. Лёвкин Г. А., Петровский Н. А. Создание и перспективы развития Союзного государства России и Беларуси // Огарёв-Online. 2024. № 3. С. 1-6.
2. Шведков И. А. Интеграционные процессы между Российской Федерацией и Республикой Беларусь // Вестник науки. 2024. № 5 (74). С. 387-393.
3. Багдасарян С. Д., Гришина Т. М. Стратегия национальной безопасности РФ в условиях евразийской интеграции и кризиса международных отношений // Власть. 2024. № 3. С. 40-46.
4. Храмцова Ф. И., Надольская В. И. Методология совершенствования государственной идеологической политики в Республике Беларусь // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. Vol. 3-4 (90). С. 62-68.

¹⁷ 17 сентября – День народного единства // <https://gosstandart.gov.by/17-sentyabrya-%E2%80%93-den-narodnogo-yedinstva> (дата обращения: 13.06.2024).

SERGEEV Nikolay M. – representative of the Institute of CIS Countries in Belarus, Minsk, email: rujansergeev@mail.ru.

Keywords: subjects of the Union State, education systems, Unified State Exam, centralized testing, Belaya Rus, Russian civilization, patriotic education.

ISSUES OF FORMATION OF A UNIFIED EDUCATIONAL SPACE OF THE UNION STATE

Annotation

The article examines the differences in the education systems of the Republic of Belarus and the Russian Federation that arose during the sovereign development of both states and create obstacles in the formation of the educational space of the Union State. Ways to overcome them are suggested.

References

1. Levkin G. A., Petrovsky N. A. The creation and prospects of the development of the Union State of Russia and Belarus // Ogarev-Online. 2024. No. 3. pp. 1-6.
2. Shvedkov I. A. Integration processes between the Russian Federation and the Republic of Belarus // Bulletin of Science. 2024. No. 5 (74). pp. 387-393.
3. Baghdasaryan S. D., Grishina T. M. The strategy of national security of the Russian Federation in the context of Eurasian integration and the crisis of international relations // Power. 2024. No. 3. pp. 40-46.
4. Khramtsova F. I., Nadolskaya V. I. Methodology of improving state ideological policy in the Republic of Belarus // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. Vol. 3-4 (90). pp. 62-68.

МЕСТО И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ И ПРОДВИЖЕНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ИМИДЖА СТРАНЫ

Аннотация

Статья исследует роль государства в формировании и продвижении положительного инвестиционного имиджа страны с акцентом на опыт России. Она подчеркивает важность государственного участия в создании благоприятной среды для инвестиций и активном продвижении инвестиционных возможностей страны.

Введение

В условиях глобализации XXI века страны конкурируют не только в сфере торговли и политики, но и в привлечении финансов. Инвестиции имеют решающее значение для экономического роста и развития страны. Они обеспечивают приток капитала, создают рабочие места, способствуют инновациям и могут привести к улучшению

инфраструктуры и услуг. Однако привлечение инвестиций – это не пассивный процесс. Он требует активного подхода, стратегического планирования и благоприятной деловой среды. Именно здесь роль государства приобретает первостепенное значение.

Государство, обладая регулятивными полномочиями и возможно-

БАСМАНОВ Евгений Викторович – аспирант кафедры политологии и политического анализа Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: basmanoff@yandex.ru.

Ключевые слова: инвестиционный имидж, имидж государства, прямые иностранные инвестиции, привлечение инвестиций, экономическая политика.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_94

стями разработки политики, оказывает существенное влияние на формирование инвестиционного климата в стране. Именно государство несет ответственность за создание стабильной, прозрачной и предсказуемой среды, благоприятной для ведения бизнеса и привлекательной для инвесторов. Это включает в себя широкий спектр действий – от создания надежной правовой базы, обеспечения политической стабильности, развития инфраструктуры, и проведения политики, благоприятной для инвесторов.

Наряду с этим государство выполняет ведущую роль в активном продвижении своей страны как привлекательного места для инвестиций. Это может включать в себя различные виды деятельности, такие как организация мероприятий по продвижению инвестиций, содействие проведению деловых встреч, предоставление необходимой информации и поддержки потенциальным инвесторам, включая различные налоговые льготы и послабления, поддержку в ведении бизнеса и др.

Государство и инвестиционный имидж

Для начала необходимо определить, что представляет собой инвестиционный имидж. Инвестиционный имидж – это коллективное восприятие, впечатление и мнение потенциальных инвесторов о бизнес-среде, экономической политике, нормативно-правовой базе, правоприменительной практике и общем инвестиционном климате страны. Он включает в себя как материальные факторы, такие как правовая база и инфраструктура, так и нематериальные элементы, такие как политическая стабильность и доверие к правительству [1].

Государство, представленное институтами власти и политиками, имеет огромное значение для формирования и влияния на инвестиционный имидж страны. С помощью ряда политических мер, дипломатических усилий, нормативно-правовой базы, развития инфраструк-

туры и стратегических коммуникационных стратегий государство стремится создать благоприятную для инвестиций среду, способствующую позитивному восприятию как отечественными, так и иностранными инвесторами [3].

Инвестиционный имидж страны значительно влияет на траекторию ее экономического развития. Положительный инвестиционный имидж привлекает прямые иностранные инвестиции (ПИИ), стимулирует внутренние инвестиции, способствует созданию рабочих мест, стимулирует инновации и вносит вклад в общий экономический рост. И наоборот, негативный или неблагоприятный инвестиционный имидж отпугивает потенциальных инвесторов, тормозит экономический прогресс и препятствует достижению целей развития [1].

Инвестиционный имидж зависит от множества факторов. Одним из них является нормативно-правовая база, созданная государством. В нее входят законы, касающиеся прав собственности, исполнения контрактов, разрешения споров и защиты интеллектуальной собственности. Как отмечает Х. Херманн, «эти законы обеспечивают необходимую правовую защиту предприятий и инвесторов, гарантируя защиту их прав и наличие средств правовой защиты в случае возникновения споров. Эффективная нормативно-правовая база обеспечивает баланс между необходимостью защиты инвесторов и гибкостью бизнеса». Тем самым она должна предоставлять достаточную защиту инвесторов и в то же время позволять бизнесу гибко внедрять инновации и стимулировать рост [2].

Следующим фактором, влияющим на инвестиционный имидж, является экономическая политика государства. В нее входит спектр областей, включая фискальную политику, денежно-кредитную политику и торговую политику. Фискальная политика, которая включает в себя решения правительства о налогообложении и расходах, может влиять на инвестиционные решения, воздействуя на общую экономическую среду. Например, налоговые льготы могут использоваться для привлечения инвестиций в определенные отрасли или регионы. Государственные расходы, особенно на инфраструктуру и общественные услуги, также могут сделать страну более привлекательной для инвесторов [2].

Денежно-кредитная политика, которой, как правило, управляет центральный банк страны, влияет на инвестиционные решения посредством воздействия на процентные ставки и общую стабильность финансовой системы. Стабильная и предсказуемая денежно-кредитная политика может дать инвесторам уверенность в долгосрочных перспективах экономики.

Торговая политика, включая тарифы, квоты и торговые соглашения, может воздействовать на инвестиционные решения, влияя на затраты и выгоды от инвестиций в ту или иную страну. Открытая и прозрачная торговая политика может сделать страну более привлекательной для иностранных инвесторов.

Третий компонент, формирующий инвестиционный имидж страны, представляет собой инфраструктуру. Она представлена как физическими сооружениями, например, дорогами, мостами, портами, электростанциями, так и цифровыми объектами, например, широкополосными сетями, центрами обработки данных [1].

Качественные дороги, порты, аэропорты и энергоснабжение необходимы для бесперебойной работы предприятий. Государство через свои ведомства и учреждения, отвечающие за организацию общественных работ, осуществляет строительство и обслуживание этой инфраструктуры. Эффективность и результативность работы этих организаций может существенно повлиять на восприятие инвесторов.

В современной экономике цифровая инфраструктура стала столь же необходима, как и физическая. Высокоскоростные сети, информационные центры, платформы облачных вычислений и цифровые платежные системы имеют решающее значение для бизнеса, особенно для тех, кто работает в сфере технологий и услуг. Согласно Х. Муну, государство играет важную роль в обеспечении доступности и надежности этой инфраструктуры. Это может быть достигнуто путем прямого предоставления услуг государственными предприятиями или путем регулирования и надзора за деятельностью частных подрядчиков [1].

Следовательно, состояние инфраструктуры страны может существенно сказаться на ее инвестиционном имидже. Инвесторов, как правило, привлекают страны с развитой инфраструктурой, поскольку она снижает затраты на ведение бизнеса и повышает эффективность. С другой стороны, плохая инфраструктура может отпугнуть инвесторов. Поэтому роль государства в развитии инфраструктуры имеет непосредственное отношение к формированию и продвижению положительно-го инвестиционного имиджа.

Дипломатия также оказывает свое влияние на положительное формирование инвестиционного имиджа. Дипломатические усилия занимают важное место в формировании инвестиционного имиджа страны. Как представители своих государств, дипломаты работают над реализацией и продвижением национальных экономических ин-

тересов. Х. Мун подчеркивает, что «они излагают мнения, подчеркивая сильные стороны и приоритеты своей экономики, и их работа часто связана с использованием внешних сил для формирования внутренних экономических реалий» [1].

Одной из ключевых ролей дипломата в этом контексте является коммерческая дипломатия, которая предполагает использование дипломатических методов и приемов для поддержки международной деловой активности компаний. Это включает в себя такие виды деятельности, как содействие торговым переговорам, продвижение инвестиционных возможностей, разрешение споров между странами и даже осуществление совместных инвестиций с иностранными партнерами.

В последние годы растет признание потенциала коммерческой дипломатии для продвижения инвестиций. Например, Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) совместно со Всемирной ассоциацией агентств по продвижению инвестиций (WAIPA) работает над расширением функций посольств и их технического персонала в области коммерческой дипломатии. Их цель – предоставить техническому персоналу посольств знания и инструменты для полного использования потенциала дипломатии в содействии устойчивым инвестициям и экономическому росту [2].

Кроме того, дипломаты все чаще рассматриваются как важные участ-

ники процесса продвижения инвестиций, связанных с Целями устойчивого развития (ЦУР). Будучи представителями стран, с которыми могут встретиться потенциальные инвесторы, дипломаты могут значительно повысить отдачу от усилий агентств по продвижению инвестиций в привлечении и содействии ПИИ [1; 2].

Таким образом, инвестиционный имидж страны – это многогранное понятие, которое включает в себя спектр составляющих, от нормативно-правовой базы и экономической политики до инфраструктуры и дипломатии. Государство играет ключевую роль в формировании этого имиджа через свои различные функции и обязанности.

Зарубежный опыт в области формирования и продвижения позитивного инвестиционного имиджа

Место и роль государства в формировании и продвижении положительного инвестиционного имиджа ярко продемонстрирована на примере следующих шести стран с разным экономическим развитием: Сингапур, Ирландия, Объединенные Арабские Эмираты, Иордания, Эфиопия и Китай.

Сингапур добился значительных успехов в привлечении как внутренних, так и иностранных инвестиций, во многом благодаря надежной нормативно-правовой базе, эффективной бюрократии и благоприятной деловой среде. Правительство проводит политику, поощряющую предпринимательство, инновации и иностранные инвестиции. Например, Совет по экономическому развитию Сингапура активно продвигает страну в качестве глобального делового центра, предлагая различные стимулы и помощь бизнесу [3].

Одной из основных стратегий Сингапура является использование

налоговых льгот в качестве политического инструмента для привлечения и закрепления ПИИ. Около 20 из 100 крупнейших технологических компаний мира и многие из ведущих мировых компаний, производящих товары народного потребления, называют Сингапур своим домом, что свидетельствует об успехе страны в привлечении крупнейших транснациональных корпораций во всем мире [3].

Ирландия весьма успешно привлекает значительные ПИИ, особенно в технологический и фармацевтический сектора. Этот успех можно объяснить сочетанием ряда факторов, главным из которых является привлекательная фискальная политика, в частности благоприятные ставки корпоративного налога, а также наличие квалифицированной рабочей силы, прочные связи с Европейским союзом и активную роль государства в продвижении Ирландии как объекта инвестиций [2].

Ирландское правительство через такие агентства, как IDA Ireland, активно продвигает страну в качестве инвестиционного направления. IDA Ireland, агентство ирландского правительства по продвижению и развитию инвестиций, сообщило о рекордных показателях занятости в 2022 г.: уровень ПИИ значительно вырос по сравнению с 2021 г., а также зафиксирован значительный рост как валовой, так и чистой занятости. Общая занятость в компаниях-клиентах IDA в Ирландии в настоящее время составляет более 275 тыс. человек [2].

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) стали одним из крупнейших инвестиционных центров на Ближнем Востоке благодаря своему стратегическому расположению, политической стабильности и активной роли государства в продвижении страны как привлекательного инвестиционного направления.

Правительство ОАЭ проводит политику, благоприятную для инвесторов, развивает современную инфраструктуру и создает свободные зоны, предоставляя налоговые и таможенные льготы. Благодаря этим усилиям ОАЭ заняли первое место в арабском мире и 19-е место в мире по привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ), согласно докладу World Investment Report 2022, опубликованному Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) [4].

Наряду с этим ОАЭ добились успеха в привлечении венчурных инвестиций в стартапы на Ближ-

нем Востоке, в Африке, Турции и Пакистане в 2021 г., зарегистрировав рост на 93 %. Этот показатель следует объяснять постоянными усилиями правительства по развитию и поддержке предпринимательства и инноваций, а также благоприятными условиями ведения бизнеса в стране [4].

Иордания успешно привлекает инвестиции за счет своего выгодного географического положения, значительного объема рынка и молодой и относительно дешевой рабочей силы. В последнее десятилетие правительство ускорило реформы, чтобы улучшить деловой климат и отреагировать на усиление конкуренции за инвестиции среди стран с формирующейся и развивающейся экономикой. Некоторые реформы повысили роль агентств по продвижению инвестиций в повышении осведомленности о существующих инвестиционных возможностях, привлечении инвесторов и содействии созданию и расширению бизнеса [5].

В 2023 г. правительство Иордании представило Стратегию поощрения инвестиций (СПИ) на 2023-2026 гг. Согласно этой стратегии, Министерство инвестиций Иордании (MOIN) передаст все функции по внешнему продвижению маркетинговым агентствам, специализирующимся в этой области, которые будут отвечать за выявление потенциальных инвесторов и проведение специализированных рекламных кампаний в целевых странах. Помимо этого, Министер-

ство запустит электронную платформу «Инвестируй в Иорданию» (Invest Jo), которая будет включать интерактивную инвестиционную карту, инвестиционные возможности и проекты партнерства между государственным и частным секторами, а также освещать инвестиционные преимущества и стимулы, предоставляемые инвесторам [5].

Эфиопия сумела привлечь значительные ПИИ, став крупнейшим получателем таких инвестиций в Восточной Африке. Этот успех можно объяснить сочетанием ряда факторов, включая политику открытости, экономический рост и активную роль государства в продвижении Эфиопии как объекта инвестиций.

Правительство Эфиопии ввело ряд мер и стимулов для привлечения иностранных инвестиций. К ним относится программа экономических реформ, которая направлена на устранение макроэкономических дисбалансов и закладывает основу для роста под главенством частного сектора. В последнее время Эфиопия активизировала проведение важных реформ, направленных, в частности, на развитие сектора инвестиций [6].

В рамках усилий по поощрению инвестиций Эфиопская инвестиционная комиссия (ЭИК) организовала флагманское мероприятие под названием «Инвестируй в Эфиопию». Это мероприятие помогло провести многочисленные консультации с различными заинтересо-

ванными сторонами и продемонстрировать различные инвестиционные возможности, доступные в разных частях страны. Подобные проекты служат платформой, на которой успешные инвесторы делятся своими историями успеха в различных секторах экономики [6].

Несмотря на то, что Эфиопия недавно прошла через двухлетнюю войну на севере страны, приток ПИИ в страну остается на траектории роста в течение последних пяти лет. Согласно отчету ЕИС за 2021 г., Эфиопии удалось привлечь ПИИ на сумму 4,9 млрд долл. Поэтому вполне логично, что МВФ прогнозирует двузначный рост в 13%, что делает Эфиопию одной из самых быстрорастущих экономик в Африке [6].

С конца 1970-х годов в Китае проводились масштабные экономические реформы. В результате этих преобразований Китай превратился из страны с централизованной плановой экономикой в страну с рыночной экономикой. Среди реформ – либерализация цен, децентрализация бюджетной системы, увеличение автономии государственных предприятий, создание диверсифицированной банковской системы, развитие фондовых рынков, быстрый рост негосударственного сектора, а также открытие для внешней торговли и инвестиций.

В Китае были созданы специальные экономические зоны (СЭЗ) для привлечения иностранных инвестиций. СЭЗ в материковом Китае имеют более свободную эконо-

мическую политику, ориентированную на рынок, и более гибкие правительственные меры. В ОЭЗ внешняя и внутренняя торговля и инвестиции осуществляются без разрешения центрального правительства Китая в Пекине. Создание специальных экономических зон внесло весомый вклад в экономический рост Китая. На их долю приходится около 22% национального ВВП, 46% прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и 60% экспорта. Кроме того, СЭЗ создали более 30 млн рабочих мест. Успех СЭЗ в таких городах как Шэньчжэнь, свидетельствует об их эффективности в привлечении иностранных инвестиций [7].

Амбициозные инициативы Китая по развитию инфраструктуры, воплощенные в инициативе «Один пояс – один путь», подчеркивают его стремление к расширению коммуникационных возможностей в глобальном масштабе. Инициатива, в частности, служит проявлением китайской «мягкой силы», направленной на развитие экономического сотрудничества и усиление геополитического влияния. Благодаря стратегическим инвестициям в инфраструктуру Китай усиливает свою инвестиционную привлекательность, предлагая потенциальным инвесторам более широкие возможности подключения и логистические преимущества [7].

Отечественный опыт формирования и продвижения позитивного инвестиционного имиджа

Российская Федерация применяет многосторонний подход к формированию благоприятного инвестиционного имиджа, используя сочетание экономических реформ, институциональных механизмов, развития стратегической инфраструктуры и международных связей.

Одним из ключевых аспектов российской стратегии является проведение экономических реформ, направленных на улучшение условий ведения бизнеса и укрепление доверия инвесторов. Эти реформы включают в себя инициативы по оптимизации бюрократических процедур, укреплению правовой базы для защиты интере-

сов инвесторов, либерализации ключевых секторов экономики и созданию благоприятных условий для инвестиций. Согласно индексу легкости ведения бизнеса Всемирного банка, Россия добилась заметных успехов, поднявшись в рейтинге со 120-го места в 2012 г. до 31-го в 2021 г., что свидетельствует о повышении эффективности регулирования и упрощении ведения бизнеса [8].

В дополнение к этим реформам были созданы агентства по привлечению инвестиций, такие как Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и Российский экспортный центр (РЭЦ). Эти

структуры выполняют функции по содействию реализации инвестиционных проектов, поддержке инвесторов и активному продвижению инвестиционного потенциала России как на национальном, так и на международном уровне [9].

Более того, в России созданы особые экономические зоны (ОЭЗ) в различных регионах для стимулирования инвестиций и экономического роста. Эти зоны предоставляют ряд льгот, включая налоговые льготы, упрощенные процедуры регулирования и инфраструктурную поддержку, создавая тем самым благоприятные условия для инвестиций и стимулируя экономическое развитие в целевых секторах. На данный момент в России функционируют 50 ОЭЗ (31 промышленно-производственных, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовые) [8].

Россия активно участвует в международном сотрудничестве и партнерстве для укрепления своего инвестиционного имиджа на мировой арене. Участие в таких извест-

ных международных форумах, как Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ) и Восточный экономический форум (ВЭФ), служит площадкой для демонстрации инвестиционных возможностей, налаживания стратегических партнерских отношений и взаимодействия с потенциальными инвесторами из разных стран. Так, в 2023 г. в ПМЭФ приняли участие более 17 тыс. чел. из 130 стран, что способствовало обсуждению инвестиционных тенденций и развитию международного сотрудничества [8].

Несмотря на достигнутый прогресс в формировании положительного инвестиционного имиджа, сохраняющиеся проблемы, такие как коррупция, бюрократическая неэффективность и геополитические риски, требуют дальнейших усилий по их решению. Сохраняя динамику в проведении реформ, укрепляя институциональную базу и развивая международное сотрудничество, Россия намерена и дальше укреплять свои позиции в качестве привлекательного направления для инвестиций [9].

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что государство оказывает решающее влияние на формирование инвестиционного имиджа страны. Государство способно создавать благоприятные условия для инвестиций и активно продвигать свои инвестиционные возможности. Опыт раз-

ных стран, в том числе и России, подчеркивает важность активной деятельности государства в этом вопросе. По мере развития мировой экономики роль государства в формировании и продвижении положительного инвестиционного имиджа будет оставаться определяющей.

Список литературы

1. Moon H. Foreign Direct Investment: A Global Perspective. Singapore: World Scientific Publishing Company. 2015.
2. Herrmann H. Foreign Direct Investment in the Real and Financial Sector of Industrial Countries. Berlin: Springer. 2012.
3. Ли К.С. Роль государства в развитии экономики Сингапура // Singapore Economic Review. 2017. №1. С. 55-70.
4. Мансури Н.К. Экономическое развитие и роль правительства в ОАЭ // Emirati Journal of Business, Economics and Social Studies. 2018. №3. С. 20-35.
5. Абдулла И.Х. Роль правительства в привлечении иностранных инвестиций в Иорданию // Jordan Journal of Economic Sciences. 2019. №2. С. 88-105.
6. Абеба Г.М. Государственная политика привлечения инвестиций в Эфиопии: вызовы и возможности // Ethiopian Journal of Economics. 2018. №3. С. 30-45.
7. Чжан Л. Государственная политика привлечения инвестиций в Китае: опыт и перспективы // China Economic Review. 2016. №4. С. 75-90.
8. Смирнов А. Государственное регулирование иностранных инвестиций в России: проблемы и перспективы // Российская экономика: прогнозы и тенденции. 2019. №4. С. 112-127.
9. Намятова Л. Е. Инвестиционный климат и инвестиционный имидж России / Л. Е. Намятова // Теория и практика мировой науки. 2017. № 3. С. 5-9.
10. Сухарто А.М. Государственная поддержка инвестиционной активности в Индонезии // Journal of Indonesian Economy and Business. 2017. №1. С. 40-55.

BASMANOV Evgeny V. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Political Analysis of the Russian State Social University, Moscow, Russia, email: basmanoff@yandex.ru.

Keywords: investment image, state image, foreign direct investment, investment attraction, economic policy.

THE PLACE AND ROLE OF THE STATE IN THE FORMATION AND PROMOTION OF A POSITIVE INVESTMENT IMAGE OF THE COUNTRY

Annotation

The article examines the role of the state in forming and promoting a positive investment image of a country, with a focus on the Russian experience. It highlights the importance of state involvement in creating a favourable environment for investment and actively promoting the country's investment opportunities.

References

1. Moon H. Foreign Direct Investment: A Global Perspective. Singapore: World Scientific Publishing Company. 2015.
2. Herrmann H. Foreign Direct Investment in the Real and Financial Sector of Industrial Countries. Berlin: Springer. 2012.
3. Lee K.S. The role of the state in the development of the economy of Singapore // Singapore Economic Review. 2017. №1. С. 55-70.
4. Mansouri N.K. Economic Development and the Role of Government in the UAE // Emirati Journal of Business, Economics and Social Studies. 2018. №3. С. 20-35.
5. Abdullah I.H. The role of the government in attracting foreign investment in Jordan // Jordan Journal of Economic Sciences. 2019. №2. С. 88-105.

6. Abeba G.M. State policy of investment attraction in Ethiopia: challenges and opportunities // Ethiopian Journal of Economics. 2018. №3. С. 30-45.
7. Zhang L. State policy of investment attraction in China: experience and prospects // China Economic Review. 2016. №4. С. 75-90.
8. Smirnov A. State regulation of foreign investment in Russia: problems and prospects // Russian economy: forecasts and trends. 2019. №4. С. 112-127.
9. Namyatova L. E. Investment climate and investment image of Russia / L. E. Namyatova // Theory and Practice of World Science. 2017. № 3. С. 5-9.
10. Suharto A.M. State support of investment activity in Indonesia // Journal of Indonesian Economy and Business. 2017. №1. С. 40-55.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация

В статье рассматривается значимость выработки культурного фона в качестве сопроводительного инструментария при изучении русского языка как иностранного. Сложность в данном ключе может представлять организационная составляющая для решения проблематики в связи с недостаточным уровнем внимания к ней. Статья представляет интерес для лиц, принимающих, как на уровне вузов, так и государственных ведомств решения в отношении организации образовательного процесса, а также обучающимся и специалистам в сфере политологии, международных отношений, педагогических и филологических наук.

На сегодняшний день внешне-политические дипломатические отношения в рамках системы образования Российской Федерации претерпевают не лучшие изменения, однако сотрудники диппредставительств за рубежом всеми силами отстаивают данные позиции в рам-

ках надежного обеспечения студенческой мобильности и программ по языковому обмену.

На фоне явного нежелания сотрудничать со стороны стран Запада и всяческого противодействия намерениям достойнейших специалистов нашей страны трудиться на

ДЕНИСОВ Александр Александрович – преподаватель кафедры иностранных языков и культуры Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: eomer.93@mail.ru, SPIN-код: 9139-9784.

Ключевые слова: культурный фактор, культурная экспансия, компетенция, страноведение, выработка навыков.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_106

благо научного мирового сообщества образуется большой пробел на знаниевом и компетентностном уровнях. В особенности это касается значимости проведения так называемой «минутки ликбеза» в рамках ознакомления с культурами сотрудничающих государств, в частности, между Россией и ее международными партнерами.

Наглядное количество не упоминаемых ввиду политкорректности в данной статье примеров свидетельствует о необходимости принятия ряда решений в отношении проблемы культурологической неподготовленности внушительного числа студентов из-за рубежа, прибывающих в Россию по различным программам обмена и целевой квоте.

Возрастает вероятность усугубления негативного отношения к системе российского высшего образования, а отсюда и к культуре ввиду того, что по мнению ряда ученых, коррупция в системе образования, являющаяся общемировой проблемой, приводит к выпуску крайне низкокачественных специалистов [1]. И это отмечается как в самых различных уровнях системы образования, так и во многих административных подразделениях [2]. Есть предположение, что данный фактор является одним из нескольких, влияющих на подобного рода отношение к системе образования и подрывающих репутацию. Бесмысленно удивляться отношению иностранцев, если российские сту-

денты не скрывают данных вещей, что требует еще большей концентрации внимания в отношении культуроведческого вопроса.

Что крайне важно, так это ФГОС ООО РФ, который требует «приобщиться» к культуре, наследию и «выработать» ценностное отношение к изучаемому языку со стороны граждан Российской Федерации¹. Однако интересно, что отсутствие подобных требований к гражданам иностранных государств, прибывающим в РФ для «изучения» РКИ, что на деле практически никак не коррелирует с реальностью.

С точки зрения морали важным пунктом следует выделить формирование иноязычной коммуникативной компетенции, без которой человек даже не может быть допущен ко взаимодействию с носителями языка, о чем свидетельствуют труды отечественных ученых [3]. Ведь овладение культурными фоновыми знаниями не должно быть ограничено лишь изучением лексических единиц и применением их в дальнейшей коммуникативной составляющей [4].

Задачей в данной ситуации является, скорее, вопрос нравственности, которая не воспитывается искусством. Военнослужащие национал-социалистической рабочей партии Германии тоже были пропитаны искусством. Сделало ли их это нравственными? Иными словами, вопрос заключается не в достижении овладением обучающи-

¹ Аннотация к рабочей программе Иностранный язык (английский) для 5-9 классов // <https://volchansk26.uralschool.ru/file/card?id=583> (дата обращения: 25.05.2024).

мися лингвокультуроведческим фоном, а в выстраивании у них первоначального этического кода, которым они должны пользоваться, приступая к началу обучения в вузе принимающей страны.

То же необходимо отметить и о совести. Исследователями затрагивается вопрос о совести в рамках формирования культурного фона [5], однако выше уже было сказано о «формировании» нравственности методами искусствоведения. Результат примерно тот идентичен натуральному.

Проблема заключается в невозможности охвата преподавателями РКИ зарубежной аудитории, представленной многочисленными прибывающими студентами как в рамках программ по обмену, так и на постоянное обучение по внутренним специальностям, за счет большого количества часов по русской классической литературе, культуре и быту, межличностному и межкультурному взаимодействию, определению и установлению личных границ в общении, основам речевого этикета и др. Причина проста – все часы выделены уже для тех, кто подписал договор об обучении по основной образовательной программе или, как минимум, поступил на курсы РКИ. Но вопрос стоит в процессе окультуривания прибывающих, а не прибывших. Не зря же в старших классах немногих специализированных школ России существуют такие предметы как «стилистика», «межкультурная коммуникация», «основы речи», «риторика» (курс с углублением), но

эти предметы проводятся лишь по программам гимназий или лицеев, что тоже немало удручает нынешнее состояние культуры российской молодежи.

Речь вовсе не идет об углубленных фоновых знаниях по культурологии и пр. Тем более нет речи и об умениях, а навыках – так и подавно. Мы поднимаем вопрос именно о необходимости банальных знаний об этике принимающей стороны (host country), роль которой в данном случае выполняет Россия, потому что подобное отношение к российскому образованию также проявляется и к носителям культуры нашего государства.

Как показывает практика, в реальности преподаватели русского языка как иностранного (РКИ) занимаются «окультуриванием», выполняя официально роль наставника (куратора) в жизни иностранных студентов. Однако эти усилия осуществляются программами немногих вузов, и, более того, данные программы осуществляются уже непосредственно в процессе обучения иностранных студентов на подготовительных курсах РКИ в стране прибытия или дополнительных курсах в ходе основного образовательного процесса по тому или иному направлению высшего образования.

Ряд исследователей уже занимались подобными вопросами. В частности, исследователь из Беларуси А. Г. Бурак трактует определение культурного фона, несущего в себе национальный признак [6]. Однако вся составляющая образовательного процесса в рамках формирования

самого культурного фона выпадает на стадию самого процесса обучения, то есть не предварительных курсов, а именно вышеупомянутого образовательного процесса в стране пребывания. Соответственно, данная модель также не подходит. Равно как и не подходит старинная концепция «культурной грамотности» Хирша, объектом воздействия для которой является собственное население (в основном, американцев) и его «окультуривание», но никак не иностранные граждане [7].

При всем вышесказанном остается не ясно, откуда возникает такой уровень неподготовленности и некомпетентности хотя бы в рамках ежедневного этикета прибывающих граждан в Российскую Федерацию в качестве принимающей стороны. И речь идет вовсе не о гостях из южных республик, а об иностранных студентах, поголовно отказывающихся соблюдать нормы поведения, сбивающихся в общины, и, что самое нездоровое во всем этом, оскорбляющих русскую культуру и язык.

Несомненно, в рамках российских культурных представительств за рубежом имеется ряд проектов, направленных на выполнение культурной экспансии русского языка в отношении других стран и, в частности, союзнических государств.

В качестве одного из вариантов решения подобной проблемы можно было бы взять за пример подготовку сотрудников дипломатических представительств, и необязательно для этого брать целый курс. Достаточно было бы кратко-

го, но максимально детального курса на родном языке. Существуют атташе по вопросам культуры, в рамках работы которых можно было бы подготовить и утвердить ряд образовательных проектов для формирования у кандидатов на отбор для обучения в стране пребывания того самого культурного фона, упоминаемого выше.

Однако в вышеобозначенном условном примере речь не идет о формировании интереса к культуре и языку как в работе Ростомян Л. А. [8]. Объектом исследования, скорее всего, в данном ключе будут являться взрослые абитуриенты, будущие студенты, прибывающие из стран потенциальных партнеров РФ (Ближний и Дальний Восток, частично государств СНГ и Прибалтики, африканские государства). У данных групп, полагаем, непосредственно вызывать интерес потребует в индивидуальном порядке, так как большинство будет прибывать осознанно, а, соответственно, интерес был вызван заранее некими рекрутинговыми организациями, либо же родителями, прошедшими обучение по программам высшего образования в СССР, либо навязан внутриполитическим курсом страны пребывания.

Разумеется, можно попробовать сформировать статистику, метрика которой позволит определить отсев студентов, не освоивших базовые знания по этикету и внутренней культуре государства принимающей страны (в нашем случае РФ), но основная задача никуда не исчезает. Вновь требуются специалисты,

которые могли бы четко и ясно доносить до прибывающих, что без условных «фоновых культуроведческих знаний» нет смысла прибывать в страну для изучения языка и дальнейшей вероятной ассимиляции.

Статистическая сводка *World Values Survey Wave* (табл. 1) позво-

ляет увидеть процентное соотношение среди населения, выразивших мнение относительно значимости притока иммигрантов для собственного государства, где Россия занимает посредственную долю в сравнении с другими некоторыми русскоговорящими странами [9]:

Таблица 1.

Ответы респондентов на вопрос: «Как бы вы оценили влияние людей, прибывших из других стран, на развитие вашей страны?»

Варианты ответов	Кыргызстан Итого %	Казахстан Итого %	Россия Итого %	Таджикистан Итого %
Скорее всего плохо	9,8	3,6	6,5	5,7
Совсем плохо	17,0	10,7	19,0	12,9
Ни хорошо, ни плохо	44,9	55,3	54,4	49,6
Довольно хорошо	13,1	17,7	12,6	21,7
Очень хорошо	10,1	4,9	1,6	10,2
Не знаю	3,9	6,5	5,9	-
Нет ответа	1,2	1,3	0,1	-

На таблице 2 отображена доля населения, мнение которых отражает процентное соотношение по

значимому влиянию притока иммигрантов на сферу труда [9]:

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «С вашей точки зрения, повлияли ли иммигранты на развитие вашей страны, на создание рабочих мест?»

Варианты ответов	Кыргызстан Итого %	Казахстан Итого %	Россия Итого %	Таджикистан Итого %
Не согласен	-	38,2	35,8	22,0
Трудно сказать	53,5	6,6	6,0	20,8
Согласен	42,2	53,7	58,2	57,2
Не знаю	4,4	1,6	-	-

И это позволяет свидетельствовать об углублении и расширении не только программ в рамках международного сотрудничества, но и точечной системы образования,

где задействованы курсы РКИ как в России, так и зарубежом, в рамках которых необходимо пересмотреть зачетно-экзаменационные материалы, по которым выдаются

сертификаты того или иного образца, свидетельствующие об относительно уверенном владении системы российского культурного кода.

Различные контрольно-измерительные сессии подобно вышеуказанным представляли бы собой некую затрудненность на стадии запуска подобных проектов, но лишь в начале. И останется неясным, кому можно поручить организацию некоторой метрической экзаменационной составляющей для въезжающих в РФ, но точно известно, на ком в настоящее время лежит обязанность по взаимодействию в процессе миграции и, в частности, культурному взаимодействию. В эти организации включены ЦМО, Россотрудничество, Министерство образования и науки, определяющее целевую квоту согласно внутреннему политическому курсу, и далее за ними идут рядовые преподаватели РКИ, выполняющие уже роль не только педагога, но наставника жизни и

определяющие доступность применения этих самых фоновых культурологических знаний в быту и непосредственно на занятиях.

Есть и другое решение. К примеру, в исследовании Сысоева П. В. раскрывается значение «поликультурного образования» в средних школах и объясняется ряд преимуществ подобной системы. Также, предлагается внедрение подобной системы в рамках старших классов со всеми элективными курсами [8]. Подобного рода проект мог бы также быть развит в рамках работы культурных атташе в странах-партнерах. Будет ли это вмешательством во внутреннее устройство государства со стороны сотрудников дипломатических ведомств? Данное исследование не ставит задачей раскрытие подобного вопроса и ответа на него, а соответственно, требует более широкого подхода к изучению проблематики внедрения социокультурного фона для иностранных обучающихся.

Заключение

Теперь немного о статистике, заблаговременно отвечая на вопрос: «для чего это необходимо?» Сотрудники Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина провели статистическое исследование, благодаря которо-

му можно проанализировать значимость влияния и функционирования русского языка в современном мире. В таблице 3 русский язык занимает 8 место по распространенности в мировом масштабе²:

² Как изменилось положение русского языка в мире за последние 30 лет // <https://trends.rbc.ru/trends/social/624591cc9a7947d35bf12bfc?from=copy> (дата обращения: 25.05.2024).

Таблица 3

Языки по числу говорящих

Позиция в индексе		Изменение позиции	Язык	Численность, млн человек
2022	2020			
1	1	=	Английский	1348
2	2	=	Китайский	1120
3	3	=	Хинди	600
4	4	=	Испанский	543
5	5	+1	Арабский	274
6	6	+1	Бенгали	268
7	7	-2	Французский	267
8	8	=	Русский	258

В таблице 4 русский язык занимает 9 место по распространности в онлайн среде по всему миру:

Таблица 4

Язык по числу пользователей интернета

Позиция в индексе		Изменение позиции	Язык	Число в Интернете	Доля в Интернете
2022	2020				
1	1	=	Английский	1 186 451 052	25,9%
2	2	=	Китайский	888 453 068	19,4%
3	3	=	Испанский	363 684 593	7,9%
4	4	=	Арабский	237 418 349	5,9%
5	7	+2	Хинди	200 000 000	4,4%
6	6	=	Португальский	171 750 818	3,7%
7	8	+1	Французский	151 733 611	3,3%
8	9	+1	Японский	118 626 672	2,6%
9	10	+1	Русский	116 353 942	2,5%

В таблице 5 русский язык занимает 7 место в качестве языка СМИ на международной арене, уступая лишь английскому, французскому, испанскому, немецкому, португальскому и японскому языкам:

Таблица 5

Язык по количеству СМИ

Позиция в индексе		Изменение позиции	Язык	Количество СМИ
2022	2020			
1	1	=	Английский	735 390
2	2	=	Французский	443 257
3	3	=	Испанский	121 499
4	4	=	Немецкий	104 374
5	5	=	Португальский	53 577
6	8	+2	Японский	33 136
7	7	=	Русский	32 543

В таблице 6 русский язык занимает уверенное 5 место в верхушке пяти лидеров по научным публикациям в международных журналах:

Таблица 6

Языки по числу публикаций в международных научных базах

Позиция в индексе		Изменение позиции	Язык	Количество публикаций
2022	2020			
1	1	=	Английский	6 867 316
2	2	=	Китайский	108 066
3	3	=	Испанский	67 701
4	4	=	Немецкий	51 610
5	5	=	Русский	37 303

Важнейшим показателем метрики функционирования языка на международной арене является его применение в качестве официального и рабочего в международных организациях³. Другим важнейшим показателем является факт признания языка на общенациональном или государственном уровне. За недавнее время увеличилось количество школьных учащихся, получающих образование на русском языке

в странах СНГ, Ближнего Востока, МЕНА и др. Обуславливается это, прежде всего, распространением международного сотрудничества России на Восток, а, следовательно, как уже было отмечено ранее, высокой конкурентоспособностью языка в мировых масштабах.

Сотрудниками Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина было проведено статистическое исследование с параметрами

³ Как изменилось положение русского языка в мире за последние 30 лет // <https://trends.rbc.ru/trends/social/624591cc9a7947d35bf12bfc?from=copy> (дата обращения: 25.05.2024).

конкурентоспособности русского языка в очной среде, употреблении онлайн, в СМИ и международных научных публикациях. В особенности сейчас, когда позиция Российской Федерации на международной арене является как никогда сильной и преобладающей, что позволяет активно продвигать ее культурные и экономические интересы, которые взаимозависимы в отношении выгоды. В XIX веке международным язы-

ком общеизвестно был французский язык, с XX – английский, испанский язык признан в качестве второго международного, в современности вопрос остается лишь за китайским и русским. И здесь важно уделить внимание именно подъему культурной экспансии русского языка, о чем также свидетельствует работа В. Г. Егорова о российской культурной экспансии и ключевой цивилизованной миссии русского языка [10].

Список литературы

1. Юхачёв С. П. Коррупция в системе образования: типология и последствия // Социально-экономические явления и процессы. 2008. № 3 (011). С. 110-113.
2. Дамм И. В. Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т.10. № 4. С. 5-17.
3. Сысоев П. В. Языковое поликультурное образование: что это такое? // Иностранные языки в школе. 2006. №4. С. 1-15.
4. Таюрская Н. П. Иноязычная коммуникативная компетенция: зарубежный и российский опыт // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2015. С. 84-87.
5. Ансимова О. К. Культурный фон слова «совесть» и его освоение иностранцами, изучающими русский язык // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 9-20.
6. Бурак А. Г. К вопросу о типологии культурных фонов в процессе межкультурной коммуникации в условиях белорусской культурной среды (на основе анализа лингвокультурологического комплекса «Беларусь») – Минск: РИВШ. 2010. С. 156-159.
7. Hirsch E.D., Jr. Cultural literacy. What every American needs to know // <http://people.whitman.edu/~frierspr/hirsch%20cultural%20literacy.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).
8. Ростомян Л. А. Современные средства обучения иностранным языкам в вузе // Colloquium journal. 2020. № 33. С. 73-75.
9. Эралиева А. А. Миграция и связанный с ней процесс культурной идентичности // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. С. 410-411.
10. Егоров В. Г. Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве // Вестник РУДН. 2021. № 4. Т. 12. С. 1189-1215.

DENISOV Alexander A. – Teacher of the Department of Foreign Languages and Culture Russian State Social University, Moscow, Russia, email: eomer.93@mail.ru.

Keywords: cultural aspect, cultural expansion, competence, country studies, skills development.

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL COOPERATION

Annotation

The article examines the importance of developing a cultural background as an accompanying tool for learning Russian as a foreign language. The complexity in this regard may be the organizational component for solving the problem due to the insufficient level of attention to it. The article is of interest to those who make decisions on the organization of the educational process, both at the level of universities and government departments, as well as to students and specialists in the field of political science, international relations, pedagogical and philological sciences.

References

1. Yukhachev S. P. Corruption in the education system: typology and consequences // Socio-economic phenomena and processes. 2008. No. 3 (011). pp. 110-113.
2. Damm I. V. Corruption in the field of education: concept, characteristic features, forms and types // Actual problems of economics and law. 2016. Vol.10. No. 4. pp. 5-17.
3. Sysoev P. V. Linguistic multicultural education: what is that? // Foreign languages at school. 2006. No. 4. pp. 1-15.
4. Tayurskaya N. P. Foreign language communicative competence: foreign and Russian experience // Humanitarian vector. Series: Pedagogy, psychology. 2015. pp. 84-87.

5. Ansimova O. K. Cultural background of the word “conscience” and its development by foreigners studying the Russian language // Scientific dialogue. 2016. No. 6 (54). pp. 9-20.
6. Burak A. G. On the question of the typology of cultural backgrounds in the process of intercultural communication in the conditions of the Belarusian cultural environment (based on the analysis of linguistic and cultural complex “Belarus”) – Minsk: Riga. 2010. pp. 156-159.
7. Hirsch E.D., Jr. Cultural literature. What every American needs to know // <http://people.whitman.edu/~frierspr/hirsch%20cultural%20literacy.pdf> (accessed 05/25/2024).
8. Rostomyan L. A. Modern means of teaching foreign languages at a university // Colloquium journal. 2020. No. 33. pp. 73-75.
9. Eralieva A. A. Migration and the associated process of cultural identity // Greater Eurasia: development, security, cooperation. 2021. pp. 410-411.
10. Egorov V. G. Russian language in the global linguistic and cultural space // Bulletin of the RUDN. 2021. No. 4. Vol. 12. pp. 1189-1215.

Владимир ЕГОРОВ,

Андрей ИНШАКОВ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И КООПЕРАЦИЯ: КРАТКАЯ АНТОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Аннотация

В работе авторами рассматривается общественно-политическая мысль, касающаяся вопросов кооперации. Особое внимание уделено концепциям интеллектуалов, представляющих различные мировоззренческие направления. Анализируются труды авторов из различных научных школ, с акцентом на углубленную презентацию кооперации в контексте перспектив общественного развития.

Кооперативная проблематика и особенно кооперативная теория даже с учетом достаточно длительного периода изучения остаются, по словам Дж. Миллера, «поглощающей туманностью» [1, с. 23].

Несмотря на кажущуюся тривиальность объекта исследования научному сообществу пока не удалось значительно продвинуться в освоении темы. Такое положение дел обусловлено: во-первых, неста-

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, Россия, Москва, email: korrka@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2473-8590, SPIN-код: 9130-3997.

ИНШАКОВ Андрей Алексеевич – ассистент кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова, Россия, Москва, email: aero789@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4682-9685, SPIN-код: 6772-9676.

Ключевые слова: кооперация, марксизм, социализм, институционализм, индивидуализм.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01043 «Кооперация в стратегии развития общества», <https://rscf.ru/project/23-28-01043/> / Соглашение № 23-28-01043 от 12. 01. 2023 г.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_117

тичностью рассматриваемой формы социально-экономической организации, развивающейся в общем потоке планетарной трансформации; во-вторых, вследствие места и роли кооперации никогда не являвшейся доминирующим укладом и всегда испытывающей влияние, нередко приводящее к мутациям господствующих социальных отношений; в-третьих, потому, что консолидируя значительные массы сторонников, всегда составляла объект притязаний политических сил для использования в своей борьбе; в-четвертых, ее неиссякаемой актуальностью. Не составляя альтернативу ни одной из существующих форм социально-экономической организации, кооперация тем самым обеспечивает себе особую жизнеспособность. Очевидно, что и сегодня в условиях глобальных цивилизационных трансформаций ее роль не только не убывает, но, напротив, получает новое, качественно более высокое социальное значение.

Заслуга наиболее состоятельного анализа пройденного пути в освоении кооперативной теории принадлежит И. В. Емельянову. Отправной точкой своих изысканий исследователь справедливо определил идеи Р. Оуэна. Общеизвестно, что английский философ, видя тяготы и лишения народных «низов», которые сопровождали восходящий капитализм, предполагал необходимым

заменить господствующие в общественном хозяйстве формы, основанные на индивидуальном интересе и конкуренции ассоциациями трудящихся, действующих в интересах всего общества.

«Этот принцип индивидуальной заинтересованности, противостоящий, как это всегда бывает, общественному благу, рассматривается всеми известнейшими политико-экономами как краеугольный камень всей социальной системы, без которой общество не могло бы существовать. Но когда люди познают самих себя и обнаружат, какие изумительные результаты дает сочетание и объединение частных интересов, они признают, что теперешнее устройство человеческого общежития – антиобщественно, неблагоприятно и нерационально, они поймут, что под воздействием этого устройства все самые лучшие и ценные свойства человеческой природы подавляются с самого детства, и применяются самые противоестественные средства, чтобы возбудить вредные наклонности; коротко говоря, они согласятся, что люди с величайшими усилиями превращают все свои свойства, а способные созидать благополучие и счастье, в нечто нехотное, глупое и гибельное...»¹.

Однако научному взгляду и уж тем более полноценному вкладу в теорию кооперации препятствовало всепоглощающее стремление

¹ Доклад графству Ленарк о плане облегчения общественных бедствий и устранения недовольства путем предоставления постоянных производительных занятий бедным и трудящимся // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. Редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. 1. От зари цивилизации до капитализма / Отв. Ред Г. Г. Фетисов. М.: Мысль. 2001. С. 538-539.

Р. Оуэна найти средства замены капитализма социализмом. Неслучайно, в этой связи, Р. Оуэн не без разочарования оценивал современные ему кооперативные структуры Англии.

Шаг вперед в сравнении с английским мыслителем, хотя и с большими оговорками, но все же сделал Л. Блан. Корень социального зла, по его мнению, заключался в конкуренции, одинаково пагубной и для интересов трудящихся и благосостояния буржуазии.

Новеллу идей Л. Блана составляло положение о возможности замены экономической системы, основанной на конкуренции кооперацией [1, с. 31]. Не трудно понять, в чем заключалась ограниченность такой позиции: кооперация, обладающая особыми природными качествами, не могла предоставить перспективу промышленной революции, массового производства и форсированного экономического роста. Вместе с тем, вклад этого мыслителя в теорию кооперации бесспорный. Именно Л. Блан одним из первых обратил внимание на кооперацию не в качестве средства борьбы за социализм, а как самоценную организацию, представляющую собой сущность, заключающуюся в метафоре «третьего пути».

Идею, связывающую социальный прогресс с кооперацией, продолжил развивать Дж. С. Милль. Его труды принято считать популяризирующими устоявшееся к моменту его творческого расцвета классическое политэкономическое

либерализма. Однако Дж. С. Милль, уже успевший убедиться в правоте либеральных пессимистов (Рикардо Мальтуса и др.), прямо утверждал, что экономическая система, в которой «процветание» практически отождествляется с величиной прибыли, является лишь одним из этапов развития общества.

«Политэкономы, – писал он, – всегда должны были более или менее отчетливо понимать, что увеличение богатства не беспредельно и в конце того процесса, который они называли поступательным развитием, находится состояние застоя, что любое развитие богатства есть лишь отсрочка того момента, когда наступит такое состояние, и каждый шаг в продвижении вверх есть приближение к нему» [2, с. 76].

Экономист не соглашался с теми, кто считал «нормальным состоянием человеческих существ борьбу за преуспевание», сопровождаемую стремлением людей «раздавить, уничтожить, растолкать локтями, обогнать всех остальных», составляющим «основную черту современной общественной жизни» [2, с. 78-79].

Несогласие мыслителя вызывало и то, что современная экономическая организация неизбежно инициировала последствия, связанные с тем, что «земля должна потерять ту огромную часть своего очарования, какую придает ей все то, что неизбежно должно исчезнуть в результате неограниченного роста богатства» [2, с. 82] (гонки за прибылью – авт.).

Вместе с тем, в отличие от социальных реформаторов, Дж. С. Милль не утверждал необходимость замены рыночного хозяйства коммунистическим продуктообменом и ликвидации частной собственности, а лишь настаивал на обязательности труда как источника богатства и доступности его для всех. «Я не признаю справедливым или достаточным похвалы обществу, – писал он, – где существует «класс», не занимающийся трудом» [2, с. 85].

Полагая обязательной трудовую основу собственности, Дж. С. Милль считал, что «если стремиться к формированию общественной морали, благородным чувствам или истинной справедливости и равенству, то именно объединение людей, а не их изоляция представляет собой ту школу, где могут быть воспитаны эти великолепные качества. Цель прогресса должна состоять не в том лишь, чтобы поставить людей в такие условия, при которых они могли бы обходиться друг без друга, а в том, чтобы создать им возможность работать совместно с другими или для других при взаимных отношениях, не заключающих в себе никакого подчинения».

Уже имеющийся опыт функционирования трудовых артелей старателей, моряков, сельхозпроизводителей убеждал Дж. С. Милля в справедливости положения о возможности развития крупного производства «без разделения производителей на две группы», обладающие враждебными интересами и чувствами, где большинство выполняет свою работу в качестве

слуг под руководством того, кто предоставляет средства, и это большинство не имеет никаких других интересов в отношении предприятия, кроме как отработать свою заработную плату с наименьшими затратами труда» [2, с. 99].

Не остались в стороне от проницательного взгляда ученого и институциональные качества формы организации общественного хозяйства, основанной на обобществлении материальных и трудовых ресурсов участников объединений. Для их характеристики теоретик прибегнул к идеям Чарльса Бэббиджа. В качестве важнейшей черты кооперативов Дж. С. Милль упомянул непосредственную заинтересованность всех участников в результатах общей деятельности, «поскольку любой успех или любая неудача немедленно скажется на его собственных еженедельных доходах».

Другой чертой, выделенной Дж. С. Миллем, является стремление кооператоров избегать ошибок в управлении и руководстве предприятием, делающее обязательным их участие в администрировании.

Логика таких рассуждений фактически привела экономиста к осознанию императивного организационного принципа кооперации – прямой демократии и его неизбежного следствия продуцирования высоких нравственных норм участников предприятий. «На предприятиях станут принимать только работников, обладающих высокими личными качествами и трудовыми навыками; поскольку, если возникает по-

требность в дополнительной рабочей силе, все будут заинтересованы в привлечении наиболее достойных и квалифицированных работников и навязать мнение дюжине рабочих будет гораздо труднее, чем одному владельцу фабрики» [2, с. 104].

Справедливости ради следует отметить, что в силу малоизученности кооперативной проблематики Дж. С. Милль допускал инкорпорацию кооперативной формы организации экономики в капиталистическую путем соединения частного бизнеса и предприятий, основанных на обобществлении трудовых и материальных ресурсов. Тем не менее, такой «пассаж» не уменьшал его вклада в теорию вопроса. Помимо указаний на преимущества кооперации и ее способность преодолевать противоречие между трудом и капиталом идеи Дж. С. Милля способствовали коррекции до того времени преобладающей социал-реформистской позиции, продвигающей взгляд на эту форму ориентации как исключительно социалистическую и альтернативную конкуренции и рыночному хозяйству.

Провидческим с точки зрения перспектив развития кооперации, в том числе в эпоху постмодерна, явилось указание интеллектуала на то, что от роста интеллектуализации «народных масс можно с уверенностью ожидать целого ряда последствий. Прежде всего рабочие еще в большей мере, чем сейчас, не согласятся с тем, чтобы только власть и престиж людей, стоящих над ними, определяли направление и способы их действий» [2, с. 92].

Источником фундированности кооперативной теории, как бы парадоксально это ни звучало, стала методология индивидуализма, нашедшая свое воплощение в трудах маржиналистов. Помимо прочего, революционный вклад плеяды экономистов этого направления заключался в смещении описания экономических процессов на уровень индивидуума, в наибольшей степени поддающийся научному анализу. Конечно, взгляды маржиналистов не были примитивной попыткой атомизации мотивов поведения субъектов экономической деятельности, скорее, таковые вводили в экономическую науку логику, отправной точкой которой стала отдельная личность с определенным набором потребностей и интересов. При этом большинство разделявших методологический подход, основанный на индивидуализме, прекрасно понимали наличие императива социальной обусловленности личности и связи ее хозяйственной инициации с общественными интересами и даже зависимости «суммы удовольствий, получаемых от жизни» отдельным индивидом от сопряженности его деятельности с потребностями общества. Одним словом методология индивидуализма не только не разрывала связь «рационального эгоиста» с обществом, но, напротив, полагала таковую обязательной. По этому поводу Г. Г. Госсен писал: «каждый индивидуум ради своего же блага должен – во благо всего общества в целом – использовать свои силы таким образом, как это

представляется наиболее целесообразным для блага всего общества. Так что это и есть та сила, которая сохраняет единство человеческого общества, она является той лентой, которая связывает всех людей и принуждает их путем взаимного обмена увеличивать наряду со своим собственным благосостоянием благосостояние рядом живущих...» [3, с. 121].

Таким образом, смещая исследовательскую оптику на уровень индивида, но не исключая его социальной обусловленности, методологический подход индивидуализма, с точки зрения продвижения теории кооперации способствовал пониманию сущностной природы кооперации, мобильность которой также направлена от интереса и потребности личности. Кооперация начинается не из утопических мечтаний, а совершенной организации общества и зарождается не как альтернатива капитализму, но ее генезис и развитие связаны с индивидуальным интересом, поступаясь частью которого через обобществление материальных трудовых и интеллектуальных ресурсов, личность получает качественно иные большие возможности в удовлетворении потребностей и обретении хозяйственных преимуществ. Одним словом, при наличии издержек, связанных с утратой части «суверенитета» кооператор приобретает индивидуальное преимущество (в виде удешевления товара и услуг или потенциала конкурентоспособности), значительно их превосходящее. «Эта концеп-

ция, – писал Генри Сиджуик, – единственной силы, личного интереса, создающая и сохраняющая в истинном экономическом порядке обширную и сложную ткань общественного производства, является очень привлекательной и не удивительно, что в первом приступе энтузиазма, вызванного ее открытием, она должна была решительно приниматься как представление идеальных условий общественных отношений и конечной цели политического прогресса. И я полагаю, что эта концепция содержит очень большой элемент истины: мотив личного интереса сильно и постоянно действует способом, описанным выше, и трудность обнаружения любой адекватной его замены как импульсивной или как регулирующей силы является почти неустранимым препятствием на пути представления общества на любом отличном от существующего индивидуалистического основания» [3, с. 144].

Именно индивидуальный интерес, акцентированный этой мировоззренческой концепцией, продуцировал институт кооперации. Основанный на «рациональном эгоизме» личности, также как и иные формы концентрации мелкотоварного производства и организации потребителей эпохи модерна кооперация, в силу природного родства и имманентности товарному хозяйству, не составляла альтернативу капитализму.

Таким образом, не останавливаясь на критическом анализе основополагающих черт этого методо-

логического подхода, заметим, что в качестве редуцированного фундамента или его первоосновы выступает индивидуальное поведение, опосредованное индивидуальным потребителем². Таким образом, индивид с присущим ему интересами и потребностями является отправным или центральным субъектом методологии индивидуализма.

Ставшая объектом критики экономистов, не разделяющих основные постулаты индивидуализма редукция, тем не менее служит концентрации когнитивного поиска в направлении индивидуальных интересов, являющихся системообразующими в функционировании кооперации. Редукция мотивов хозяйственной деятельности до индивида корректно отражает сущность групповой формы организации экономики, в которой личность кооператора играет ключевую роль.

В силу агрегирования каждым участником кооперативного предприятия двух статусов собственника и трудящегося даже незначительное нарушение их баланса влечет утрату природного содержания организации в целом. Гармонизация труда и собственности, таким образом, ограничивает возможность внедрения в кооперации машинного производства, заменяющего работника, использование наемной рабочей силы, не ограниченного расширения масштабов производства, сверх предела позволяющего каждому

контролировать и распоряжаться собственностью или представительством прав собственника. Справедливости ради следует заметить, что перечисленные ограничения преодолеваются по мере продвижения к «умной экономике».

Кроме того, именно индивидуальные интересы являются доминирующими в образовании кооперативной организации. Кооператор поступает частью своей самостоятельности ровно на столько, насколько индивидуальная выгода от этого превосходит ущерб (в том числе моральный), наносимый этим актом.

Таким образом, когнитивный потенциал методологии индивидуализма позволяет корректно описать ряд существенных характеристик кооперации, но имеет предел в презентации кооперативной организации как самоценной экономической сущности, т. е. содержания, обусловленного ее энерджентным свойством (системным качеством).

«Своеобразно протекает в кооперации и процесс ценообразования. Формирование цен в коллективных объединениях, – по мнению Самуэльсона, – основывается не на «предельной» полезности произведенного, позволяющей обеспечить доход, а на экономической мобильности и социальной ориентации кооперативных ассоциаций»³.

Кооперация, возникнув на основе интеграции индивидуальных ин-

² Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. в англ. М: Дело. 2003. С. 98.

³ Самуэльсон П.А. Ввод. Курс/Пер. с англ. М: Прогресс. 1964. С. 436.

тересов, порождает самостоятельный эффект организации, не являющийся простой суммой трудовых и материальных ресурсов индивидов. Как например организация, использующая простое разделение труда, превосходит эффективность труда того же количества индивидуальных товаропроизводителей, или оборот капитала, состоящего из суммы паевых взносов, превосходит оборот капитала каждого общественного материального ресурса.

Релевантный метод изучения собственно кооперативной организации может состояться в рамках институциональной методологии⁴. Традиционное содержание институционализма во многом опосредовано научным принципом холлизма, согласно которому «целое представляет собой нечто большее, чем простая сумма своих частей». Взаимодействие частей, входящих в целое, порождает новое качество, определяемое набором новых свойств и характеристик. Принцип холлизма составляет противоположность редукционизму индивидуализма, одновременно составляя с ним диалектическое единство в отношении кооперативной формы организации. Однако любой перекос в этом единстве грозит гносеологической деструкцией. Абсолю-

тизация любой из сторон сущности кооперации; общественной организации или индивидуальных интересов ведет к искажению в оценке ее природы. Так, крен в сторону общественной природы влечет не верное представление аутентичности кооперации и общины, а перекос в сторону индивидуальной природы позволяет некоторым экономистам рассматривать кооперацию в качестве одной из форм «демократизации капитализма».

Так, например, Л. Вальрас (1834-1910) считал кооперацию средством, способным «придать высокие моральные и демократические качества капиталистическим методам деятельности». Как пишет французский экономист Кл. Эберо, Вальрас стремился осуществить «синтез социализма и либерализма», децентрализацию развития экономики с помощью кооперативов как формы самоуправления, «сделать всех капиталистами»⁵.

Некоторые современные обществоведы видят в капитализме причину «размывания независимого статуса кооперативов и образования «качественно иной организации»⁶.

В то же время кооперативное качество не сводится к простому воспроизводству любых других производственных отношений и

⁴ Неоинституциональность, в отличие от своих предшественников, вернулась на методологические основания индивидуализма. См.: Toboso F. On institutional individualism as a middle way mode of explanation for approaching organizational Issues, chapter 10 in Mercuro, N. (Ed.), *Alternative Institutional Structures: Evolution and Imoact*, London: Routledge. 2008.

⁵ Hebert Cl. Leon Walras et les associations populaires cooperatives // *Rev. d'economiepolit.* P. 1988. A. 98. N 2. p. 252, 262.

⁶ Bate P. Garter N. The buture producers cooperatives // *Industry.relations j. L.* 1986. Vol.17. N 1. P. 60.

представляет собой особую форму экономической организации, продуцирующей социально-экономический уклад.

Вместе с тем, природа кооперации имела принципиальные отличия от структур, порождаемых частной предпринимательской инициативой. Во-первых, кооперативный путь обобществления не предполагал экспроприацию мелкой собственности и поэтому развивался эволюционно. Во-вторых, в отличие от мануфактуры и фабрики участниками кооперации являются приблизительно социально и имущественно равные партнеры, не разделенные непреодолимым противоречием труда и капитала.

Интеграция индивидуальных интересов в одном целеполагании, как было сказано, порождает новый институт. В этой связи теорию кооперации не могли обойти сторонней идеи институционализма.

Принципиальным вкладом институционализма в теорию кооперации стало понимание того, что поведение индивида, инкорпорированного в институт, опосредовано его влиянием, и положение о новом качестве организации, не сводимом к простому сложению элементов, входящих в систему. Так, по словам Торстейна Веблена: «Где бы ни обнаружился институт частной собственности, пусть даже в слабо-развитой форме, там процесс экономического развития носил характер борьбы за обладание имуществом» [4, с. 343].

Точное определение экономического института сформулировал

Джон Ричард Коммонс. По его мнению, таковой есть: «коллективное действие по контролю, высвобождению и расширению масштабов индивидуального действия» [4, с. 354]. Влияние коллективного на индивидуальное в концепции классика институционализма определяется поведенческими триггерами по установкам: «может-не может», «взаимопомощи», «позволено-не позволено».

«Не рациональное состояние общества определяет действия людей, – пишет Д. Р. Коммонс, – а участники сделок оказываются перед лицом изумительно иррациональной и сложной конфигурации ожиданий. И положение меняется изо дня в день и из столетия в столетие... Из этих сложностей и неопределенностей постепенно возникают понятия разумных обычаев и разумных стоимостей, под влиянием которых меняются сами институты человеческого общества» [4, с. 357].

Институциональная теория лучше, чем иные, дала возможность понять, почему кооперация, объединяющая разношерстную массу (далеко не всегда объединяющую наиболее культурную часть общества) продуцирует высокие нравственные принципы и обязательность прямой демократии в управлении.

Известный институционалист Дуглас Норт с коллегами в вышедшей в 2009 году монографии «Насилие и социальные порядки» выделяет два типа организации: «партнерские, к которым безуслов-

но можно отнести кооперацию, и «контрактные», использующие для поддержания «третью сторону», к которым, для примера, можно причислить элитные сообщества. Характеризуя партнерские организации, авторы коллективной работы пишут: «...Организации координируют действия своих членов, и потому действия организации являются чем-то большим, чем просто сумма действий индивидов. Поскольку они преследуют общую цель в организации и поскольку организации обычно состоят из индивидов, которые неоднократно имеют дело друг с другом, у членов большинства организаций развиваются общие убеждения о поведении других членов и о нормах или правилах их организации. В результате большинство организаций имеют свою собственную институциональную структуру: правила, нормы и общие убеждения, определяющие способ поведения людей внутри организации» [5, с. 78].

В отличие от «контрактных» организаций основу консолидации в организациях «партнерских» составляет исключительно индивидуальный интерес ее членов, не требующий дополнительного «принуждения» извне.

Важные положения методологии институционализма проясняют связь собственно институтов и организаций, возникающих как результат, и создаваемых институциональных рамок.

Организации, к которым Д. Норт причисляет кооперацию, отличаются от институтов, выступающих

«в качестве агентов институциональных изменений». Институты, определяющие «рамки» и «структуру» экономической организации обуславливают ее возникновение и развитие. «Но в свою очередь и организации оказывают влияние на процесс изменения институциональных рамок» [6, с. 20].

Так институты частной собственности и рынка создали «систему стимулов» генезиса кооперативной формы организации, но в процессе ее развития возникли интерактивные побудители образования на первозданной (индивидуальной) основе кооперативной собственности, представляющей собой диалектическое единство частного и общественного. Другими словами, была продуцирована возможность расширения институциональных рамок частной собственности.

Напротив, рынок, являющийся обязательным условием развития кооперации в индустриальную эпоху, имеет ограничения в создании комплементарных условий функционирования и развития кооперативного уклада. Так неограниченная конкуренция, ведущая к «выбыванию» из числа субъектов хозяйственной деятельности проигравших, в принципе, не приемлема для взаимоотношений кооперативных структур, ориентированных на достижение экономического эффекта не через устранение конкурентов, но партнерские отношения сотрудничества.

Кооперативная практика дает основание утверждать, что разви-

тие предприятий этого сектора тем более успешно, чем больше его экономических связей осуществляется «внутри». В этой связи не случайно национальные объединения кооперации стремятся максимально распределить хозяйственные операции среди структур собственной сети. Например, Союз Еврокооп объединяет в качестве членов 5000 ритэйлеров и производителей с годовым оборотом 79 млрд евро.

Методология институционализма, позволяющая адекватно описать коллективную организационную сторону содержания кооперации, тем не менее имеет ограничения в кооперативной теории. Объясняя поведение индивидов сквозь призму института их объединяющего, методология институционализма как бы преодолевает индивидуальное начало кооперативных объединений. Именно такую метаморфозу имели в виду В. И. Ленин и его последователи, когда определяли кооперацию как «переходную ступень» к полному обобществлению собственности. На основе полного забвения индивидуальных интересов членов кооперации в советской науке и экономической практике родилась другая сентенция о якобы обязательном завершении кооперирования хозяйств мелких товаропроизводителей полным обобществлением всех производственных операций. Начавшись в коллективизации сбыта, снабжения совместной эксплуатации машин кооперация должна была по прогнозам советских экономистов обязательно (и желатель-

но быстрее) преодолеть этот первый, простой этап, вырасти в «полноценное» кооперативное предприятие, объединяющее все стороны хозяйства, включая производство. Практика не подтвердила теоретические предположения сторонников полного обобществления; большинство кооперативов «застряли» на уровне сбытоснабженческих товариществ по совместному использованию техники, а попытка привести ее в соответствие с установками теории, привели к деконструкции самой природы кооперации и созданию «симулякров», только внешне напоминающих о таковой.

Таким образом, кооперативная теория не может быть простым слепком уже устоявшихся методологических подходов, но представляет собой, как и сама кооперация, сложный концепт, генерированный их конструктивным потенциалом.

Внешняя тривиальность ее соподчинения с методологией индивидуализма и институционализма обусловлена тождеством институтов частной собственности и рынка, фундирующих все рыночные организации, в том числе кооперативную.

Преодоление методологической ограниченности индивидуализма и институционализма результативилось в поиск подхода их интеграции, «третьего пути». В этом же направлении консолидировался теоретический анализ кооперации [7].

Значительным шагом на пути объединения «расходящихся» теоретических представлений стало продуцирование «институционального

индивидуализма», о котором заявил в середине прошлого века Йозеф Агасси.⁷ Последовательное отражение «срединного пути» представлено трудами Фернандо Тобозо⁸. Согласно его версии, индивидуальные взаимодействия актуализируются внутри институциональных структур, меняющих свой облик в соответствии с потребностями социальных или экономических практик. В концепции Ф. Тобозо рациональное поведение индивидов дополняется переменной обусловленности их деятельности социальными факторами.

Однако, отказывая институциональным структурам⁹ в субъектности в экономическом процессе и наделяя индивидов способностью их изменения и моделирования, Ф. Тобозо фактически исключает возможность конвергенции классического институционализма Т. Веблена и неoinституционализма Д. Норта, воспроизводящего методологические подходы, характерные индивидуализму. В отличие от неоклассиков Д. Норт отказывает индивидам в рациональности выбора на основании ограниченности информации, которой они владеют, утверждая что «модель рационального поведения людей просто вводит нас

в заблуждение. На самом деле «актерам» часто приходится действовать на основе неполной информации и перерабатывать информацию, которую они все-таки получают, с помощью ментальных конструкций, которые могут приводить «актеров» к выбору устойчиво неэффективных решений» [6, с. 24].

Не придерживается Д. Норт и другого императива индивидуализма, заключающегося в абсолютизации конкуренции, которая в представлении других институционалистов «должна устранить более слабые институты и способствовать выживанию тех институтов, которые лучше решают человеческие проблемы».

Несмотря на значительное отступление от ряда исходных «рубежей» методологии индивидуализма Д. Норт оставляет его системообразующую составляющую – индивида, изменяющего институты для достижения максимальной полезности результата экономической деятельности. «Определение институтов как ограничений, накладываемых на себя людьми, – пишет Д. Норт, – комплементарно по отношению к идеям неоклассической теории выбора. Опираясь на идеи индивидуального выбора, теория

⁷ Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. № 10. 2013. С. 83.

⁸ Toboso F. Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms the Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics // European Journal of Law and Economics. 1995. 2 (1). P. 63-84; Toboso F. Institutional individualism and institutional change: the search for a middle way mode of explanation // Cambridge Journal of Economics. 2001. 25 (6), November. P. 765-783.

⁹ Автор применяет термин институциональные структуры, имея в виду закономерно возникающие организации, для появления которых необходимы объективные институциональные предпосылки.

институтов делает шаг в сторону соединения и примирения экономики и других наук» [6, с. 20] о формирующиеся «силовые» направляющие, иницирующие институциональные структуры (организации), то в последних трудах, аккумулирующих неоинституциональное содержание, он утверждает, что «институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты; поэтому наша теория должна начинаться с индивида» [6, с. 20].

Побудительными мотивами изменения институтов индивидами Д. Норт считает оптимизацию издержек. «Институты, – пишет он, влияют на экономический процесс тем, что оказывают воздействие на издержки обмена и производства. Наряду с применяемой технологией они определяют трансакционные и трансформационные (производственные) издержки, которые в совокупности составляют общие издержки производства» [6, с. 20-21].

Таким образом, интеграция двух методологических направлений в современной экономической науке привела не к актуализации «третьего пути», а к практически полной ассимиляции институционализма индивидуализмом. Субъектами экономической деятельности независимо от структурирования в организациях или институтах является индивид – мотивированный на получение оптимальной выгоды.

Значительно более конструктивную попытку конвергирования методологии индивидуализма и институционализма сделал Мансур Олсон, который предположил, что

«индивид (действуя неорганизованно) может оказаться либо вообще неспособным как-либо продвинуть решение общей проблемы, либо не сможет обеспечить ее адекватное решение». Наличие индивидов с ограниченными возможностями в решении в том числе хозяйственных проблем, иницирует создание организации, назначение которой «связано с существованием общих или групповых интересов» [8, с. 6].

Созданная организация и генерирование общественных интересов не поглощает индивидуальных мотивов экономической деятельности, но способствует их сублимированию на новый уровень, обеспечиваемый обобществлением. По этому поводу М. Олсон пишет: «О тех, кто принадлежит к какой-либо организации или группе, можно сказать, что у них есть как общий интерес, так и различные персональные интересы, отличные от интересов других индивидов, принадлежащих к группе» [8, с. 7]. Наличие в кооперации диалектически единных индивидуальных и общественных интересов порождает ряд фундаментальных противоречий, тем не менее не являющихся непреодолимым препятствием развития кооперации, но составляющих стимул ее совершенствования. Объединение в кооперативных предприятиях индивидуальных товаропроизводителей с различными исходными трудовыми и интеллектуальными способностями и обобществляемыми материальными ресурсами неизбежно иницирует конфликт личных и общественных интересов.

Практика кооперации позволяет полагать, что и это диалектическое противоречие результируется в совершенствование внутренней организации кооперативных предприятий.

Свой вклад в развитие теории кооперации внесли представители немецкой исторической школы политэкономии.

Основной новеллой немецких экономистов, сыгравшей фундаментальную роль в теоретических представлениях о кооперативной форме социально-экономической организации, стало возвращение в научный мейнстрим человека, наделенного индивидуальными характеристиками, обусловленными историко-культурным процессом, включающим духовные, нравственные, религиозные и т.д. паттерны как фактор хозяйственной субъектности. Понятно, что кооперативная организация, строящаяся на прямой демократии, высоких нравственных устоях, интегрирующая не только материальные, но и интеллектуальные ресурсы пайщиков и продуцирующая высокую мотивацию участия, никак не вписывалась в основополагающий императив классической политэкономии о бездуховном «рациональном эгоизме». По словам Луио Брентано «классическая экономия создала человека, свободного от всяких индивидуальных черт, налагаемых занятием, классом, национальностью и культурой» [4, с. 113].

Намеренное редуцирование сущности экономического субъекта от вечало потребностям восходящего

капитализма и становления массового производства, получившего логически завершенный облик в фордистском конвейере практически избавившегося от препятствий, связанных с индивидуальными особенностями рабочего и их унификацией. При этом аппроксимация экономической субъектности до рационального эгоизма была очевидной. По этому поводу Густав фон Шмеллер писал: «С моей точки зрения, и учение об эгоизме или интересе, как постоянном и однообразном психологически исходном пункте всякой экономической деятельности, есть не что иное, как беспочвенная поверхность» [4, с. 113]. При этом интеллектуалы немецкой исторической школы прекрасно осознавали, что «механическая основа всякого экономического порядка жизненных отношений дана естественными факторами и фактами, числом народонаселения (значительность которого делает невозможным учет индивидуальных качеств участников общественного производства – авт.), требованиями техники, разделением труда (предполагающими участие в производстве обезличенного субъекта, выполняющего максимально упрощенную операцию – авт.) и т.д.» [4, с. 114].

Принципиально важно заметить, что и трактовка исторической школой самого понятия «общественное разделение труда» была в значительной мере модифицирована в сравнении с его артикуляцией в классической политэкономии.

Посвящая один из основных разделов своего классического труда «Богатство народов» общественному разделению труда, А. Смит раскрыл этот концепт в контексте проблем рынка и обмена, в то время как немецкие экономисты полагали, что разделение труда в «ассоциациях индивидуальных сил для преследования общих целей» создает новое системное качество, способствующее повышению эффективности экономических организаций, являющемся «могущественнейшим средством для обеспечения счастья каждого человека». «Чем больше число тех, с которыми он находится в сообществе, – писал Фридрих Лист, – тем значительнее и совершеннее результат, заключающийся в интеллектуальном и материальном его благополучии» [4, с. 55]. В этой связи следует заметить, что логика цитируемого интеллектуала результативровалась в утверждении о том, что самой совершенной ассоциацией является нация, объединенная в одном хозяйственном организме и консолидированная вокруг общих целей.

Положением исторической школы, часто подвергавшимся критике, но важным с точки зрения продвижения кооперативной теории, явилось утверждение о закономерности эволюционного развития экономики. Большинство этого научного сообщества не признавало революций в хозяйственных организациях и их развитии (или вернее сказать, не признавало их естественное происхождение). С точки зрения определения сущностных

качеств кооперации, становление, развитие и перспективы которой не предполагали замещение, вытеснение или слом других хозяйственных форм, такой подход немецких политэкономистов являлся единственно релевантным. Эволюционный характер экономических перемен особенно отчетливо проявляется в трудах Карла Бюхера. Относительно теоретического осмысления экономики он писал: «Для теоретиков же самое важное заключается в том, чтобы уловить общий характер эволюции в ее главнейших фазах, оставляя без внимания переходные эпохи, в которые все явления как бы находятся в движении. Только таким путем можно установить общие черты, скажем смело, – законы развития» [4, с. 140].

Отношение к мелкотоварному производству как к трансцендентной социализму реалии определило второстепенную роль кооперации в марксистском наборе средств и форм построения нового общества. Работы К. Маркса и Ф. Энгельса не содержат развернутого взгляда на кооперацию мелких собственников. И это понятно, взгляд основоположников научного социализма был направлен в сторону крупного машинного производства. Исключение составляли пролетарские кооперативы, которые в качестве одной из форм экономической борьбы рабочего класса за свои права подвергались критике за непоследовательность и «мелкобуржуазное лавочничество, ослабление накала политической борьбы».

В инструкции делегатам временного Центрального Совета конгресса I Интернационала, который состоялся в Женеве 3-8 сентября 1866 года, принятой в качестве резолюции, К. Маркс писал: «Однако ограниченная карликовыми формами, которые только и в силах создать своими усилиями отдельные рабы наемного труда, кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, необходимы общие социальные изменения, изменения основ общественного строя, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям»¹⁰.

Рассматривая кооперативное движение лишь как средство защиты от капиталистической эксплуатации, ортодоксальные марксисты считали, что с установлением диктатуры рабочего класса историческая миссия кооперации исчерпывается. «Кооперация возникла при капиталистическом строе и с ростом его она развивалась. Вместе с ним она и погибает, – писал член президиума кооперативной секции Коминтерна Н. Мещеряков, – ...Она

доживает теперь свои последние дни». При этом, оставляя право существования за сельскохозяйственной и промысловой кооперацией, он считал необходимым, чтобы их положение ничем не отличалось от государственных предприятий. Сторонниками этого, достаточно распространенного мнения полагалось, что кооперация должна сойти с исторической сцены»¹¹.

Опыт революции 40-х годов, Парижской коммуны все же заставил К. Маркса и Ф. Энгельса обратить внимание на кооперацию мелких собственников. Надежды на скорейшее вытеснение мелкотоварного уклада крупным капиталистическим производством не оправдались. Индивидуальные хозяйства крестьян, отличающихся определенными качествами социальной психологии, обладали в силу своей специфики особой устойчивостью.

О том, насколько остро в международном социалистическом движении встал вопрос взаимоотношений с мелкой буржуазией, можно судить по фактам исторических событий Германии начала двадцатого столетия. На съезде коммунистов, происходившем 1-5 мая 1920 года, анализируя полуторагодичный опыт революционных неудач, говорилось, что «социализм в Германии не может в более или менее близком будущем рассчитывать на поддержку среднего и мелкого не-

¹⁰ Маркс К. Из «инструкции делегатам временного Центрального Совета по отдельным вопросам» - в кн.: Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О кооперации. М., 1988. С. 31

¹¹ Мещеряков Н.Л. Кооперация и социализм. М. 1920. С. 38, 39, 61; Милютин В.П. Социализм и сельское хозяйство. М. 1919. С. 47, 48.

мецкого крестьянства, что всякая попытка изменения отношений собственности в крестьянском землевладении не может не заканчиваться крахом», «крестьянское землевладение есть неприступная скала в разлагающемся капиталистическом мире».

Последователи К. Маркса вслед за основоположником видели путь в «привлечении крестьянских хозяйств к социализму через сельскохозяйственную кооперацию, вместе с тем, полагая невозможным выжидать, пока сельскохозяйственная кооперация, развиваясь по пути свободного союзного строительства, охватит всю сумму крестьянских хозяйств страны» и считали «вмешательство и воздействие государства в целях побуждения к принудительно-кооперативной организации всех производителей является совершенно необходимым»¹².

Марксисты полагали, что кооперация есть промежуточная форма организации экономики в построении подлинно социалистической, основанной на общенародной собственности, обусловленной наличием в социальной структуре переходных обществ широкого слоя мелкой буржуазии. В письме к Бебелю в 1886 году Ф. Энгельс писал: «А, что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких в широких размерах применять в качестве

промежуточного звена кооперативное производство», - в этом Маркс и я никогда не сомневались. На деле должно быть поставлено так, чтобы общество - следовательно, на первое время государство - сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладавать над интересами общества в целом»¹³.

В отличие от большой плеяды советских ученых, пытавшихся обосновать «полное совпадение кооперации с социализмом» Ф. Энгельс определенно провел грань ее отличия от социалистической формы организации экономики, адекватной рыночному хозяйству. Правда, отдельные последователи марксизма считали, что кроме регенерации капитализма и угрозы социализму кооперация не могла принести ничего положительного¹⁴.

Справедливости ради, следует упомянуть и о революционных проектах использования потребительской кооперации, в качестве средства социалистического переустройства сферы обмена и потребления, исключающего стихийный рынок.

«Еще до победы пролетарской революции в России, программу преобразования общества через потребительские союзы предлагала так называемая Нимская школа ко-

¹² Фишгендлер А. Вопросы социализации и кооперации в Германской революции (1918/19 гг.) Исторический очерк. М., 1922. С. 64, 65.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О кооперации. М.: Политиздат. 1988. С. 70.

¹⁴ Попов Н.И. Теория кооперации. М. 1929. С. 117.

оперативов Франции во главе с Ш. Жидом. Ее сторонники, желая предотвратить стихию рынка, намеревались объединить все общество в ассоциации потребителей, а последним через солидарную политику и создание собственных предприятий диктовать условия и постепенно отвоевывать главенствующее место в производстве. Вот как выглядит третий параграф их «Кооперативной программы», озвученный Ш. Жидом: «Тогда бы производство, работая отныне только по команде и производя только то, что от него требуют, не производило бы ни слишком много, ни слишком мало – разве только за исключением ошибок; свойственных всем человеческим предвидениям и, следовательно, должно было бы предупредить все эти переполнения рынка, перепроизводство, кризисы, безработицу, все эти внезапные перерывы в работе, которые изнуряют рабочие руки, заставляя их по очереди переходить от лихорадочного труда к периоду деморализующей праздности.

Тогда бы впервые было уничтожено все неисчислимо множество посредников, крупных и мелких поставщиков, легион паразитов, механизм производства упростился бы, число шестерен уменьшилось бы до минимума, полезная отдача увеличилась бы до максимума».¹⁵

Вывод, сделанный В. И. Лениным в работе 1923 года «О коопе-

рации» о социализме «как строе цивилизованных кооператоров»¹⁶ вовсе не означает признание социалистической (огосударственной) сущности кооперативной организации.

Такое его суждение, скорее, означает пришедшее понимание невозможности построения экономики модерна (хотя и на основе диктатуры пролетариата) вне рынка товарно-денежных отношений. Самой подходящей в этой связи формой организации, в основном мелкотоварного хозяйства страны, явилась в представлении лидера большевизма – кооперация, способная сыграть двоякую роль: коллективной структуры для налаживания товарообмена с государственными промышленным секторам и средства купирования частнокапиталистической тенденции развития мелкобуржуазного уклада. «При условии максимального кооперирования населения, – писал В. И. Ленин, – само собой достигает цели тот социализм, «который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т.д.»¹⁷.

Ленинская новелла в трактовке кооперации стала поводом дискуссии 1980-х годов (в основном организованной редакцией журнала история КПСС). Суть дискуссии сво-

¹⁵ Жид Ш. О кооперации. М. 1915. С. 67.

¹⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М. 1964. С. 373, 376.

¹⁷ Там же. С. 669.

дилась к решению конкретных вопросов: с какого времени, в результате изменения каких условий советскую кооперацию можно было считать социалистической. Конечно, такое обсуждение, основанное на ложных посылах о социалистическом преобразовании кооперации было изначально контрпродуктивным. Кооперация тогда и в настоящее время представляет собой самостоятельную форму социально-экономической организации, способную в силу природных качеств комплементарно интегрироваться в систему доминирующих хозяйственных отношений¹⁸.

Так часто именуемое ленинское новое видение перспектив развития социализма на основе кооперации, позволявшей избежать капиталистической эксплуатации на самом деле являлось давно устоявшимся во взглядах отечественных социал-реформаторов, начиная с 60-х гг. XIX века. Например, Лавров П. Л., один из основателей «субъективной школы» методологии, близкий к народникам философ, социолог, публицист, писал: «Социалист имеет право считать критически приобретенным результатом свое убеждение в возможности строя, в основание которого ляжет всеобщая кооперация для всеобщего развития, обуславливаемая всеобщим трудом и отсутствием монопольной собственности, как двумя требованиями

ми, устраняющими в главных ее основах эксплуатацию человека человеком и борьбу их экономических интересов»¹⁹.

Исключительно нравственными идеалами свободы и равенства была напитана кооперативная концепция революционных анархистов, что, несомненно, роднило их взгляды со сторонниками субъективного метода в социологии. Несмотря на то, что в литературе кооперативной тематики, в том числе, и в современной, одного из наиболее ярких представителей этого политического течения П. А. Кропоткина именуют отцом русской кооперации, его собственные представления и представления анархистов-революционеров на кооперацию, отставали далеко от общепринятого содержания этого понятия. Полностью отвергая государство и предлагая устройство человеческого общества на основе свободной федерации, свободных ассоциаций трудящихся Бакунин М. А., а вслед за ним и Кропоткин П. А. абсолютно исключали присутствие базисных экономических предпосылок их объединения, порождающих интеграцию интересов личности и коллектива, труда и капитала. Единственный принцип образования ассоциаций, вытекающий из мировоззрения анархистов, являлся принцип свободы индивидуума, поэтому сфера функционирования корпораций не ограничива-

¹⁸ Исключая планово-административную экономику, в которой кооперация полностью ассимилируется и превращается в разновидность централизованного государственного хозяйства.

¹⁹ Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2-х томах. М.: Мысль. 1965. Т. 2. С. 447.

лась экономикой, но распространялась на все стороны человеческого бытия: культуру, религию, политику и т.д. «Ни общество, ни какая-либо часть его: община, провинция или нация, – писал Бакунин М. А. в своем «Революционном катехизисе», – не имеют права мешать свободным лицам свободно образовывать ассоциации для какой-либо цели – религиозной, политической, научной, промышленной, художественной или даже в целях взаимного возвращения и эксплуатации людей, беспечных и глупых, при условии, что последние уже достигли совершеннолетия. Борьба с шарлатанами и губительными ассоциациями есть дело исключительно общественного мнения»²⁰.

Так же как марксисты, анархисты видели главную цель социальной революции в торжестве коммунистической, общенародной собственности. Однако, не являясь последовательными материалистами, они отвергали путь капиталистического обобществления производства и считали необходимым добиться немедленной ликвидации всех форм собственности, кроме общественной, путем стихийного революционного бунта. Взгляды сторонников кооперации, основанной на групповой собственности, считались ограниченными и недостаточно революционными. Коллективная собственность, по мнению анархистов, с неизбежностью должна была вос-

производить те же условия хозяйствования, что и частная собственность, а, следовательно, предполагала скатывание к капитализму. «Коллективисты начинают с признания революционного принципа – уничтожения частной собственности, а затем сейчас же отрицают его, – писал Кропоткин П.А., оставляя без изменения, такой способ организации производства и потребления, который сложился именно, вследствие, существования частной собственности на орудия производства... Нам кажется очевидным, – продолжал он, – что никакое общество не может сложиться на основании двух совершенно противоположных, постоянно противоречащих друг другу начал. Страна или община, которая ввела бы у себя подобную организацию (коллективная собственность на орудия труда и личное вознаграждение каждого, сообразно потраченному им на производство времени – Кропоткин П. А), очень скоро была бы вынуждена или вернуться к частной собственности, или превратиться в общество коммунистическое»²¹.

Казалось бы, абсолютно утопические взгляды анархистов-революционеров уже сегодня становятся реальностью, там, где субъективный фактор, генерированный или общенациональной идеей, религиозными или традиционными ценностями, становится преобладающим и определяет всю систему

²⁰ Бакунин М.А. Анархия и Порядок: Сочинения. М.: Изд-во Эксмо-Пресс. 2000. С. 283.

²¹ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Изд-во «Правда». 1990. С. 175-176.

социальных и этических отношений. Примером, в частности, может служить современный Израиль или мусульманский Восток, с его религиозной ортодоксией.

Подтверждая естественность социальной взаимопомощи наличием коллективистских практик у насекомых, животных, народов, находящихся на низших ступенях цивилизационного развития, и обуславливая ее необходимостью создания условий для выживания, П. А. Кропоткин видел в таковой путь к прогрессу, торжеству всеобщей солидарности и построению на этой основе экономической организации. «Все новые экономические и социальные учреждения, поскольку они являлись созданием народных масс, все новые этические системы и новые религии, – все они происходят из того же самого источника; так что этический прогресс человеческого рода, если рассматривать его с широкой точки зрения, представляется постепенным распространением начал взаимной помощи, от первобытного рода к агломератам людей, все более и более обширным, пока, наконец, эти начала не охватят все человечество, без различия вер, и языков рас»²².

Основоположником материалистического направления народнической мысли, вслед за А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, являлся Н.

Г. Чернышевский. Его «Теория трудящихся», предполагающая учет экономических интересов мелких товаропроизводителей, вела к выводу о наиболее целесообразном и естественном пути развития самостоятельных хозяйств, через объединение в товарищества, что позволило бы им избежать пагубного воздействия капитализма и в то же время перейти на более совершенную ступень экономического роста, доступным и понятным мелким собственникам путем. «Не имея причин зложелательствовать друг против друга, трудящиеся не имеют побуждений держаться каждый особняком, – писал Н. Г. Чернышевский, – напротив они имеют прямую экономическую необходимость искать взаимного союза. Почти каждое производство для своей успешности требует размеров, превышающих рабочие силы одного семейства. Капиталист не нуждается в союзе с другими, потому что располагает силами множества людей. Трудящийся, располагая силами только своей семьи, должен вступать в товарищество с другими трудящимися. Это для него легко, потому что нет ему причины враждовать против них. Таким образом, форма, находимая для производства теорией трудящихся, есть товарищество»²³.

Попытку интегрировать различные точки зрения на социализм и

²² Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. В наше время всеобщей конкуренции полезно напомнить классическое исследование о взаимопомощи на всех стадиях эволюции. Идеи Кропоткина также будут интересны в связи с вновь возникшей дискуссией вокруг теории эволюции. – М.: Самообразование. 2007. С. 174.

²³ Чернышевский Н.Г. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль. 1987. Т. 2. С. 56-57.

видение их материальных предположений, примирить два разнополюсных вектора движения российского общества: искусственно форсированную капиталистическую индустриализацию и традиционные черты, подавляющей части экономического базиса России, предприятия социалисты-революционеры, в своей теории конструктивного социализма. По их мнению, после завоевания политической власти на смену диктату крупного частного капитала, должна была прийти «индустриальная демократия», т. е. равноправное сочетание самостоятельных хозяйственных субъектов, организованных на кооперативной или синдикалистской основе (союзы по профессиональной принадлежности). Государство в такой структуре, должно было уступить часть регулирующих функций, самоуправляющимся предприятиям и занять место равноправного партнера в экономических связях²⁴. В плане теоретическом, это означало, возврат на естественную основу развития, когда организующим элементом кооперационных процессов, являлся не привнесенный извне крупный капитал, а интегрированная мелкая собственность.

Продолжая народническую традицию, социалисты-революционеры не признавали прогрессивной роли капитала в сельском хозяйстве, основывая это убеждение на анализе

особенностей аграрного сектора экономики и его отличия от промышленности. Поступательный ход сельского хозяйства мыслился как естественный процесс генезиса «трудовой кооперации, как самостоятельно зарождающегося и органически развивающегося явления». «Дело идет о том, чтобы раскрыть в реальном кооперативном движении, – писал В. Чернов, – перспективы развития все в высшие и в высшие формы – такого развития, каждый последовательный этап которого, есть подготовка следующего этапа – такого развития, которое идет обычной дорогой всех естественных процессов развития в природе – по линии наименьшего сопротивления, но идет вверх, т. е. ведет к осуществлению линии наивысшего результата»²⁵. Причем замечательно, что социалисты – революционеры, видя специфичность аграрного сектора, отмечали существенные особенности сельскохозяйственной кооперации, о чем позже сказал и Чаянов А. В.

Нить преемственности теоретического и политического наследия социалистов – революционеров, явственно прослеживается во взглядах современных сторонников социализма. Наиболее существенным в этом плане, является опыт шведской социал-демократии, которой как никому, удалось воплотить в жизнь чаяния многих поколений кооператоров.

²⁴ Чернов В.М. Конструктивный социализм. М.: РССПЭН. 1997. С. 30-31; «... именно из естественного, органического развития синдикализма и кооператизма конструктивным социализмом почерпывается конкретное реальное содержание для заполнения им абстрактной формы «социалистического идеала» – (отмечено авт.) – там же. С. 119.

²⁵ Там же. С. 115.

В 1946 году была издана книга теоретика шведского кооперативного движения Эрне А. «Экономическая демократия: мысли об актуальном», в которой он обосновал одноименную концепцию. По мнению Эрне А. все общество должно быть организовано на кооперативной основе. Вновь был реанимирован давно известный термин – «кооператизм»²⁶. Точку зрения Эрне шведский исследователь Делленбрант назвал «рафинированием кооперативных идей»²⁷.

Обществоведы, разделяющие политические убеждения социал-демократов, связывали расширение общественного сектора экономики с социалистической перспективой. Они считали, что «с помощью кооперативов, народных движений, предприятий, находящихся в собственности работников и управляемых ими, ведется строительство собственно социалистического общества. За счет активной поддержки со стороны социал-демократов процесса формирования и расширения общественного сектора, создается альтернативное общество, опирающиеся на социалистическую идею»²⁸.

Воплощение в жизнь кооперативного социализма являлось одной из важнейших сфер программных установок шведских социал-демо-

кратов. «Социал-демократия хочет, чтобы идеал демократии наложил отпечаток на всю организацию общества и условия жизни людей, – записано в их программе, – чтобы в результате каждый получил возможность богатой и полнокровной жизни. Поэтому социал-демократия хочет так преобразовать общество, чтобы право принятия решений находилось в руках всего народа, чтобы граждане были освобождены от какой бы то ни было зависимости, от любых групп власти, выражаемой их контролирующими функциями и, чтобы общество, основанное на классах, уступило место общности людей, действующих по законам свободы и равенства»... «Кооперативы, характерной особенностью которых является экономическая демократия, должны стать *in extensor* (буквально) главной частью социалистических преобразований»²⁹. Сегодняшняя Швеция располагает богатым опытом кооперативного строительства. Однако, как и в любой другой стране, включенной в систему капиталистических хозяйственных связей, шведская кооперация испытывает на себе давление со стороны капитализма. В результате этого обстоятельства, идет неизбежный процесс разорения части коллективных предприятий, другая их часть при-

²⁶ Там же. С. 115.

²⁷ Foreningedemokrati och foreteqedemokrati: Tva vagar till ekonomiak demokrati/En.Studie utford pa uppdrag av kooperationautredningen ev Dellenbrant J.A.; industridepartementet. Stockholm:Liber. 1981. P.13.

²⁸ Socialdemokratins politiska problem/Wellenberg J., Molin L. Y., Kristersson V. et.al. Stockholm:Timbro. 1987. P. 65.

²⁹ Там же. С. 66.

способливается к условиям «свободного рынка», преобразуясь в коллективные капиталистические организации.

Немало шведских ученых, как и других западных исследователей, делают отсюда неверный посыл о рудиментарности, малой эффективности кооперации, что не соответствует действительности. Кооперативная организация общественного производства воплощает в себе принципиально отличное от капитализма направление общественной эволюции.

Теоретическому осмыслению кооперативной формы социально-экономической организации препятствовало ее объективное положение в структуре общества. Ее «промежуточное» место среди доминирующих укладов обуславливало не прекращающиеся попытки придать кооперации характеристики, отвлекающие от понимания ее природной сущности: «предкапитализма», его демократизации «ступени» к социализму или средства избавления от эксплуатации и нищеты. Вместе с тем, не убывающая актуальность и жизнеспособность кооперативной организации поддерживали научный интерес интеллектуалов, стремившихся определить ее социальное значение как самоценного явления.

Одной из форм, хотя конечно далеко не единственной, «третьего пути» вне всякого сомнения, явля-

ется кооперация – живой развивающийся организм с присущими ей особенностями и противоречиями. Современной обществоведческой литературе получила распространение точка зрения характерная, например, книге французской исследовательницы Д. Демустье: «Между эффективностью и демократией: производственные кооперативы», согласно которой кооперация – это «третий путь», в конечном счете демократичный «среднее между джунглями капитализма и бюрократией коллективизма»³⁰. По мнению сотрудника Межминистерского управления социальной экономики Франции М. Фигро кооперация есть носитель иных общественных отношений, где «можно гармонично сочетать социальную справедливость и экономическую эффективность»³¹.

И хотя вряд ли было бы справедливым считать кооперацию единственной абсолютной формой организации общества, концепция кооперативного «третьего пути» заслуживает внимания уже потому, что смещает акцент с научного обоснования исключительности противоположных крайних позиций в сторону промежуточных социальных моделей.

В связи с тем, что в переживаемую планетарной цивилизацией переходную эпоху кооперация помимо адекватности социально-экономической реальности обретает

³⁰ Demoustier D. Entrer l'efficacite et la democratie: Les cooperatives de production. P.:Entente. 1981. P.8.

³¹ Kooperatibismos eta gizarte-ekonomiaa munduzabalean gaian buruzko biltzarra – Congreso sobre et cooperativismo y la economia social en mundo – Vitoria: Gasteiz: Eusko janlarritzaren argitalpen-zerbitzunagusia. 1988. P. 275.

значение формы организации, несущей черты, вписывающиеся в проявляющиеся контуры будущего мироустройства, теоретическое прочтение ее внутреннего качества возрастает.

Посвятивший кооперации свой творческий петъ ученого И. В. Емельянов отмечал, что «во всей литературе о кооперации можно назвать очень немногие исследования, которые можно было бы признать попытками теоретического подхода к кооперативной проблеме... Действительно, остается только поражаться, как в целом исследователи и интерпретаторы кооперации уклонялись от теоретического анализа этой проблемы» [1, с. 39].

Собственно разработка основ теории кооперации началась с конца 19-начала 200 вв. Вместе с тем, следует заметить, что и сегодня отсутствует сколько-нибудь полноценный труд по этой проблеме. И все же отдельные положения, которые составят фундамент его создания, фрагментарно представлены в статьях и книгах мыслителей новейшего периода изучения кооперации.

Важной вехой, с точки зрения преодоления «социально-реформистского»³² направления освоения кооперации и определения ее собственного места и роли в общественном развитии, стала книга

итальянского профессора Дж. Г. Валенти, опубликованная в 1902 году, репринтное издание которой вышло в России в 2012 году³³.

Возражая тем, кто видел в кооперации средство избавления от несовершенств капитализма, итальянский ученый указывал на то, что таковая является «частью» существующей системы менового хозяйства, а не чужеродным социально-экономическим ингредиентом, созданным и предназначенным для замены этой системы» [1, с. 41]. Помимо самостоятельной значимости кооперативной организации Дж. Валенти уловил еще один важный для ее концептуализации аспект, заключающийся в утверждении закономерности, нерукотворности производственной кооперации, являвшейся как и капиталистическая мануфактура, объективно продуцированной формой концентрации мелкотоварного хозяйства, а «Кооперативная ассоциация (потребителей – авт.) – это экономический институт, который в рамках существующей системы свободной конкуренции стремится исправить полностью или частично естественные недостатки распределения богатства. Функционируя как корректирующие факторы несовершенства распределения, кооперативы, – говорит далее Валенти, – организуют «коллективные

³² Термин, применяемый И. В. Емельяновым для характеристики учений, определявших кооперацию как альтернативу капитализму.

³³ L'associazione Cooperativa: Contributo Alla Teoria Economica Della Cooperazione: Con Un Appendice Intorno Alla Legislazione Sulle Società Cooperative // <https://www.amazon.com/L'associazione-Cooperativa-Cooperazione-LEGISLAZIONE-coOPERATIVE/DP/1279728280> (дата обращения: 11.06.2024).

предприятия» как оружие против «обычных предприятий, индивидуальных или коллективных, основанных на спекуляции...» [1, с. 43].

Конечно, один из первых взглядов на кооперацию как самостоятельную форму социально-экономической организации, не мог не иметь определяемых капиталистическим мейнстримом «привычных вывихов». Так Дж. Валенти утверждал, что «в большинстве направлений своей экономической деятельности кооперативные организации фактически не конкурируют с «капиталистическими предприятиями»³⁴.

Сюжетом, требующим теоретического осмысления, логично следующим за определением «самости» кооперации, стал вопрос дифференциации видов и форм кооперативной организации, который, судя по содержанию трудов современных авторов и даже нормам кооперативного законодательства, остается во многом без внятного ответа.

Вслед за своим соотечественником, сделавшим важные теоретические выводы, разработку кооперативной теории в этой части продолжил М. Мариани, работа которого после публикации в 1906 г. была репринтно воспроизведена в России в 2009 году³⁵.

Рассуждая о том, что мотивом кооперативной мобильности участников совместных предприятий

является выгода, превышающая «экономические жертвы», связанные с утратой части самостоятельности, привели автора к выводам: во-первых, о том, что в основе кооперации лежит индивидуальный интерес, и во-вторых, к необходимости особенного его проявления в «производственных» и «распределительных кооперативах». Правильно отметив отличную природу кооперативных форм различных видов, М. Мариани все же предпринял контрпродуктивную, с точки зрения теоретического понимания существа проблемы попытку сформировать универсальное определение кооперации, одинаково корректное для определения всех видов кооперативных объединений. «Кооперативная ассоциация, – писал он, – это добровольное объединение (ассоциация) покупателей или продавцов труда и других товаров в целях улучшения цен для покупателей и продавцов, и для достижения этой цели путем организации собственного предприятия, соответственно, для покупки, или продажи» [1, с. 46].

Нерелевантность такого теоретического обобщения проявляется в оценке производственных кооперативов, объединяющих мелких товаропроизводителей, а не «продавцов труда». Несмотря на несовершенство начала пути теоретического освоения темы все же вклад

³⁴ Там же. С. 44.

³⁵ Mariano Mariani. Il Fatto cooperative nell'evoluzione sociale // https://books.google.ru/books/about/Il_fatto_cooperativo_nell_evolution_soc.html?hl=ru&id=LH1KAAAAAYAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 14.06.2024).

итальянских экономистов в ее становление не подлежит сомнению.

Различия между ассоциациями потребителей и кооперативами отмечали супруги Уэббы³⁶ и отечественный мыслитель М. И. Туган-Барановский в книге «Социальные основы кооперации», вышедшей в свет в 1922 году. В своей книге автор не только обозначил отличия кооперативных объединений разного вида, но и проанализировал характерные черты субъектов кооперативной мобильности: участников рабочих потребительских обществ, трудовых артелей, мелких товаро-производителей города и села.

Сомнительную общественную перспективу, по мнению М. И. Туган-Барановского, имели пролетарские кооперативы (по форме не отличающиеся от трудовых артелей – авт.), обобществлявшие труд рабочих, ориентированные исключительно на создание более эффективного результата деятельности через унификацию индивидуальных способностей участников и разведения труда. Не агрегируя труд и стремление к приращению частной собственности такие предприятия не обладали всеми преимуществами кооперации [9, с. 108-116; 181-184; 220-224].

Потребительская кооперация в представлении М. И. Туган-Барановского есть общественное движение, вырастающее из стремления не только пролетариата, но и

других социальных слоев, избавиться от посредников в организации потребления и создать комфортные условия получения товаров и услуг. «Потребительские общества, – писал он, – являются кооперативом такого рода, в котором с формальной стороны могут участвовать все классы общества, ибо все являются в равной мере потребителями. Поэтому можно было бы думать, что потребительские общества могут создаваться во всякой социальной среде и в конце концов должны охватить все общество» [9, с. 150].

Очевидно, что объектами такой кооперации становятся в обществе, основанном на товарном хозяйстве, прежде всего малосостоятельные граждане.

Не ускользнула от прозорливого взгляда теоретика и черта, прямо вытекающая из сущности потребительской кооперации как организации общественной, а именно, потенциальная возможность ее политизации [9, с. 160-170].

В отличие от потребительской производственная является организацией экономической, закономерно возникающей как и капиталистические формы концентрации производства. При этом М.И. Туган-Барановский, вполне осознавая мелко-товарный характер ее инициаторов, все же отличал «крестьянские» и «ремесленные» товарищества. Первая в его представлении возникала как

³⁶ The consumer's co-operative movement: Webb, Sidney, 1859-1947: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive // <https://archive.org/details/consumerscoopera00webbuoft/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 20.06.2024).

следствие недостатка трудовых семейных ресурсов. Об этом же позднее скажет и Н. Чаянов. А вторая за счет объединения материальных и трудовых ресурсов мелких промышленных производителей способствовала внедрению разделения труда, благодаря которому и достигалась «новая эффективность ручного труда» [9, с. 260-276, 379-402].

Вплотную подошел экономист к пониманию дифференциации простых и сложных форм кооперации [9, с. 263-273].

Конечно, вряд ли справедливо полагать, что М. И. Туган-Барановскому удалось в полной мере восполнить лакуны в кооперативной теории. Очевидно, не доставало в его идеях анализа функциональных границ кооперативной организации, сущностных черт, утрата которых ведет к ее «мутации» и т. д. Не лишены взгляды теоретика и недостатков. Так в его представлении кредитная кооперация (без отличий, кого таковая объединяла: потребителей или производителей) была отнесена к самостоятельному виду кооперативной организации. Несколько преувеличена в представлениях М. И. Туган-Барановского перспектива замены капитализма всеобщей кооперацией и т. д. Об этом он говорил так: «Но что будет, когда капитализм сойдет с исторической арены и коллективизм вытеснит капитализм, – не остановится ли тогда всемирная история? Каков будет следующий исторический день после того светлого «завтра», которое уже бросает свои лучи на сумрак сегодняшнего дня?»

Нет, всемирная история никогда не прекратится. Дальнейшее развитие будет заключаться в постепенном вытеснении с общественным строем более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации.

Общество должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей – стать насквозь свободным кооперативом» [9, с. 449].

Но в известной степени такой оптимизм оценки кооперативного будущего сыграл для формирования авторской концепции положительную роль, заключающуюся в прямом указании на роль кооперации в эпоху перехода к которой отчетливо ощущается сегодня – эпохе постмодерна, открывающей для этой формы социально-экономической организации новые возможности. Так, анализируя особенности фабрики и производственного кооператива, М. И. Туган-Барановский писал: «Маловероятно, чтобы производительные ассоциации могли стать в социалистическом государстве господствующим типом промышленного производства». Скорее это возможно лишь «в немногих отраслях промышленности, где ручной труд всегда останется господствующим и где требуется особая индивидуализация производства». Повсюду же, где существует необходимость в высокой концентрации производства, а «преобладающая роль машины отодвигает на задний план личные свойства рабочего», кооперативная, относительно свободная фор-

ма организации труда не может выявить своих преимуществ, так как «индивидуальность так же затирается толпой» (или машиной), «как и при управлении той же фабрикой сверху»³⁷.

Таким образом, то, что определяло преимущество индустриальных форм массового производства – механизация и полная унификация индивидуальных способностей производителя в «умной» экономике будущего, становится преимуществом кооперации.

Попытка использования кооперации в несвойственной для нее роли, например, в качестве средства для налаживания прямого продуктообмена, социальной адаптации малоимущих слоев населения большевиками в первые годы Советской власти) обусловила противодействие со стороны «старых» кооператоров. В числе таковых были С.Н. Прокопович (1971-1955), бывший министр Временного правительства, а после революции профессор МГУ.

Отвергая социальную направленность кооперативной политики новой власти, активно привлекавшей в ряды кооператоров пролетарские слои населения, С. Н. Прокопович писал: «кооперация доступна только для хозяйственно-крепких элементов. Крестьянам и рабочим, опустившимся ниже известного уровня благосостояния, или не достигшим этого уровня, кооперация помочь не может»³⁸.

Говоря, прежде всего, о производственной кооперации мелких товаропроизводителей, С. Н. Прокопович прекрасно понимал, что мотивом объединения части суверенной собственности в совместном предприятии для мелкого производителя являлось восполнение недостающих ресурсов для повышения эффективности собственного товарного хозяйства (сельского или промышленного). Пролетарий, лишенный такого стимула, как и мотивации на эффективное участие, являвшегося следствием гармонизации труда и собственности, не мог стать социальным субъектом кооперации. Эту же мысль С. Н. Прокопович подтверждал, сравнивая кооперативную и общинную организации.

По этому поводу он писал: «между этими двумя общественными образованиями мы можем наметить, таким образом, следующие различия: 1) община – союз сословный и принудительный, кооперация – несословный и добровольный; членами общины рождаются, кооператорами делаются; 2) членами кооперативных организаций могут быть только хозяйственно-состоятельные элементы; членами общины – и богач, и нищий; 3) доход от общинных предприятий делится по душам, от кооперативных предприятий – соответственно степени участия каждого члена в деле; 4) кооперативные организации построены на принципе самоуправления, – в общине, при современном

³⁷ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. М.: URSS. 2021. С. 89.

³⁸ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М. 1918. С. 11.

режима, велика власть всех начальствующих лиц, начиная от старшины и писаря, и кончая всеми местными властями» [10, с. 94].

Сравнивая две формы социальной организации: общинной и кооперативной, мыслитель неизбежно вышел на еще один основополагающий принцип – прямую демократию. Императив участия пайщиков в управлении и распоряжении собственностью и результатами совместной деятельности. Кооперация не терпит даже незначительной отстраненности членов объединений от этого системного принципа.

Именно поэтому, до недавнего времени одним из противоречий кооперативной формы социально-экономической организации считалось противоречие между масштабами предприятий кооператоров и способностью в полном формате воспроизводить управленческий порядок «прямой демократии». При этом, имея в виду одну рыночную основу капиталистических и кооперативных форм организации, С.Н. Прокопович отмечал невозможность их противопоставления. «Отсюда следует, – писал он, – что кооперация не может служить средством борьбы с надвигающимся капитализмом. Рост того или другого вида кооперации есть следствие развития лежащих в его основании экономических отношений, а не причина этого развития. Как производное явление, кооперация находится в полной зависимости от производящего момента – момента экономических отношений» [10, с. 30].

Признание единой почвы генезиса двух форм организации экономики: капиталистической и кооперативной, С. Н. Прокопович, тем не менее видел их глубокое качественное отличие. В отличие от буржуазных форм в кооперации, по его мнению, «живет совершенно иной, не капиталистический дух, влекущий человечество на новые пути, создающий новые общественные формы, настолько не противоположные формам жизни капиталистического общества, насколько солидарность и взаимопомощь противоположны эксплуатации и насилию» [10, с. 16].

Диалектичность высказанных экономистом идей заключается в утверждении противоречивой сущности кооперации: с одной стороны, кооперативная организация есть «плоть от плоти» рыночной экономики и совершенно комплементарна капиталистическому хозяйству, с другой, отличаясь своими сущностными качествами от структур последнего, является естественным «мостом», открывающим новое направление перспективы общественного развития.

Схожую точку зрения высказывал другой теоретик кооперации, так же как С. Н. Прокопович, оказавшийся после революции в эмиграции – профессор В. Ф. Тотомианц (1875-1964). В вышедшей в Берлине в 1923 г. книге «основы кооперации», он утверждал: «Кооперация не несет с собой никакого изменения системы свободной конкуренции, к законам которой она вполне приспособлена. Естествен-

ный ход обмена остается прежним. Кооперация вносит в него только конкурентов, и поэтому не уничтожает, а оживляет его. Она принуждена даже ради успеха подражать частным предприятиям, так что и ее внешние признаки и приемы нельзя отличить от них»³⁹. При этом, отмечая комплементарность кооперации рыночному хозяйству вообще и капитализму, в частности, В. Ф. Тотомианц не отождествлял эти формы социально-экономической организации и видел в кооперативной потенциал будущего посткапиталистического мироустройства.

Значительно продвинул понимание сущностных отличий производственных кооперативов объединений потребителей и рабочих доктор Ханс Фукс, рассуждения которого привел в своей книге И. В. Емельянов [1, с. 48-52]. «Производственная ассоциация (кооперативов – авт.), – писал он, – это «приобретающее предприятие, принадлежащее любому *ограниченному числу рабочих или ремесленников* (выделено авт.), в котором заняты *все владельцы и только владельцы (партнеры)* (выделено авт.)» [1, с. 42].

В отношении всех кооператоров-производителей рабочих и мелких собственников Х. Фукс отметил непреложный принцип: обязательность только их членства в предприятии (соединяющего труд и собственность) [1, с. 49], исключаящее прямое участие юридических и сторонних лиц, и другой: ограни-

ченность числа пайщиков способностью управления кооперативом на основе прямой демократии. Особый характер кооперативных производственных отношений немецкий экономист считал основанием для их характеристики как «предварение будущего» [1, с. 49].

Важное наблюдение сделано Х. Фуксом относительно потребительских кооперативов, качественно отличающихся от производственных. Во-первых, тем, что таковые являются предприятиями бесприбыльными, «в то время как производственные ассоциации, ... как и другие предприятия, работают на прибыль» [1, с. 50].

В контексте «постиндустриальной революции» в экономике рассматривал кооперацию И. В. Емельянов. Хотя предпринятая интерпретация теории кооперации через призму «процессов экономической интеграции» не позволила выйти за устоявшиеся пределы традиционных подходов политэкономии. Для предвидения кооперативного будущего в постмодернистской реальности, в момент написания его работы, «не пришло время».

Представление о развитии кооперативного сектора экономики описывалось американцем русского происхождения, при которой в терминологии «агрегатов» «экономических единиц, находящихся свое идеальное воплощение в кооперативных ассоциациях членов-активных участников (членов-патронов) в их общей работе»; кооперации са-

³⁹ Тотомианц В.Ф. Основы кооперации. Берлин. 1923. С. 64.

мой кооперации, при которой экономические единицы добровольно координируют свою деятельность или делегируют координирующую функцию специальному органу [1, с. 198]. Поскольку функции «ассоциированных экономических единиц, выполняющих через агрегат (кооператив – авт.) как их коллективное отделение коллективного департамента, *все хозяйственные услуги* (выделено авт.) кооперативных ассоциаций осуществляются по себестоимости (один из основополагающих принципов кооперации)» [1, с. 198].

Таким образом, кооператив в теории И. В. Емельянова не обретает признаки предприятия, тем более формализованного или требующего законодательного оформления, а представляет собой, говоря современным языком маркетплейс или платформу для обмена материальными ценностями и услугами. Если принять такое теоретическое положение, И. В. Емельянов уводит науку о кооперации на много шагов назад. Такая концепция автора лишает кооперацию главного – ее институционального качества. Однако по поводу особой эффективности организации, объединяющей высокомотивированных участников, гармонизирующий труд и собственность говорили и писали многие авторы.

Многие западные исследователи справедливо отмечали, что обще-

ства с развитым кооперативным сектором обладают значительно большей устойчивостью, нежели общества с монокапиталистическим хозяйственным строем⁴⁰.

В 2044 г. появилась книга Дж. Неймана и О. Morgenштерна, посвященная экономическому прочтению теории игр⁴¹. Подход авторов в самом упрощенном варианте состоял в том, что «стремящиеся к максимизации личной выгоды, обычно считают для себя выгодным сотрудничать с другими игроками, если игра носит повторяющийся характер, если индивид располагает информацией о поведении других игроков в прошлом и если число игроков невелико» [6, с. 128].

Таким образом из теории игр прямо вытекали условия возникновения кооперативного поведения: постоянное взаимодействие индивидов, транспарентность из взаимодействия (свободный обмен информацией) и небольшие размеры группы взаимодействия.

Теория игр послужила основой понимания места и роли кооперации в экономических трансформациях переходной к постиндустриальному обществу эпохе.

Находившаяся на периферии экономической науки до конца XX в., кооперация в новых условиях кризиса мировой хозяйственной системы вновь выдвигается в ряд наиболее актуальных проблем современного общественного разви-

⁴⁰ Bradley K., Gelb A. Cooperative labour relations // Brit. J. of industry relatjoos. L. 1987. Vol. 25. № 1. P. 94.

⁴¹ Нейман Дж., Morgenштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М. 1970. 707 с.

тия. Повышенное внимание к кооперативной теории обусловлено очевидно проявившимися трендами мировой экономики.

По этому поводу Г. Гарофоли пишет: «То, что кажется особенно важным в экономической деформации последних двух десятилетий, – это появление новых моделей развития, изменение территориальных траекторий, невозможность интерпретировать изменяющуюся действительность с помощью старых теоретических моделей (главным образом, крах парадигмы «центр-периферия»). В новых моделях развития появляются новые акторы (локальные институты, местные органы власти, коллективные частные субъекты/акторы...), которые в состоянии влиять на процесс экономических и социальных преобразований. Об этих акторах забывали в ранее существовавших теоретических схемах»⁴².

Поиск путей оздоровления «заболевшего капитализма» привел

исследователей к анализу опыта национальных моделей экономического развития, в большей степени адекватных формированию нового миропорядка.

Наиболее общие генерации концептов и практик экономического развития выделил Мишель Альбер: англо-саксонскую и рейнскую модели капитализма⁴³. Различие намеченных М. Альбером моделей агрегировалось дихотомией экономического рационализма с присущей ему абсолютизацией рынка, идеологией индивидуализма и депривацией роли государства в экономике и социальной ответственности («справедливости»), обеспечиваемой присутствием в хозяйственной жизни государства, наличием ассоциаций, профсоюзов, коллективизма и солидарности. Вторая экономическая модель помимо прочих преимуществ открывала простор для самоорганизации населения, в том числе и кооперативные объединения.

Список литературы:

1. Емельянов И. В. Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций. М.: ООО «Издательство Листерра». 2020. 440 с.
2. Милль Дж. С. Основы политической экономии. Т. III. М.: Прогресс. 1981. 452 с.
3. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. II. Восходящий капитализм. М.: Мысль. 2005. 751 с.
4. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. III. Эпоха социальных переломов. М.: Мысль. 2005. 893 с.

⁴² Garofoli G. Economic development, organization of production and territory // *Revue d'économie industrielle*. 1993. Vol. 64. P. 22.

⁴³ Альберт М. Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа. 1998. С. 95.

5. Норт Д., Чоллис Д., Вайнгейт Б. Насилие и социальный порядок. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара. 2011.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала. 1997. 180 с.
7. Егоров В.Г. Кооперация – третий путь. К теории вопроса. Челябинск: ООО «Рифей». 152 с.
8. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / Пер. с англ. М.: ФЭИ. 1995. 174 с.
9. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика. 1989. 495 с.
10. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М. 1918. 456 с.

EGOROV Vladimir G. – Doctor of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Economy and History of Economics of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of Bauman Moscow State Technical University, Russia, Moscow, email: korrka@mail.ru.

INSHAKOV Andrey A. – assistant of the department Political Economy and the History of Economics of Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow, email: aero789@mail.ru.

Keywords: cooperation, Marxism, socialism, institutionalism, individualism.

Financing: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01043 “Cooperation in the development strategy of society”, <https://rscf.ru/project/23-28-01043/> Agreement No. 23-28-01043 dated 12. 01. 2023.

SOCIAL PROGRESS AND COOPERATION: A SHORT ANTHOLOGY OF PUBLIC THOUGHT

Annotation

In the work, the authors consider the socio-political thought concerning the issues of cooperation. Special attention is paid to the concepts of intellectuals representing various ideological trends. The works of authors from various scientific schools are analyzed, with an emphasis on an in-depth presentation of cooperation in the context of prospects for social development.

References

1. Yemelyanov I. V. Economic theory of cooperation. The economic structure of cooperative organizations. Moscow: LLC “Listerra Publishing House”. 2020. 440 p.
2. Mill J. S. Fundamentals of political economy. Vol. III. M.: Progress. 1981. 452 p.

3. World economic thought. Through the prism of centuries. Vol. II. Rising capitalism. Moscow: Mysl. 2005. 751 p.
4. World economic thought. Through the prism of centuries. Vol. III. The Era of social upheavals. Moscow: Mysl. 2005. 893 p.
5. North D., Chollis D., Vaingai B. Violence and social order. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind. Moscow: Ed. The Gaidar Institute. 2011.
6. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. M.: Beginnings. 1997. 180 p.
7. Egorov V.G. Cooperation is the third way. To the theory of the question. Chelyabinsk: Rifey LLC. 152 p.
8. Olson M. The logic of collective action. Public goods and the theory of groups / Translated from English M.: FEI. 1995. 174 p.
9. Tugan-Baranovsky M.I. Social foundations of cooperation. M.: Economics. 1989. 495 p.
10. Prokopovich S.N. The cooperative movement in Russia. His theory and practice. M. 1918. 456 p.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА КАК ГЛАВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

Статья посвящена обзору научно-технологического состояния Российской Федерации, а также роли научно-технической сферы в обеспечении экономической безопасности. Произведен анализ показателей, характеризующих состояние научно-технической сферы России, выявлены угрозы и предложены меры.

Несмотря на мировую тенденцию трансформации национальных экономик по всему миру, обеспечение экономической безопасности и эффективность экономической системы все также зависят от развития реального сектора национальной экономики. Оно, в свою очередь, находится в зависимости от степени восприимчивости предприятий к нововведениям: своевременному обновлению основных фондов и продукции, выпускаемой предприятиями. Это ведет к росту конкурентоспособности национальной экономики в целом. Научно-технический прогресс значительно повышает уровень жизни населения, в особенности в развивающихся странах.

Сегодня еще одним препятствием для российских предприятий стало санкционное давление. Тем не менее, оно явилось драйвером к увеличению инновационной активности хозяйствующих субъектов и смене их инвестиционной политики на более активную.

БИКБУЛАТОВ Денис Ринатович – студент 5 курса кафедры национальной и региональной экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Россия, Москва, email: denisibikbulatov@gmail.com, SPIN-код: 8437-1275.

Ключевые слова: экономическая безопасность, инновационный путь развития, научно-техническая сфера, реальный сектор экономики, национальная экономика, национальная безопасность, санкции.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_153

Развитие технологического обеспечения национальной экономики тесно связано с ее конкурентоспособностью. Конкурентоспособность национальной экономики влияет на уровень обеспечения экономической безопасности как составной части национальной безопасности. Национальная безопасность зависит от развития технологического обеспечения национальной экономики. Именно поэтому реализация деятельности по обеспечению общенациональной безопасности, включающая в себя организацию и проведение научной деятельности¹, является одним из ключевых направлений внешней и внутренней политики Российской Федерации.

Научно-техническое развитие России есть превращение сферы науки в главенствующий фактор развития государства, а также осуществление возможности и способности России отвечать на особо крупные вызовы². По Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, лидирующие позиции в сфере разработок и исследований, создание новейшей инновационной продукции, а также высокий уровень и темп освоения новых знаний являются осно-

вами конкурентоспособности национальной экономики.

Научно-техническая государственная политика – воздействие государства при помощи государственных инструментов на научно-технологическую сферу страны с целью применения ее и онтогенеза ради осуществления национальных интересов и ценностей России [1]. Объектом данной политики является вся научно-технологическая сфера в принципе, то есть различные научные исследования, технологические разработки, их организация и т. д.

Целями государственной политики в сфере научно-технического развития являются эффективное и разумное расположение и пользование научно-технологическим потенциалом страны; активная аугментация роли науки и техники в развитии национальной экономической системы; реализация приоритетных мероприятий в социальной сфере; осуществление качественной трансформации всех структур производства и др.³. Среди принципов государственной научно-технической политики России можно выделить такие как: открытость и демократичность выбора направлений науки, техники и тех-

¹ Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/7d0db9d5611a262308ee02134a804c9f9e5d522e/ (дата обращения: 15.07.2024).

² Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/24fdc01df17a5b67012e44149b7031b68016cbde/ (дата обращения: 15.07.2024).

³ Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О науке и государственной научно-технической политике», Ст. 11, п. 1 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/fa210e98db3545695712f572a15edb14fe49fee6/ (дата обращения: 15.07.2024).

нологий, экспертиз проектов и программ в данной сфере, на конкурсной основе; организация совместных проектов для работников научных центров и обучающихся учебных заведений; обеспечение конкуренции субъектов научно-технологической деятельности в сфере науки и техники и др.⁴

Система экономической безопасности включает в себя комплекс структур, взаимодействующих совместно. В данный комплекс входят такие необходимые для любого хозяйствующего субъекта, занимающегося инновационной деятельностью, мероприятия, как деятельность по обеспечению материального производства, подбор квалифицированных работников, координация темпов развития инновационности основного капитала, обеспечение конкурентоспособности продукции на внутреннем и внешнем рынке [2].

Особое положение в процессе управления инновациями в сфере обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта на данный момент занимает риск-менеджмент, позволяющий выявить наиболее важные риски, а также развеять неопределенность и ускорить процесс принятия решения, направленного на достиже-

ние тех стратегических целей, которые были поставлены предприятием перед собой, и достижение стабильности экономической деятельности [3]. Управление инновационными рисками состоит из ряда этапов, среди которых: прогнозирование, определение перечня рисков предприятия и разделение их на классы; формулирование и оценивание внешней среды, которая имеет влияние на уровень риска хозяйствующего субъекта, а также оценка эффективности его деятельности; процесс анализа факторов, влияющих на уровень риска и др.

Стоит отметить, что инновация представляет собой продукт, то есть товар или услугу, или процесс, введенный в употребление, который был значительно улучшен или переработан⁵. В современном мире в развитых странах преобладает экономика знаний, то есть такая экономическая система, которая основана на развитии и использовании информации и человеческого капитала⁶. Стоит отметить, что наиважнейшей функцией инновационной инфраструктуры, а также элементов, входящих в нее, является снижение рисков и угроз, которые имеют место быть при осуществлении инновационного про-

⁴ Там же, п. 2.

⁵ Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О науке и государственной научно-технической политике», статья 2 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f/#:~:text=Инновации%20%2D%20введенный%20в%20употребление%20новый,мест%20или%20во%20внешних%20связях (дата обращения: 15.07.2024).

⁶ Основы инновационной деятельности: учебное пособие / Под общ. ред. проф. Б. И. Бедного. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета. 2014. 303 с.

цесса (процесса по преобразованию научного знания в инновацию).

Инновации позволяют качественно улучшить процесс производства в реальном секторе, способствуя увеличению темпов развития данного сектора, поскольку инновации представляют собой акселератор развития как отдельных предприятий, так и экономической системы в целом [4]. Тем не менее, стоит отметить, инновационная деятельность является важнейшим фактором для обеспечения безопасности в любой сфере, так как позволяет осуществить коренное улучшение всей системы в целом.

Предпосылки, побуждающие хозяйствующий субъект к инновационной деятельности, делятся на внешние (метаморфоза внешней среды предприятия) и внутренние (различные несоответствия процессам внутри самой фирмы). Внешние предпосылки могут влиять на хозяйствующий субъект напрямую или косвенным образом. Внутренние предпосылки могут иметь положительные последствия (успешная реализация инновации) для хозяйствующего субъекта или негативные (необоснованные траты на не реализовавшийся инвестиционный проект).

Инновационная активность является научной экономической категорией, представляющей собой решения руководства, администрации и персонала хозяйствующего субъекта в сфере создания, а также внедрения различных нововведений в виде новых продуктов или методов в производственный про-

цесс с учетом имеющегося инновационного потенциала данного хозяйствующего субъекта [5]. Показатель инновационной активности может быть использован для оценки стратегии предприятия, то есть плана развития предприятия на долгосрочный период.

Инновационная активность предприятия базируется на основе научно-технологического, производственного, социально-управленческого потенциала самого предприятия. Именно этот потенциал реализуется хозяйствующим субъектом для создания и распространения новых технологий с целью извлечения прибыли.

Инновационным предприятием (организацией) является тот хозяйствующий субъект, который полноценно вовлечен в процесс трансформации своих собственных затрат в выпуск с целью создания такой продукции, которая характеризуется большим, в сравнении с общей массой продукции, качеством, а также меньшими издержками для их производства, чем ранее [6]. Иными словами, главной характеристикой инновационного предприятия является наукоемкость ее производства.

Уровень инновационной активности организаций представляет собой отношение численности инновационно-активных организаций (тех предприятий, которые имеют фактические затраты на один или несколько типов инновационной деятельности, или организаций, осуществляющих научную деятельность или отгужавших ин-

новационную продукцию в отчетном году и т. д.) к общей совокупности всех организаций⁷.

Инновационный проект представляет собой совокупность различных мероприятий по реализации инноваций, целью которых является достижение экономического эффекта⁸. Стоит отметить, что в перечень деятельности по реализации инноваций входит коммерциализация научных и научно-технологических результатов деятельности хозяйствующего субъекта. Инновационный проект можно охарактеризовать высоким, но допустимым уровнем риска, а также имеющимися вероятностями недостижения тех результатов, что были запланированы ранее, в том числе запланированного экономического эффекта от осуществления данного проекта. То есть инновационная деятельность является осуществлением данных проектов, а также формированием инновационной инфраструктуры, то есть комплекса различных организаций, которые способствуют реализации тех самых инновационных проектов.

Инновационный путь развития экономики позволяет произвести ускорение темпов роста национального дохода страны, увеличение уровня жизни населения, повышение конкурентоспособности

на мировом рынке и инвестиционной привлекательности национальной экономики, а также позволяет улучшить механизм обеспечения экономической безопасности. Инновационный путь развития представляет собой преобладание в структуре экономики интеллектуального труда и интенсивного производства в сфере научной деятельности.

На основе обзора показателей за период в 12 лет (с 2011 по 2022 гг.), перечисленных выше, будут сделаны выводы о научно-технологической политике России. Также данный обзор позволит определить состояние, угрозы и тенденции развития научно-технологической безопасности России.

Показатель отношения расходов на науку и научное обслуживание к ВВП демонстрировал рост с 2011 по 2017 гг. В 2018 г. наблюдалось резкое падение данного показателя. Максимальное значение за все десятилетие – 1,11% в 2017 г. и минимальное значение – 0,94% в 2022 г. Тем не менее данный показатель не является удовлетворительным с точки зрения обеспечения национальной экономической безопасности страны по той причине, что не достигает порогового значения в 3%, указанного в статье Глазьева С. Ю. и Локовского В. В. [7].

⁷ Приказ Росстата от 27.12.2019 N 818 «Об утверждении методики расчета показателя «Уровень инновационной активности организаций» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344264/ (дата обращения: 15.07.2024).

⁸ Основные понятия, применяемые в настоящем Федеральном законе. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике», статья 2 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f/?ysclid=lpdevdjr1b717810206 (дата обращения: 15.07.2024).

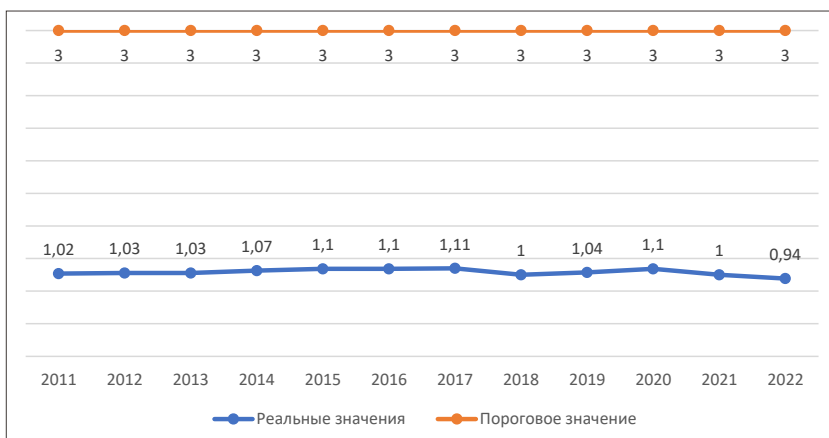

Рис. 1. Внутренние затраты на научные исследования и разработки к ВВП⁹

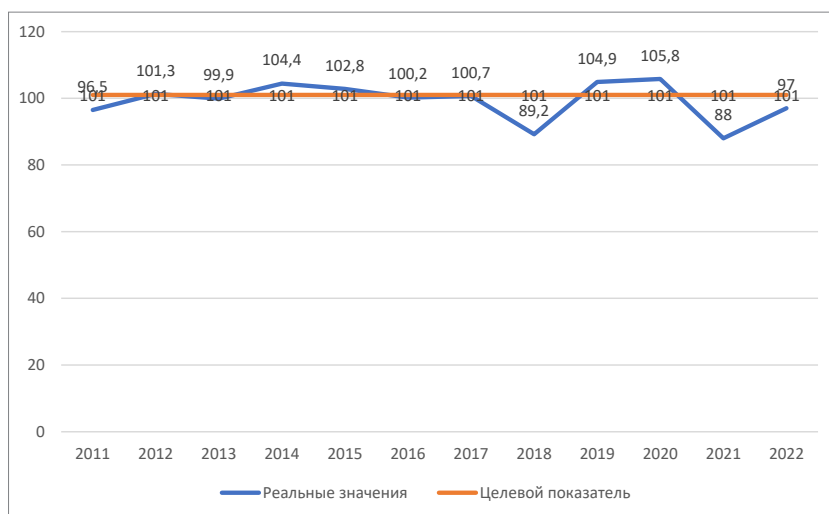

Рис 2. Соотношение темпа роста внутренних затрат на исследования и разработки за счет всех источников к темпу роста ВВП^{10,11}

⁹ Внутренние затраты на научные исследования и разработки по РФ // <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FNauka-5.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁰ Соотношение темпа роста внутренних затрат на исследования и разработки за счет всех источников к темпу роста валового внутреннего продукта // <https://www.fedstat.ru/indicator/59261?ysclid=lxuoj330q2271858050> (дата обращения: 15.07.2024).

¹¹ Соотношение темпов роста внутренних затрат на исследования и разработки и валового внутреннего продукта // <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/504081839.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

Исходя из графика, наблюдался рост данного показателя в 2012 году в сравнении с 2011 годом. Затем данный показатель падал к 2013 г. с последующим значительным ростом в 2014 г. В периоде с 2015 по 2018 гг. показатель снова претерпевал сильное падение. Однако с 2019 по 2020 гг. снова наблюдался активный рост. Максимальное значение – 105,8% в 2020 г., минимальное значение – 88% в 2021 г. Целевой пока-

затель в 101%¹², указанный в программе Научно-технологического развития, к 2030 г. предполагает, что темп прироста затрат на исследования всегда должен превышать темп роста ВВП. Из этого следует, что 2011, 2013 и 2018, 2021 и 2022 – года, которые не превышают целевой показатель, в то время как 2012, 2014, 2015, 2016, 2017, 2019 и 2020 – года, превышающие целевой показатель.

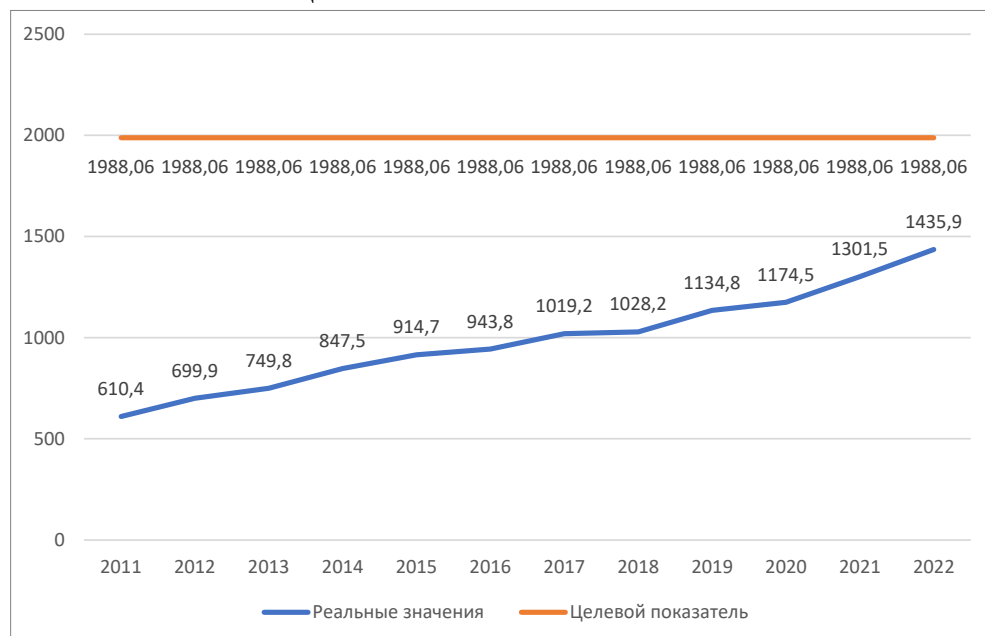

Рис. 3. Внутренние затраты на исследования и разработки за счет всех источников (в текущих ценах)¹³

По данному показателю наблюдается рост в каждом году десяти-

летия. При этом, стоит отметить, что целевой показатель на 2018 со-

¹² Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» // <http://static.government.ru/media/files/AAVpU2sDAvMQkIHV20ZJZc3MDqcTxt8x.pdf> (дата обращения: 13.07.2024).

¹³ Внутренние затраты на исследования и разработки за счет всех источников (в текущих ценах) // <https://www.fedstat.ru/indicator/33383> (дата обращения: 15.07.2024).

ставлял 1110,2 млрд руб.; 2019 – 1200,6; 2020 – 1290,7; а к 2030 – 1840 млрд руб., указанное также в программе Научно-технологического развития. Именно на целевой показатель 2030 г. мы и будем ориентироваться, но требуется его индексирование до уровня 2021 г., так как целевое значение в 1840 млрд рублей дано в начале

2019 г. Таким образом, зная, что инфляция за 2019 г. составила 3,0%, а за 2020 г. – 4,9%¹⁴, получится целевой показатель в 1988,06 млрд рублей в текущих ценах. Получается, что целевое значение не достигается ни в один год десятилетия, но, тем не менее, очевидна положительная динамика данного показателя.

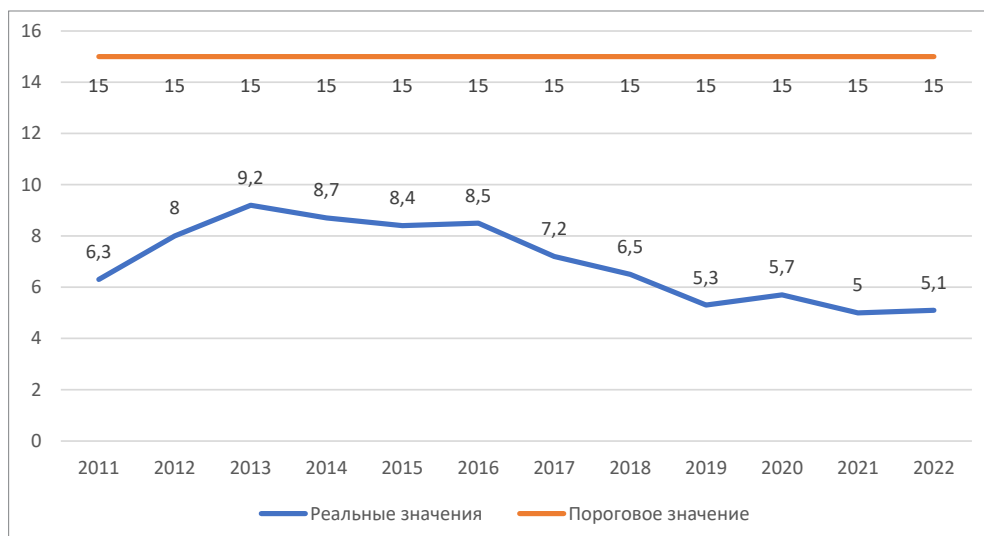

Рис. 4. Показатель удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров¹⁵

По данным Росстата мы можем наблюдать, что данный показатель рос с 2011 по 2013 гг., а с 2014 по 2019 гг. падал и незначительно вырос в 2020 г., после чего вновь претерпел падение. В 2022 г. наблюдается незначительный рост. Глазьев С. Ю. и Локозов В. В. отмечают ин-

тервал 15-20%, но для дальнейшего анализа необходимо взять лишь нижнее значение данного интервала в качестве порогового значения, то есть 15%. Это нижнее значение не было достигнуто ни в один год. Максимальное значение – 9,2% в 2013 г.; минимальное значение – 5% в 2021 г.

¹⁴ Об оценке индекса потребительских цен в декабре 2020 года // https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/247.htm (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁵ Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, по субъектам РФ // <https://clck.ru/3Ckpfz> (дата обращения: 12.07.2024).

Рис. 5. Уровень инновационной активности организаций¹⁶

Данный показатель демонстрирует падение инновационной активности предприятий с 2011 по 2016 гг. и резкий рост в 2017. Далее показатель падал с 2018 по 2019 г. и рос в период 2020-2021 гг., но претерпел падение в 2022 г. При этом данный показатель ни в одном году не достиг порогового значения в 40%, указанного в статье Глазьева С. Ю. и Локовского В. В. [7].

С точки зрения национальной безопасности угрозой является общая совокупность различных факторов, а также условий, которые напрямую или косвенно могут причинить какой-либо ущерб национальным интересам России. С точки зрения экономической безопасности угрозой является не только совокупность факторов, а также

условий, напрямую или косвенно причиняющих какой-либо ущерб национальной экономике России. С точки зрения научно-технологического развития большие вызовы есть явления, требующие немедленной реакции страны, вбирающие в себя всю совокупность различных проблем и угроз, решение которых не заключается в одном лишь увеличении количества ресурсов, но и в структурном изменении в данной сфере¹⁷.

Исходя из оценки показателей, предоставленных выше, можно выделить следующие угрозы научно-технологическому развитию России:

- Интеллектуальная миграция. Отношение расходов на науку и научное обслуживание к ВВП является весьма низким, то есть имеет

¹⁶ Уровень инновационной активности организаций по субъектам Российской Федерации // <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FInnov-1.xls&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁷ Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // <https://clck.ru/3Cknp9> (дата обращения: 15.07.2024).

место быть невостребованность деятельности ученых. Это, в свою очередь, мотивирует специалистов в сфере науки к выезду за пределы России в страны, где наука спонсируется больше;

- Малая доля расходов на науку и научное обслуживание к ВВП. Данный фактор демонстрирует низкое участие науки в формировании общественного продукта в стране. Иными словами, национальная экономика не способна обеспечить себя технологиями, что подчеркивает ее неконкурентоспособность;

- Зависимость науки от государственных средств. В среднем государственные средства составляют около 70%¹⁸ от общей суммы финансирования исследований и разработок. Это представляет угрозу, так как в случае непредвиденных экономических обстоятельств при реструктуризации государственного бюджета финансирование науки, скорее всего, будет уменьшено. Данный фактор приведет к замедлению научно-технологического развития страны;

- Непостоянство темпов прироста внутренних затрат на исследования и разработки. В случае, если прирост финансирования научной деятельности сменяется падением объема финансирования в следующем году, то едва ли приходится го-

ворить о явном развитии научной среды. К примеру, в 2011 году финансирование науки в России составило 133,0 млрд руб., а в 2018 – 153,1 млрд руб. (в постоянных ценах 2000 г.)¹⁹. То есть рост финансирования за 7 лет повысился всего на 15%, что также мешает ускорению развития научной среды;

- Низкая вовлеченность организаций внутри национальной экономики в инновационную деятельность. Данные обстоятельства являются причиной низкого уровня инвестиций в научную инновационную сферы. Это явление обостряет зависимость науки от бюджетных средств государства;

- Низкий индекс технологической зависимости. Данная угроза приводит к использованию иностранных технологий и разработок, что, в свою очередь, создает ситуацию зависимости национальной экономики от импорта техники и от цен на эту технику.

Данные угрозы могут оказать пагубное влияние не только на национальную экономическую систему, но и на состояние национальной безопасности государства в целом. Принятие различных мер по уменьшению влияния данных угроз или их предупреждению – основная деятельность государства в сфере обеспечения научно-технологической безопасности.

¹⁸ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых» // <https://ach.gov.ru/upload/iblock/89d/89d7d756dab6d050a260ecc55d3d5869.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁹ Там же.

Для того, чтобы обеспечение научно-технологической безопасности было удовлетворительным, и для защиты научно-технологической сферы экономической системы стоит принять меры по уменьшению угроз в данной сфере. Принятие мер по снижению в данной сфере могут способствовать более эффективному обеспечению экономической и национальной безопасности в целом.

Основными мерами по предупреждению и снижению влияния угроз в научно-технологической сфере могут быть в следующем:

- Решение проблемы интеллектуальной миграции может состоять в увеличении финансирования. Однако, помимо данной меры, могут быть приведены дополнительные, как льготы, в виде скидок в магазине, льготного проезда, дополнительных социальных выплат (стипендий) и пр. А также проведение политики увеличения авторитетности профессии ученого, почета и уважения данной профессии в обществе;

- Проблема низкого участия научной сферы в формировании ВВП может быть решена путем повышения инвестиций из внебюджетных и негосударственных фондов, а также частных инвесторов в сферу науки и технологий. Научные организации должны составлять четкие долгосрочные планы своей деятельности для привлечения долгосрочных инвестиций;

- Вдобавок проблема низкого участия научной сферы в формировании ВВП, а также проблема

низкой инновационной активности предприятий могут быть решены путем создания общих научных проектов между государственными научными организациями и частными предприятиями;

- Проблема зависимости научной среды от средств государственного бюджета может быть решена увеличением автономности Российского Научного Фонда, упрощением процесса получения средств победителями конкурсов, привлечением средств в данный фонд из дополнительных источников (кроме государственного бюджета), а также тесной интеграцией данного фонда с зарубежными партнерами. Если в 2015 г. было 14 совместных конкурсов на общую сумму 1 653 млн руб., то за период с 2018 по 2020 гг. было проведено 6 совместных конкурсов на общую сумму в 413 млн руб.;

- Повышение вовлеченности организаций внутри национальной экономики в инновационную деятельность возможно реализовать путем введения дополнительных налоговых льгот для тех предприятий, которые принимали участие или начали принимать участие в научных исследованиях и разработках или их спонсировании;

- Проблема низкого индекса технологической зависимости может быть решена теми же мерами, что приведены выше: увеличением финансирования отечественных разработок и исследований, а также упрощением процесса выдачи патентов резидентам России.

Осуществление данных мер позволит реализовать удовлетворительное обеспечение научно-технологической безопасности, а также поддержать развитие науки и технологий России.

В Стратегии перечислены ключевые приоритеты, направления и меры проведения государственной политики в сфере научно-технологического развития как шаги к обеспечению национальной экономической безопасности страны.

В рамках решения вопроса об интеллектуальной миграции предполагается использование различных публичных и массовых медиа механизмов. Данное направление государственной политики предусматривает повышение репутации работников научной сферы, адресную помощь молодым ученым, то есть финансовую и социальную поддержку работников научной сферы.

Развитие и улучшение научной и технологической инфраструктуры также является одним из приоритетных вопросов государственной политики в сфере науки и технологий в целом. Кроме того, имеет место быть создание условий для интеграции научного, научно-технического, инновационного и пр. потенциалов, а также осуществление формирования международного научного и исследовательского комплекса.

Решение вопроса финансирования предполагает повышение инвестиционной привлекательности научно-технологичной сферы России и увеличение эффективно-

сти системы управления данной сферы. В рамках данного вопроса планируется осуществлять научные проекты, которые являются стратегически важными для государства, активное ориентирование государственных заказчиков на приобретение инновационной и наукоемкой продукции отечественных производителей.

Также для увеличения финансирования научной сферы и в целях уменьшения зависимости данной сферы от государственных средств предполагается сокращение издержек, потерь и рисков данной сферы. В рамках данной сферы будет реализовываться следующий комплекс мер: обеспечение эффективного использования научного, творческого инновационного, технического потенциала государства и их тесное взаимодействие внутри национальной экономики.

В сфере развития профессионального и интеллектуального потенциала планируется сформировать среду для развития талантов молодежи и реализации карьерного роста молодых ученых. Данная мера предусматривает привлечение различных средств частных инвесторов и средств государственного бюджета, а также создание конкурентной среды внутри национальной экономики.

Государственная политика также ставит в приоритет развитие коммуникации внутри научной сферы и повышение восприимчивости экономической системы и всего общества к инновациям. То есть по данному направлению

предусматривается улучшение научной инфраструктуры только в рамках внутреннего развития научной среды, и, помимо того, создание платформ и механизмов по быстрому внедрению новых технологий и инноваций в производственные сферы.

Развитие инновационного потенциала хозяйствующего субъекта представляет собой рискованный путь для организации, так как инновационная деятельность связана с неизвестностью: неизвестностью спроса на продукцию, количества конкурентов, внутренней и внешней экономической конъюнктуры и т. д. Однако развитие инновационного потенциала может предоставить предприятию период получения сверхприбыли.

Нынешняя геополитическая ситуация вынуждает хозяйствующие субъекты увеличить свою инновационную активность для собственной диверсификации. Именно поэтому у научно-технической сферы экономики имеется немалый потенциал, который найдет свой спрос у инвесторов.

На данный момент развитие практически любой национальной экономики зависит от внедрения в ее механизмы производства и воспроизводства новых технологий. Именно в этом заключается тесная связь развития научно-технологической сферы национальной экономики с обеспечением экономической безопасности. Возможность государства создавать и внедрять инновации и технологии в производство позволяет обеспечивать

стратегическое лидерство на мировом рынке. Проведение политики поддержки инновационных предприятий позволит укрепить механизм обеспечения экономической безопасности данных предприятий, а высокий уровень экономической безопасности предприятий, в свою очередь, увеличит уровень национальной экономической безопасности.

По этой причине одним из главенствующих направлений политики правительства является использование и развитие научного потенциала нации. Тем не менее в России не наблюдается удовлетворительная обстановка в сфере науки и технологий по причине невостребованности научного персонала, зависимости от зарубежных технологий, неконкурентоспособности национальной экономики в рамках производства инновационных технологий и высокотехнологической продукции в целом.

Однако, стоит отметить, что у России имеются колоссальные возможности по развитию данной сферы, так как Россия имеет многие наработки, оставшиеся еще с Советского Союза. Разнообразие университетов, образовательных и научных центров, множество ученых и т. д. – большинство из этого является наследием советских времен. Использование этого наследия и наработка новых инструментов реализации развития научно-технологической сферы национальной экономики позволит России в будущем выйти в мировые лидеры.

Список литературы

1. Семёнов Е. В. Государственная научно-технологическая политика в современной России: замысел и реализация // <https://clck.ru/3CkqE7> (дата обращения: 15.07.2024).
2. Гундорова, М. А. Экономическая безопасность: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ. 2020. 207 с.
3. Пименов Н. А. Управление финансовыми рисками в системе экономической безопасности учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2023. 353 с.
4. Прядко-Каныбекова О. Ю. Инновации в реальном секторе экономики как акселератор роста или падения // <https://clck.ru/3CkqBh> (дата обращения: 15.07.2024).
5. Чернова А. С. Сущность инновационной активности предприятий // <https://clck.ru/3CkqGW> (дата обращения: 13.07.2024).
6. Лацоник У. Теория инновационного предприятия // <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-innovatsionnogo-predpriyatiya?ysclid=lptl4wtqim838198136> (дата обращения: 15.07.2024).
7. Глазьев С. Ю., Локозов В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // <https://clck.ru/3Ckq7S> (дата обращения: 12.07.2024).

BIKBULATOV Denis R. – 5th year student of the Department of National and Regional Economics of the Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow, email: denisibikbulatov@gmail.com.

Keywords: economic security, innovative development path, scientific and technical sphere, real sector of the economy, national economy, national security, sanctions.

THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL SPHERE AS THE MAIN ELEMENT OF THE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Annotation

The article is devoted to the review of the scientific and technological state of the Russian Federation, as well as the role of the scientific and technical sphere in ensuring economic security. The analysis of indicators characterizing the state of the scientific and technical sphere of Russia has been carried out, threats have been identified and measures have been proposed.

References

1. Semenov E. V. State scientific and technological policy in modern Russia: conception and implementation // <https://clck.ru/3CkqE7> (accessed: 15.07.2024).
2. Gundorova, M. A. Economic security: studies. stipend. Vladimir: Publishing House of the All-Russian State University. 2020. 207 p.
3. Pimenov N. A. Financial risk management in the economic security system textbook and workshop for universities. Moscow: Yurayt Publishing House. 2023. 353 p.
4. Pryadko-Kanybekova O. Yu. Innovations in the real sector of the economy as an accelerator of growth or decline // <https://clck.ru/3CkqBh> (accessed: 15.07.2024).

5. Chernova A. S. The essence of innovative activity of enterprises // <https://clck.ru/3CkqGW> (accessed: 13.07.2024).
6. Lazonik U. Theory of an innovative enterprise // <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-innovatsionnogo-predpriyatiya?ysclid=lptl4wtqim838198136> (accessed: 15.07.2024).
7. Glazyev S. Yu., Lokosov V. V. Assessment of extremely critical values of indicators of the state of Russian society and their use in the management of socio-economic development // <https://clck.ru/3Ckq7S> (accessed: 12.07.2024).

ИСТОРИЯ ЛУЖНИКОВ: ОТ СЛОБОДЫ ДО СПОРТКОМПЛЕКСА

Аннотация

В статье рассматривается история территории московской слободы, которая получила название «Лужники», анализируются версии наименования этой местности. Автор рассматривает процесс заселения территории Лужников, как менялся их облик на протяжении нескольких веков. Подробно анализируются природные особенности территории. В статье рассматривается история строительства главной спортивной арены советского государства. Автор анализирует социальную обусловленность создания этого уникального спортивного комплекса, который стал одним из главных символов города.

Введение

Лужники – одна из старых местностей Москвы. На обширном луговом пространстве в XV веке располагалось село Лужниково, которое Дмитровский князь Юрий Васильевич завещал своему старшему брату великому князю Ивану III в 1472 году в духовной грамоте. Именно в ней упоминаются нынешние Лужники: «селце Семчинское и

з дворы з городскими и с Лужниковым» [2, с. 222]. В сообщении 1638 года можно прочесть: слобода Малые Лужники под Новым Девичьим монастырем [9, с. 156].

В средневековое время часто Лужниками именовали всякую местность, где были заливные луга. Сейчас в Москве только одни Лужники, но в былые времена Лужни-

ГОРЛОВ Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета, Россия, Москва, email: gorlov812@mail.ru, SPIN-код: 6567-5667.

Ключевые слова: город спорта, Лужники, стадион, слобода, Новодевичий монастырь, заливные луга, Воробьевы горы.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_169

ков в Москве было несколько. Например, были Крымские Лужники возле Крымского брода и Лужники вблизи Симонова монастыря.

Надо отметить, что существует несколько версий названия этой местности. Обычно его увязывают с низменной луговой местностью, каждую весну затапливаемую Москвой-рекой, которая, схлынув, оставляла на долгое время лужи-озерки. До нынешнего времени сохранились у Новодевичьего монастыря два озера, превращенные в пруды. Между лужами-озерками располагались небольшие лужки, которые составили внушительное луговое пространство – лужники, ставшие в дальнейшем «государевыми лугами». Об этом писал и историк И. Е. Забелин: «Поток Мо-

сквы-реки, как и всех почти мелких рек Московской области, в своем извилистом течении, беспрестанно поворачивая в разных направлениях, образует почти при каждом повороте обширные луга, долины» [4, с. 53]. Заливные луга в излучине реки Москвы назывались лужниками как тип заливных лугов. По всей вероятности, от луговины среди луж-озерков, которые оставались после спада воды, и произошло название «Лужники». По другой версии название связано с родом занятий местных жителей слободы. В XVII веке упоминается профессия лужник: так называли крестьян, которые заготавливали сено на обширных государевых лугах или занимались на этих лугах выпасом лошадей.

Новодевичий монастырь

Территория этой московской слободы, расположенной в красивейшем предместье средневековой Москвы, была довольно просторная. Жилые дома в этой местности возникли еще в XIV веке. В них проживали пастухи царских табунов. Именно здесь, на месте слободы построят знаменитый стадион. Когда построили в XVI-XVII вв. Новодевичий монастырь, дворцовая конюшенная слобода, располагавшаяся рядом, называлась Лужники Малые Девицы или по-другому Лужники Малые. Монастырь был основан великим князем Василием III в начале XVI века и как памятник освобождению Смоленска, и как оборонительная

крепость на юго-западе столицы. В 1524-1525 гг. здесь возвели пятиглавый Смоленский собор по образцу кремлевского Успенского собора.

Монастырь в XVI веке превратили в крепость, которая защищала столицу с юго-запада от вторжения врагов. Именно здесь крымский хан Девлет-Гирей в 1571 году подошел к Москве, а воевода князь Шуйский, воевавший с крестьянским войском Ивана Болотникова, в 1606 году разбил лагерь. На месте нынешних Лужников в начале XVII века паслись коровы инокини Марфы Ивановны, матери царя Михаила. Монастырских коров сменили государевы лошади.

Подлинный расцвет монастырского ансамбля относится ко второй половине XVII века. В 1680-е годы при деятельном участии умной и властолюбивой царевны Софьи, старшей сестры Петра I, заточенной позднее в отстроенный ею монастырь, были возведены многие здания. Царевна Софья – правительница государства при малолетних царях Петре и Иване – не жалела средств для монастыря, не предполагая, что его стены станут для нее пожизненной тюрьмой. Здесь она и умерла в 1704 году.

Здесь же окончила свой жизненный путь первая жена Петра I и мать царевича Алексея – Евдокия Лопухина, постриженная им в монахини.

Монастырь уцелел во время пожара 1812 года. В начале сентября здесь разместились на постой многочисленная французская армия, а вскоре пожаловал и сам Наполеон. Уходя из Москвы, Наполеон приказал взорвать монастырь. Но благодаря самопожертвованию и мужеству москвичей взрыв был предотвращен.

Заселение Лужников

Заселение Лужников происходило крайне медленно из-за постоянной опасности военных вторжений, а также из-за ежегодных затоплений. По переписи 1638 года в слободе, которую с XVII века упоминали Лужники Новодевичьи, находилось всего 15 дворов и жило в них 18 человек [11, с. 7]. Большинство дворов слободы занимались огородничеством, чему способствовали плодородные заливные земли лугов. В слободе в 1654 году построили деревянную церковь Иоанна Златоуста. Из-за эпидемии моровой язвы строительство затянулось на полвека [8, 7]. В XVIII веке на этом месте построили церковь Тихвинской иконы Богородицы с приделом Иоанна Златоуста. Из-за недостатка средств строительство также затянулось более чем на полвека [11, с. 7].

В составе Конюшенного приказа в XVII в. находились дворцовые ко-

нюшенные слободы: Большие Лужники и Малые Лужники. В середине XVII века дворцовая конюшенная слобода Большие Лужники упоминается с указанием «что под Симоновым» (1633) и «из-под Симонова» (вблизи Симонова монастыря) [1, с. 271]. Малые Лужники издавна считались государевым Васильевским лугом, земли из которого государи жаловали монастырям и знатым людям. Эти превосходные заливные луга недаром попали в ведение дворцовой Конюшенной канцелярии. Загородные дворы и огороды в этой местности получили боярин М. П. Головин, князя М. А. Черкасский и В. В. Голицын, стольники Д. Головин и Т. Юшков, граф И. А. Мусин-Пушкин и др. До сих пор от названия слободы Лужники Малые Девичьи дошли до нас названия: Новолужнецкий проезд, Лужнецкий проезд, Лужнецкая набережная.

В XVIII веке официальной границей Москвы становится Земляной Камер-Коллежский вал, который разделил Лужники на городскую и загородную (по валу в 1903–1908 гг. прошла Окружная железная дорога). На проселочной дороге в село Воробьево была поставлена деревянная Лужницкая застава. При Екатерине II в Лужниках «летом каждый праздник и каждое воскресенье было многолюдное гулянье людей лучшего тона» [8, с. 150]. На всех планах Москвы XVIII в. отмечалась дворовая слобода Лужники.

Пожар Москвы в 1812 году не затронул Лужники из-за огромного незастроенного пространства между центром и Лужниками. Удаленность от центра города спасла от пожара немногочисленные постройки в Лужниках. После того как Наполеон покинул Москву, лужницкие земли были перераспределены между московскими купцами.

В XVIII–XIX вв. состав дворовладельцев изменился. Территория Лужников от прежних именитых владельцев (боярин М. П. Головин, князя М. А. Черкасский, В. В. Голицын и др.) переходит в собственность богатого купечества, которые

захватили в свои руки почти все большие земельные участки, сдававшиеся в аренду под огороды. Этому способствовали плодородные заливные земли лугов, на которых выращивались превосходные овощи. И не только овощи. Так как в Лужниках была очень богатая пойменная земля и в Лужники ежемесячно привозили сотни возов конского навоза, здесь выращивали экзотичные арбузы, дыни, артишоки, сельдерей, различные формы фасоли. Здесь выращивались огурцы корнишоны, которые поставлялись в Елисеевские магазины (в Парижский, Московский, Санкт-Петербургский). Лужнецкие огурчики засаливались в плотных дубовых бочках и выдерживались в холодной воде на дне Москвы-реки, где выдерживались до нужной кондиции. Дно Москвы-реки, где температура была очень ровная и летом, и зимой, было естественным холодильником. Поэтому лужнецкие огурчики отличались особенным вкусом и хрусткостью. Выращенные и засоленные в Лужниках фирменные овощи постоянно поставлялись в московские рестораны и магазины.

Территория Лужников в первой половине XX века

Территория Лужников представляла собой болотистую местность с огородами. Позже здесь было построено несколько небольших фабрик (белильно-красильно-набивная фабрика, паровая обойная фабрика). Только Шереметевская слобод-

ка, бывшая вотчиной графов Шереметевых, не могла быть продана и сохранялась в руках владельцев до 1917 года. Она сдавалась в аренду крестьянам-огородникам. В XIX веке значительная часть территории была занята огородами; окра-

инные земли продавались под застройку (так называемая Усачёвка).

Ставшие великими революционерами-демократами А. И. Герцен с Н. Н. Огарёвым как раз в Лужниках на лодке переправлялись на Воробьёвы горы и дали там в 1827 году свою знаменитую клятву, не щадя жизни, бороться с самодержавием. С Воробьёвых гор они восхищались красотой Москвы и Лужников, о чем спустя много лет вспоминал в своей книге «Былое и думы» А. И. Герцен.

В начале XX века Лужники выглядели пригородным селом при Новодевичьем монастыре с небольшим количеством жилых домов. По-прежнему большая часть территории была занята под огороды. Эта территория представляла собой болотистую местность с немногочисленными постройками. Строить дома было небезопасно из-за низкого заливного берега Москвы-реки, что приводило к частым наводнениям. Во время знаменитого московского наводнения в пасхальные праздники 1908 года во многих районах Москвы (Дорогомилowo, Остоженка, Зарядье) москвичи плавали на лодках. В Лужниках деревянные избы буквально смыло, они плыли по реке. Многие жители Лужников переехали в другие районы Москвы и продолжали тот же образ жизни.

В 1902 году по распоряжению императора Николая II началось строительство окружной железной дороги вокруг Москвы. Построенная в 1903-1908 гг. дорога хордой перерезала живописную излучину Москвы-реки, правым берегом ко-

торой являются Воробьёвы горы, а левым – широкая пойма с заливыми лугами. В 1908 году Окружная железная дорога прошла через Лужники, связав пассажирским сообщением этот район с другими московскими пригородами. В Лужниках был построен вокзал на станции, которая получила название «Воробьёвы горы». Станция заняла территорию бывшего Вавилонского сада. Благодаря тому, что рельсы были проложены по высокой насыпи, московское наводнение 1908 года вреда железной дороге не причинило. С той поры до поймы Москвы-реки из центра города можно было доехать тремя транспортными средствами: катером от Болотной площади, на извозчике и по окружной железной дороге. Станция заняла территорию бывшего Вавилонского сада.

У советской власти в 1920-е годы этот заброшенный район Москвы возникли грандиозные планы. В 1920-х годах в Лужниках планировали строительство главной спортивной площадки СССР – Международного Красного стадиона, который должен был включать в себя помимо центрального стадиона на 60 тысяч мест, еще и комплекс малых спортивных сооружений: велотрек, яхт-клуб, теннисные корты, лыжную станцию.

Идея возведения стадиона в этой местности впервые была высказана еще в 1924 году автором мавзолея А. В. Щусевым при обсуждении проекта реконструкции Москвы. Из-за недостатка средств строительство полномасштабного

спортивного комплекса все время откладывалось. Успели соорудить футбольную площадку и летний агиттеатр. Из-за оползания грунта на склонах работы в 1924 году пришлось приостановить. От идеи возведения стадиона власти отказались. Как раз в период строительства Международного Красного стадиона в 1924 году Воробьевы горы переименовали в честь В. И. Ленина в Ленинские горы.

Лужники не меняли свой облик вплоть до 1950-х годов, несмотря на то, что в районах Усачёвки, Пироговки, на Хамовническом валу в 1920-1930-е годы были построены жилые кварталы. К востоку от Новодевичьего монастыря были построены большие каменные жилые дома, появилась улица 10-летия Октября, к которой подвели из центра столицы трамвай и автобус. Жилищное строительство в этой местности способствовало тому, что москвичи перестали употреблять название «Лужники» к местности до Окруж-

ной железной дороги. Лужниками продолжали называть только территорию за Окружной железной дорогой, которая каждый год заливалась во время весенних паводков, что было причиной отсутствия здесь жилищного строительства.

На самой пойме Москвы-реки сохранялись еще не слившиеся с застройками города, но лежащие в городской черте Лужники. В них был организован колхоз, снабжавший москвичей свежими овощами. Лужники продолжали существовать как большое огородное место. В силу этих обстоятельств в этой местности строились амбары и склады государственных учреждений с жилыми помещениями для обслуживавшего их персонала. Когда строили первые линии московского метрополитена, грузовые автомашины привозили в Лужники вынутый из тоннелей грунт для поднятия уровня местности над рекой. Это способствовало осушению лужнецкой земли.

Спорткомплекс в Лужниках

В середине 1950-х годов все кардинально преобразилось. После войны спорт в СССР был на большом подъеме, что инициировало строительство стадиона. Впервые приняв участие в Олимпийских играх в Хельсинки в 1952 году, сборная СССР завоевала 22 золотые медали, что было замечательным успехом. Необходимо было наращивать спортивную мощь Советского Союза, так как спорт было

делом политическим. Спортивное величие – национальная идея в любые времена.

23 декабря 1954 года Правительством СССР принимается решение о строительстве спортивного комплекса в Лужниках, который должен был соответствовать мировым стандартам. Спорткомплекс строился для самых крупных международных и всесоюзных соревнований. В спорткомплексе дол-

жна была тренироваться олимпийская сборная СССР.

По одной из версий строительство стадиона было приурочено к проведению в Москве летом 1957 года VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, тщательная подготовка к которому и ответственность за его проведение, несомненно, легли на плечи Е.А. Фурцевой, находившейся в ту пору у руля столичной партийной власти¹. Другие считают, что мысль выстроить центральный стадион возникла после триумфальных достижений советских спортсменов на летней Олимпиаде 1952 года в Хельсинки. Руководители государства небезосновательно считали, что поддержать победные выступления наших спортсменов может только самая современная материальная спортивная база.

8 мая 1954 года начальник архитектурно-планировочного управления г. Москвы А. Власов направил докладную записку и справки по строительству спортивного комплекса в Лужниках Е.А. Фурцевой, занимавшей в то время пост первого секретаря МГК КПСС. По строительству спортивного комплекса предлагалось два варианта: общая стоимость первого варианта «по ориентировочным подсчетам составляет 420 млн руб.», «второй вариант предусматривает сокращение объема работ. По этому ва-

рианту предусматривается благоустройство не всей территории Лужников, а лишь 60 га, необходимые для размещения спортивных сооружений и организации подъездов. Центральное спортивное ядро заканчивается вчерне, без отделки и оборудования подтрибунных пространств. Гранитная стенка набережной устанавливается не на всем протяжении, а также сокращается объем работ по организации подъездов к стадиону. По этому варианту стоимость работ, по ориентировочным подсчетам, составляла 225 млн руб.²».

Проект строительства спорткомплекса составили за рекордно короткий промежуток времени: всего за 2,5 месяца. Наибольшие сложности вызвал выбор местности. Участок для строительства комплекса должен был быть большим и находиться в зеленом массиве. В то же время объект должен был находиться недалеко от центра столицы и вписаться в ее транспортную карту. Излучина Москвы-реки прекрасно подходила под строительство грандиозного спортивного комплекса. Ничего лучше Лужников найти было трудно. Здесь находилось поселение с избами, бараками и Тихвинской церковью – памятником архитектуры XVIII века. Близость реки и зеленых просторов Ленинских гор, развитие столицы на юго-запад – все это создавало благоприятные

¹ Центральный государственный архив города Москвы (далее - ЦГА Москвы). Ф. П-4. Оп. 95. Д. 1. Л. 114.

² ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 21. Л. 98.

предпосылки для того, чтобы строительство центрального стадиона страны было начато именно на этом месте.

В марте 1955 года вышло решение Исполкома Мосгорсовета по строительству крупнейшего спортивного комплекса страны, подписанное Председателем Исполнительного Комитета Московского совета депутатов трудящихся М. А. Яновым. Городской комитет ВЛКСМ объявил строительство спортивного комплекса в Лужниках ударной комсомольской стройкой. Добровольцы со всех концов страны ехали в Москву на строительство этого уникального спортивного объекта.

В апреле 1955 года в Лужниках снесли все ветхие строения и Тихвинскую церковь, несколько тысяч человек переселили в новые дома. Именно на месте снесенной церкви, в самом центре Малых Лужников год спустя была построена Большая спортивная арена. На месте заболоченных и захламленных Лужников был построен крупнейший в стране Центральный стадион имени В.И. Ленина, раскинувшийся на территории 180 га.

Первый секретарь Московского горкома партии Е. Фурцева была куратором этой грандиозной стройки и контролировала ход строительных работ [10, с. 239]. Время от времени на стройку приезжал и сам Н.С. Хрущёв. Именно благодаря им стройматериалы поставлялись без сбоев. Строительство разворачивалось без выходных, в три смены. Всего в Лужниках трудились 15 тыс. строителей [5, с. 497].

Строительство в короткий срок крупнейшего комплекса спортивных сооружений стало возможным благодаря постоянному вниманию Моссовета, Московской городской партийной организации и московского комсомола. В апреле 1955 года пленум городского комитета ВЛКСМ объявил строительство спортивного комплекса в Лужниках ударной комсомольской стройкой. Бюро горкома ВЛКСМ на своих заседаниях регулярно обсуждало положение дел на стройке. Комсомольская организация строительства помогла юношам и девушкам в короткий срок получить специальности бетонщика, каменщика, экскаваторщика, бульдозериста, монтажника [9, с. 494-495].

При сооружении стадиона были выполнены значительные градостроительные работы, например, было расширено русло реки, и все полукружие окаймлено новой гранитной набережной на протяжении почти 5 км. Из-за высокой заболоченности землю под будущим сооружением пришлось приподнять, вбив в нее десять тысяч свай. На территорию будущего спортивного комплекса было завезено более 3 млн кубических метров грунта [6, с. 135]. В результате произведенных земляных работ уровень местности поднялся в среднем на 1,5 метра и перестал затапливаться каждую весну. Строительство стадиона в столь короткие сроки стало возможным благодаря тому, что планировка всех сооружений была хорошо согласована с их конструкциями.

Проект спортивного комплекса был выполнен большой группой архитекторов и инженеров под руководством А. В. Власова, удостоенных за эту работу Ленинской премии [7, с. 428]. До этого они посетили ряд европейских стран, где были построены крупнейшие стадионы: Великобританию (стадионы «Стемфорд Бридж», «Уайт Харт Лейн», «Олд Траффорд»), ГДР (Рудольф-Харбиг-Арена), Швецию («Stockholms Olympiastadion», «Нью Паркен»).

Этой стройке, начатой по инициативе Н.С. Хрущёва, отводились считанные дни. Большая арена и десятки других масштабных сооружений были выстроены всего за 450 дней. Ударные темпы работы объяснялись тем, что над сооружением спорткомплекса трудилась буквально вся страна. Провинциальное местечко превратилось в «Город спорта» – так называли в советской прессе новый стадион в Лужниках, самый крупный спортивный комплекс страны.

При размещении стадиона была успешно решена важная градостроительная задача: комплекс сооружений Центрального стадиона в Лужниках составил новый градостроительный ансамбль столицы, органически влившийся в Юго-Западный район, что создавало хорошие условия и для спортсменов, и для зрителей. С постройкой Фрунзенского радиуса метрополитена транспортная связь со стадионом стала весьма удобной. Реконструкция большого района Лужников, а затем пробивка Комсомольского

проспекта, соединившего Лужники с центром города, закрепили грандиозную пространственную ось новой Москвы: Центр – Лужники – Юго-Западный район.

31 июля 1956 года был торжественно открыт крупнейший в Европе Центральный стадион им. Ленина. Центральное место в комплексе сооружений заняла Большая спортивная арена с трибунами, рассчитанными на 103 тыс. зрителей. По причине борьбы с излишествами в архитектуре в хрущевскую эпоху стадион строился очень рационально, сиденья для зрителей были деревянные [6, с. 135]. Под трибунами Большой спортивной арены были расположены многочисленные учреждения: спортивные залы, душевые, рестораны, Музей спорта, кинотеатр, гостиница и т.п.

В спорткомплекс входили открытый бассейн для плавания, Малая спортивная арена для ручных игр, Дворец спорта, в котором стали проходить крупнейшие соревнования по фигурному катанию, хоккею, гимнастике, боксу и другим видам спорта. Кроме этих крупных сооружений в зоне стадиона были размещены открытые спортивные площадки для легкой атлетики, футбола, тенниса и др. Отдельно расположился детский городок со спортивными площадками и полями для различных игр.

В основе генерального плана была симметричная композиция, обусловленная в данном случае самой градостроительной ситуацией. Большая спортивная арена становилась центром всей компо-

зиции стадиона. Композиция генерального плана была подчинена необходимости одновременного приема больших масс посетителей. Обильные зеленые насаждения – партеры, цветники, газоны, бульвары и живописно вьющиеся дорожки в границах между аллеями – давали возможность отделить

массовые потоки посетителей от гуляющих в парке. Перед Большой спортивной ареной в апреле 1960 года была установлена скульптура В. И. Ленина, которая до этого экспонировалась в советском павильоне Всемирной выставки в Брюсселе и была удостоена Почетного диплома.

Заключение

Первоначально комплекс назывался «Центральный стадион имени В. И. Ленина» [3, с. 397]. В 1957 году на Большой спортивной арене состоялось открытие VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Когда над стадионом взмыла 100-тысячная стая голубей, по воспоминаниям очевидцев, у зрителей было ощущение всеобщего восторга. Наиболее крупным событием в истории спортивного комплекса стали XXII летние Олимпийские игры, которые проводились в Москве в 1980 году. Центральный стадион стал главным действующим местом этого события. К Олимпийским играм 1980 года спортивные сооружения Лужников были реконструированы и модернизированы. 19 июля 1980 года в огромной чаше на Большой спортивной арене Центрального спортивного комплекса вспыхнул олимпийский огонь. Здесь же прошли церемонии торжественного открытия и закрытия игр. В Лужниках проводились соревнования по футболу, водному поло, легкой атлетике, волейболу, дзюдо и по другим видам спорта.

Церемонию закрытия помнят многие: символ Олимпиады – олимпийский Мишка – улетает со стадиона в Лужниках. Это был один из самых сентиментальных эпизодов за всю историю проведения Олимпийских игр.

Современное официальное название олимпийский комплекс «Лужники» получил весной 1992 года. Он состоит из 140 различных спортивных сооружений и является одним из крупнейших спортивных сооружений мира. Здесь тренируются олимпийские команды по нескольким видам спорта.

Стадион неоднократно реконструировался. Последняя реконструкция Лужников состоялась к чемпионату мира по футболу 2018 года. Власти столицы при реконструкции сохранили фасады и исторический облик стадиона.

Сегодня основной достопримечательностью этой местности является изумительной красоты спортивный город, расположенный как бы на дне огромной чаши, которая находится в непосредственной связи с историческим названием.

Список литературы

1. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч.4: Л., Наука. 1983. 351 с.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М. - Л.: Академия наук СССР. 1950. 585 с.
3. Ежегодник Большой советской энциклопедии. М.: Советская энциклопедия. 1980. 584 с.
4. Забелин И. Е. История города Москвы. М.: Столица. 1905. 651 с.
5. Иванов О.А. От Крымского вала до Воробьевых гор. Исторический путеводитель. М.: Центрполиграф. 2015. 528 с.
6. Иконников А.В. Архитектура Москвы. XX век. М.: Московский рабочий. 1984. 222 с.
7. Москва: диалог путеводителей. М.: Московский рабочий. 1982. 496 с.
8. Мячин И. К. По Москве-реке. М.: Московский рабочий. 1977. 336 с.
9. Очерки истории Московской организации ВЛКСМ. М.: Московский рабочий. 1976. 736 с.
10. Памятники архитектуры Москвы. М.: Искусство. 1983. 504 с.
11. Скворцов Н. А. Московская Тихвинская, что в Малых Лужниках, за Новодевичьим монастырем, церковь. М.: Унив. тип., 1893. 109 с.
12. Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. М.: Наука. 1982. 176 с.

GORLOV Vladimir N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies of the Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow, email: gorlov812@mail.ru.

Keywords: City of Sports, Luzhniki, stadium, settlement, Novodevichy Convent, water meadows, Sparrow Hills.

THE HISTORY OF THE LUZHNIKI STADIUM: FROM THE SETTLEMENT TO THE ARENA

Annotation

The article examines the history of the territory of the Moscow settlement, which was called “Luzhniki”. The article analyzes versions of the name of this area. The author in his article touches on the history of the Novodevichy Convent ensemble. The article examines the process of settling the territory of Luzhniki, how the appearance of Luzhniki has changed over several centuries. The natural features of the Luzhniki territory are analyzed in detail. The article examines the history of the construction of the main sports arena of the Soviet state. The author analyzes the social conditionality of the creation of this unique sports complex, which has become one of the main symbols of the city.

References

1. Acts of feudal land tenure and economy. Part 4. L.: Nauka. 1983. 351 p.
2. Spiritual and contractual charters of the great and appanage princes of the XIV-XVI centuries. M. - L.: Academy of Sciences of the USSR, 1950. 585 p.
3. Yearbook of the Great Soviet Encyclopedia. M., Soviet Encyclopedia. 1980. 584 p.
4. Zabelin I. E. History of the city of Moscow. M., Stolitsa, 1905. 651 p.
5. Ivanov O.A. From Krymsky Val to Vorobyovy Gory. Historical guide. M.: Tsentrpoligraf, 2015. 528 p.

-
6. Ikonnikov A.V. Architecture of Moscow. XX century. M., Moscow worker. 1984. 222 p.
 7. Moscow: dialogue of guidebooks. M.: Moscow worker. 1982. 496 p.
 8. Myachin I.K. Along the Moscow River. M.: Moscow worker. 1977. 336 p.
 9. Essays on the history of the Moscow Komsomol organization. M., Moscow worker. 1976. 736 p.
 10. Architectural monuments of Moscow. M.: Art, 1983. 504 p.
 11. Skvortsov N.A. Moskovskaya Tikhvinskaya, in Small Luzhniki, behind the Novodevichy Convent, church. M.: Univ. typ. 1893. 109 p.
 12. Smolitskaya G. P., Gorbanevsky M. V. Toponymy of Moscow. M.: Nauka. 1982. 176 p.

КОНСЕРВАТИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ: ПОИСК КОМПРОМИССА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

Аннотация

В статье автор делает обзор современных исследований по истории развития консерватизма в России. В частности рассматривается проблема поиска компромисса между консервативным и либеральным подходами в контексте развития отечественной исторической науки.

Заметное место в рамках рассматриваемого дискурса занимают публикации, авторы которых сосредоточили свое внимание на проблемах, касающихся совместности ценностей консерватизма и либерализма, возможности их политического симбиоза, синтеза идейных установок. Решение этих проблем, с точки зрения ряда авторов, позволяет выявить механизмы функционирования существующих политических систем, перспективы их развития, определить опти-

мальные условия для преодоления накопившихся в обществе противоречий. Как отмечают в этой связи А. И. Вакула и И. М. Вакула, в настоящее время для многих сторонников консерватизма либерализм перестал быть только конкурирующей (а то и просто враждебной) идеологией. При этом все чаще отмечают необходимость синтеза консерватизма и либерализма, дополнение первого вторым и превращение либерализма в «консервативный либерализм» – но-

ВИТИТНЕВ Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и права Государственного университета просвещения, Россия, Москва, email: ivan439@ya.ru, SPIN-код: 7790-3039.

Ключевые слова: консерватизм, консервативный либерализм, либеральный консерватизм, либер-консерватизм, идеология, синтез.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_182

вейший вариант идеологии «третьего пути» [1, с. 23]. Следует отметить, что оценки и подходы, даваемые различными авторами, далеко не всегда носят однозначный характер и совпадают друг с другом, что находит выражение как в противопоставлении консерватизма и подвергаемого критике либерализма, так и в обосновании необходимости инкорпорирования в идеологию консерватизма ряда положительных либерального звучания.

Наиболее негативные суждения о природе либерализма и целесообразности синтеза его установок с установками консервативного происхождения высказывают авторы, близкие к Русской православной церкви. Так, П. Троицкий в своей статье «Нужен ли России либеральный консерватизм?», пишет, что либерализм, прикрытый консерватизмом, начисто отменяет какие-либо идейные ценности, ставит в основу государственное стяжательство, прикрытое национальными интересами [2].

По словам А. В. Щипкова, либерализм доминирует в современном мире, поглотив все другие идеологии. Но становится ясно, что «он не в состоянии сохранить верность собственным основам», и его претензии на универсальность общественной модели оказались ложными, «обернулись утопией». Отвергая либеральный консерватизм – консерватизм с либеральной стилистикой, А.В. Щипков, как упоминалось выше, противопоставляет ему «левый или социальный консерватизм, пытающийся соединить идеи

традиционных ценностей и социальной справедливости [3].

С критических позиций оценивает либерализм, его социально-экономическую политику либерализма и его идеологические установки Э. М. Спирова, по заключению которой «экономическая модель либералов привела к социальной поляризации и хаосу в организации всей общественной жизни, сокращению расходов на оборону и на социальные программы». Что же касается ценностей и представлений, то они ошибочны и утопичны, проникнуты духом прогрессизма и рационализма, основываются на идее обретения индивидом максимальной свободы, а значит непонимания того, что свобода не может быть безграничной, а ее наличие привело бы к социальному хаосу [4].

Мысль об утопичности либерализма присутствует в концепции Е. В. Григорова. С его точки зрения признания возможности достижения высшей стадии прогресса, коей для либералов является современное капиталистическое общество, делает либерализм утопическим учением, поскольку ценности либералов – действующие политические институты, т. е. ценности не сами по себе, а ценности вторичные, являющиеся копиями первичных ценностей, это идеалы рынка, свободы, демократии, собственности и т.д. [5, с. 34].

Согласно концепции Н. А. Баранова, кризис социалистической идеи и разочарование в либеральной идеологии способствовали тому, что в России оказался востребован

консерватизм в симбиозе с другими идеологическими доктринами, свидетелем чего стало появление такого понятия как «либеральный консерватизм». При этом синтез консерватизма и либерализма может быть перманентным процессом, результаты которого будут зависеть как от соотношения компонентов, так и воздействия внешних условий, результатом чего становится появление понятий «либерального консерватизма» и «консервативного либерализма», которые часто используются как синонимы, хотя они и содержат определенные смысловые оттенки [6, с. 91]. Такого рода синтез закономерен и желателен, поскольку либерализм «как идеология и политическая практика доказал свою жизнеспособность» и обстоятельством, подтверждающим это, по заключению автора, является тот факт, что все страны, достигшие наиболее значительных результатов в своем развитии, использовали либеральные принципы и ценности в различных соотношениях с другими», в том числе и консервативными [6, с. 92]. Однако идеализация либерализма приводит к игнорированию национальных особенностей, оставляет на «обочине жизни» значительные слои населения [6, с. 92].

О соединении по ряду позиций либерализма и консерватизма, результатом чего становится появление либер-консерватизма, ориентированного на идеи, некогда провозглашенные английским либералом XVII – начале XVIII века Дж. Локком, пишет Г. П. Хорина [7, с. 84]. Эта же

мысль нашла отражение в статье Е. С. Гаджиева, указавшего на формирование во второй половине XX века в странах Запада либерально-консервативного консенсуса, касающегося ценностей, принципов, установок, моделей решения стоящих перед обществом проблем [8, с. 34].

Заметно compleментарен по отношению к либерализму С. С. Иванов, согласно утверждению которого, «одной из ключевых теорий и практик политических отношений, направленных на интеграцию свободы и солидарности, права и политики на основе социальной справедливости, является идеология либерального консерватизма» [9, с. 96]. Подчеркивая, что либеральный консерватизм – синтез идей в политической философии XVIII-XIX вв., к числу его сторонников в России он относит весьма широкий круг мыслителей и политических деятелей – славянофилов, П. А. Столыпина, юристов Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, философов-правоведов П. И. Новгородова, С. А. Франка, религиозных философов В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и др.

Согласно утверждению В. В. Разуваева, современный российский либерализм маргинализирован и изначально его слабым местом «была явная ассоциация с Западом», а политическое представительство либерального движения дискредитировало само понятие «либерализм». Однако автор не предлагает отлучить либералов от участия в политике, делая вывод, что полное доминирование в этой сфере консерваторов контрпродук-

тивно для них самих, а значит, необходима конкуренция со своими либеральными оппонентами. Условием чего должен стать отход либерализма от нынешних тенденций и приобретение нового статуса в обществе [10].

Другой автор, А. Кутай, приходит к выводу о том, что господство одной идеологии, либеральной либо консервативной и соответствующих им технологий социального развития контрпродуктивно для современной России. Он утверждает, что вызовам времени отвечает идеология консерватизма, предполагающая сочетание консервативных и либеральных решений и практик.

В. А. Гуроров, обращаясь к истории развития консерватизма на Западе, свидетельствующей о наличии в его идеологии ценностных инверсий, связанных с рецепцией идей раннего либерализма, цитирует американского политического философа И. Кристола, писавшего, что консерватизм пытается «выйти за пределы» современного либерализма путем возврата к подлинным истокам либерального мировоззрения с целью исправить искажения либеральной ортодоксии» [11].

По словам Н. В. и Д. А. Честнейших, наличие противоположностей между с консерватизмом и либерализмом свидетельствует не только об их различии, но и наличии единого ценностного смыслового поля. Это определяется тем, что они выросли на одной культурно-исторической почве, а потому возможны самые разнообразные их сочетания. И хотя они сформировались в эпоху

модерна, но не утратили значимость в современном обществе эпохи постмодерна, а их диалог формирует условия для противостояния угрозам дальнейшему цивилизационному развитию [12, с. 98].

О набирающем силу в российской политической культуре консервативного тренда пишет Н. М. Шестов, упоминая, что идея синтеза лучшего в консерватизме и либерализме владеет умами многих представителей политического сообщества [13, с. 55].

С точки зрения А.В. Малащенко, консерватизм и либерализм, вопреки бытующим представлениям об их антагонизме, не являются непримиримыми врагами, а напротив, находятся друг с другом в эффективном взаимодействии, корректируя и совершенствуя друг друга, так как консерватизм без либерального воздействия превратился бы в гибельный для общества обскурантизм, а либерализм без своего оппонента пойдет по пути радикализации и обретет экстремистские черты [14].

Закономерность возникновения тенденции к сближению позиций либералов и консерваторов отмечает А. Малер, по словам которого, идеология либерального консерватизма в наибольшей степени соответствует политическим тенденциям постсоветской эпохи, особенно «путинских» 2000-х годов, когда излишний крен в сторону либерализма периода «ельцинских» 90-х сменился противоположным креном в консервативную сторону.

Свое видение сущности идейно-политического феномена консер-

ватизма, его структурной организации, а также совместимости мировоззренческих установок и ценностных оснований с теми, что характеризуют традиционализм, либерализм, социализм, в статье «К вопросу об “общем знаменателе” различных типов консерватизма» раскрывает И. В. Дёмин.

Подобно многим другим исследователям он обращается к вопросу о том, является ли консерватизм самостоятельной идейно-политической и мировоззренческой парадигмой или естественной реакцией на радикализм, в связи с чем вспоминает исследовательские подходы К. Мангейма и С. Хантингтона. Соглашаясь с точкой зрения, что консерватизм не выступает как целостная политическая теория и не выступает как идеационная идеология, автор утверждает, что консерватизм оппонирует либерально-прогрессистскому типу мышления не на уровне политических ценностей, идеалов, программ и проектов, не на уровне политологии и политической аксиологии. Уровень противостояния – это уровень эпистемологии и онтологии. Исходя из этого, он утверждает, что консервативный стиль мышления не следует рассматривать как выражение внеисторической характеристики человеческой психики (ситуативный подход). Его должно изучать «не в контексте психологии, но в контексте истории идей, духовной культуры и философии, что открывает возможность понять консерватизм как самостоятельную идейную традицию, обнаруживая его социально-историче-

скую обусловленность» [15, с. 43-44]. При этом трактовка консерватизма как стиля мышления и способа миропонимания предполагает его осмысление как в качестве политической идеологии и даже политической программы. Отмечая, что термином «консерватизм» часто обозначают совершенно различные мировоззренческие и идейные установки, И. В. Дёмин высказывает суждение, что это обстоятельство не должно стать преградой для выработки интегрального понимания сущности консерватизма как идейно-политического феномена. Ссылаясь на положения, представленные в работах А. Г. Дугина, автор утверждает, что интегральное понятие консерватизма не выводимо из определенных ценностей и постулатов, а сам консерватизм «сущностно многообразен» и якобы не имеет «общественного идеала», но это не означает невозможность проведения границы между ним и либерально-прогрессистским и социалистическим стилями мышления.

Призывая осмыслить единство консерватизма, избегая универсалистских схем, противоречащих сути консервативного миропонимания, И. В. Дёмин выделяет основные типы консерватизма – традиционализм или фундаментальный консерватизм, либеральный консерватизм, сегодня – консерватизм и «революционный консерватизм», характеризуя идейно-политическую специфику каждого из них, определяющую выбор оснований для критики и прочих идеологических парадигм. Соот-

ответственно таким основаниям о традиционализме выступает примордиальная традиция, в либеральном консерватизме – презумпция общества и культуры модерна, в социал-консерватизме – укорененность в традиции, национальная самобытность и идеал социальной справедливости, а в революционном консерватизме – разрыв с ложно понятой традицией, возвращение к традиции подлинной и революции «справа», противопоставляемая революция левых сил [15, с. 51]. Задаваясь вопросом, что является «общим знаменателем различных типов консерватизма, дающим основания причислять их все к одному и тому же способу миропонимания, И. В. Дёмин указывает на антиуниверсализм, связанный с отсутствием склонности апеллировать к «общечеловеческим ценностям» и «всемирно-историческим закономерностям»: антипрогрессизм, антимодернизм и антиуто-

пизм. Однако интегральное понимание консерватизма может быть выражено с помощью формулы «консерватизм есть защита границ и апология ограниченности» [15, с. 54]. Конкретизируя сказанное, автор указывает, что речь идет о границах, конститутивных для человеческого способа существования (границы между человеческими и нечеловеческим). Специфика консервативного мировоззрения заключается в том, что консерватизм интересуется не вопросом, «как преодолеть границы», а как их удержать, сохранить и защитить. Консерватизм, делает вывод И. В. Дёмин, в фундаментально-онтологическом и фундаментально-антропологическом смысле – это отстаивание тех или иных консервативных границ, а защита ограниченности человеческого бытия, т.к. только ограниченное может обладать определенностью, а значит и идентичностью [15, с. 54].

Список литературы

1. Вакула А. И., Вакула И. М. Перспектива достижения консервативно-либерального консенсуса в современном российском обществе // *Философия права*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского юридического института МВД России. 2010. № 4. С. 21-27.
2. Троицкий П. Нужен ли России либеральный консерватизм? // <http://www.pravaya.ru/look/9867> (дата обращения 20. 06. 2024).
3. Щипков А. В. Новый русский консерватизм / Доклад на XXI Всемирном русском соборе // www.patriarhia.ru/ab/text/5295648.html (дата обращения: 12. 06. 2024).
4. Спирова Э. М. Консерватизм VS либерализм // *Век глобализма*. 2016. № 4. С. 13-22.
5. Григоров Е. В. Онтологические основы консерватизма и утопизма // *Философия права*. 2012. № 4 (53). С. 29-34.

6. Баранов Н. А. Либерально-консервативный синтез в России: история и перспективы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование: политология, экономика, право. 2010. Т. 3. № 5. С. 90-102.
7. Хорина Г. П. Идеология консерватизма и управление современной Россией // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 84-92.
8. Гаджиев К. С. Либерально-консервативный консенсус в странах Запада // Власть, 2015. №.1. С. 34-38.
9. Иванов С. С. Политические истоки либерального консерватизма // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 6. С. 95-99.
10. Разуваев В. В. Современный российский консерватизм: тезисы для дискуссии // Современные научные исследования и инновации: электронный научно-практический журнал. 2017. № 2. С. 695-697.
11. Гуторов В. А. Консервативная традиция в прошлом и настоящем: основные уроки для посткоммунистической России // Вестник Поволжского института управления, 2016. №6 (57). С. 29-39.
12. Честнейшин Н. В., Честнейшина Д. А. Соотношение универсальных и относительных ценностей в атмосфере консерватизма и либерализма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 1 (87). С. 98-102.
13. Шестов М. Н. Перспективы синтеза либерализма и консерватизма в современной России // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6 (57). С. 55-61.
14. Малащенко А.В. Консерватизм и либерализм: петь только дуэтом https://www.n.g.ru/ideas/2017-06-20/5_7011_constrvatism.html (дата обращения: 21. 06. 2024).
15. Дёмин И. В. К вопросу об «общем знаменателе» различных типов консерватизма // Политика и Общество. 2017. № 9. С. 42-58.

VITITNEV Sergey F. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law of the State University of Education, Moscow, Russia, email: ivan439@ya.ru.

Keywords: conservatism, conservative liberalism, liberal conservatism, ideology, synthesis.

CONSERVATISM AND LIBERALISM: THE SEARCH FOR A COMPROMISE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE IN RUSSIA

Annotation

In the article, the author reviews modern research on the history of the development of conservatism in Russia. In particular, the problem of finding a compromise between conservative and liberal approaches in the context of the development of Russian historical science is considered.

References

1. Vakula A. I., Vakula I. M. The prospect of achieving a conservative-liberal consensus in modern Russian society // Philosophy of Law. Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 4. pp. 21-27.
2. Troitsky P. Does Russia need liberal conservatism? // <http://www.pravaya.ru/look/9867> Russian Russian Conservatism (accessed 20. 06. 2024).
3. Shchipkov A.V. The New Russian Conservatism / Report at the XXI World Russian Council // www.patriarhia.ru/ab/text/5295648.html (date of application: 12. 06. 2024).
4. Spirova E. M. Conservatism VS liberalism // The age of globalism. 2016. No. 4. pp. 13-22.
5. Grigorov E. V. Ontological foundations of conservatism and utopianism // Philosophy of Law. 2012. No. 4 (53). pp. 29-34.

6. Baranov N. A. Liberal-conservative synthesis in Russia: history and prospects // Problem analysis and state-management design: political science, economics, law. 2010. Vol. 3. No. 5. pp. 90-102.
7. Khorina G. P. Ideology of conservatism and management of modern Russia // Knowledge. Understanding. Ability. 2012. No. 3. pp. 84-92.
8. Gadzhiev K. S. Liberal-conservative consensus in Western countries // Vlast, 2015. No. 1. pp. 34-38.
9. Ivanov S. S. The political origins of liberal conservatism // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2017. Vol. 17. No. 6. pp. 95-99.
10. Razuvaev V. V. Modern Russian conservatism: theses for discussion // Modern scientific research and innovations: electronic scientific and practical journal. 2017. No. 2. pp. 695-697.
11. Gutorov V. A. Conservative tradition in the past and present: basic lessons for post-communist Russia // Bulletin of the Volga Institute of Management, 2016. No.6 (57). pp. 29-39.
12. Chestershin N. V., Chestershina D. A. The ratio of universal and relative values in the atmosphere of conservatism and liberalism // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma. 2018. No. 1 (87). pp. 98-102.
13. Shestov M. N. Prospects for the synthesis of liberalism and conservatism in modern Russia // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2016. No. 6 (57). pp. 55-61.
14. Malashenko A.V. Conservatism and liberalism: sing only a duet https://www.n.g.ru/ideas/2017-06-20/5_7011_constrvatism.html (date of application: 21. 06. 2024).
15. Demin I. V. On the question of the “common denominator” of various types of conservatism // Politics and Society. 2017. No. 9. pp. 42-58.

ТУРЦИЯ КАК ПРОВОДНИК НАЦИОНАЛЬНЫХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация

В исследовании изучаются исторические особенности существования Турции в рамках проявления национальных и интернациональных интересов в Центрально-Азиатском регионе. Актуальность обусловлена вниманием государства к сотрудничеству с другими соседствующими территориями, в рамках обеспечения культурного, исторического, религиозного, политического единства.

В результате исследования отражены аспекты значимости моделей соприкосновения политики и интересов Турции и центрально-азиатских государств. Выделены основные ориентиры обеспечения устойчивости региона и взаимной заинтересованности всех стран в противостоянии вызовам современности. Представлены авторские выводы, касающиеся поддержания и дальнейшей регионализации политических, интернациональных, международных взаимоотношений всех игроков на данной территории.

ПЕТРОВ Николай Дмитриевич – соискатель кафедры общей истории Государственного университета просвещения, Россия, Москва, email: niko.petrov355@gmail.com.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, Республика, соглашение, сотрудничество, образование, интерес, население.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_191

Введение

Турецкая Республика (далее ТР) – страна с богатым историческим наследием, которая играет ключевую роль в политической и культурной истории Центральной Азии (далее ЦА). Геополитическое положение на перекрестке континентов делает ее важным мостом между Востоком и Западом. История ТР охватывает эпоху существования могущественной империи, становления республики современного периода, при этом каждый этап оказал влияние на формирование национальных и интернациональных интересов в регионе ЦА. Значение Турции на данной территории обусловлено не только общими историческими и культурными корнями, но и стратегическими планами, которые проявляются в различных аспектах – от экономических связей до политического взаимодействия [1].

Целью исследования является проведение ретроспективного анализа становления Турции в качестве проводника национальных и интернациональных интересов в Центральной Азии.

Материалы и методы исследования. Основаны на ретроспективном анализе международных соглашений между Турцией и странами ЦА за 1990–2022 гг., сравнительном анализе, синтезе мнений.

Результаты исследования. В начале 90-х годов XX века Центрально-Азиатский регион стал местом сосредоточения активной деятельности ТР и проявления дипломати-

ческой активности. Изначально господствующая на данной территории идеология Советского Союза представляла серьезную угрозу для турецкой военной и политической элиты. С его распадом Россия оказалась ослабленной, отделенной от турецких границ странами Закавказья и лишенной большей части черноморского побережья. Совместно с этим, возникла угроза снижения роли ТР для Соединенных Штатов Америки (далее США). Это означало отдаление перспектив вступления Турции в Европейский союз, что являлось на тот момент главным направлением внешней политики страны. Случившиеся в период с 1990 по 2000 годы события позволили Турции развить более тесное взаимодействие с новыми независимыми территориями Закавказья и ЦА. При этом главным для Анкары являлось получение возможности закрепления собственных позиций в области ЦА на фоне ограничения возможности для России усиления сил на смежных рубежах. Ожидаемый эффект касался выделения значимости ТР для США и других лидеров среди западных стран [2, с. 84].

С поднятием знамени ТР в 1923 году под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка, страна начала укреплять свои позиции как ключевого игрока в регионе ЦА. Во время становления новой государственности ТР стремилась формировать связи с тюркскими народами ЦА, обращая внимание на общность

языка, культуры и исторических связей. Эти усилия обрели новый импульс после распада СССР и обретения независимости постсоветскими центральноазиатскими государствами в начале 1990-х годов. История становления отношений между ТР и странами ЦА имеет богатый потенциал, чему способствовали экономические достижения, этническое сходство и языковая близость между турками и тюркскими народами ЦА. Кроме того, для многих территорий данного региона «турецкая модель» развития является показательной, поскольку правительство Турции умело совместило прочную исламскую традиционность и советскую политическую систему с элементами западной демократической среды. В 1991-1992 гг., когда в ЦА господствовала идеологическая экспансия Ирана, США, Великобритании и руководство НАТО стремились оказать моральную и политическую помощь Анкаре в деле закрепления ее позиций в ЦА [3].

Четыре из пяти государств, расположенных на территории постсоветского региона ЦА, которые были организованы в период распада СССР, имеют подавляющее большинство тюркоязычных граждан. Когда образованные новые страны получили суверенитет, они начали усиленно интегрироваться в мировое сообщество. ТР в числе первых высказывалась о необходимости признания независи-

мости новых республик Азии (16 декабря 1991 г. Анкара признала независимость всех пяти постсоветских государств региона) и Кавказа. Подобные действия давали шанс ТР включить в свое поле влияния будущие мусульманские республики ЦА. С данного момента страна активно взаимодействовала и налаживала сотрудничество с представителями региона по различным направлениям развития. Министерство иностранных дел ТР поясняло собственную заинтересованность в данном процессе в виде необходимости обеспечения безопасности и устойчивости существования всего Евро-Атлантического региона, поскольку он обладает стратегическими запасами энергетических ресурсов, сосредотачивает в себе узлы нефте- и газопроводов¹.

Утверждая свой статус в качестве главного проводника тюркской исламской культуры, ТР активно искала пути углубления экономических, политических и культурных связей, поддерживая проекты в области образования, инфраструктуры и торговли. Одним из ключевых элементов национальных интересов ТР в ЦА является продвижение концепции «пантюркизма», направленной на укрепление связей между тюркоязычными народами. Анкара поддерживала развитие культурных и образовательных программ, стремясь сыграть роль моста между Западом и Востоком. Также значитель-

¹ Turkey's Relations with Central Asian Republics // http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (дата обращения: 22.04.2024).

ное внимание уделялось экономическому сотрудничеству, особенно в энергетическом секторе, где ТР принимала усилия налаживания транспортировки энергетических ресурсов из ЦА в Европу, обходя территорию России. Этот подход позволяет Турции не только расширять свое влияние в регионе, но и способствует укреплению национальной экономики, обеспечивая энергетическую безопасность и открывая новые рынки для турецких товаров и услуг [4].

В начале 1992 года правительство ТР занималось выделением гуманитарной и кредитной помощи субъектам ЦА, налаживало теле- и радиовещание, устанавливало прямые воздушные сообщения между городами ЦА и ТР. Июль 1992 года ознаменовался подписанием контракта о разработке нефтяных месторождений на территории Республики Казахстан (далее РК). При этом главная инициатива ТР, касающаяся создания союза тюркских государств, не получила должной поддержки от представителей ЦА. Это подтверждают итоги встречи данных государств в октябре 1992 года. Поэтому Турция в то время еще не добилась должного влияния на регион, поскольку ее лидерство было оспорено другими сторонами процесса. Предложенные властями Анкары проекты (создание общего рынка для тюркских государств, организация банка развития) не получили поддержки и продолжения. Президент РК Н. А. Назарбаев на встрече подчеркнул нацеленность на поддержание отношений

в рамках существования Содружества Независимых Государств. Большинство государств высказали отказ в признании доминирования Турции в ЦА, а также категорически высказались о конфликтах в Нагорном Карабахе, Боснии и Герцеговине. Поэтому к середине 90-х годов эта инициатива отошла на задний план [5].

Несмотря на неудачи, ТР продолжала укреплять свои позиции в регионе, особенно в рамках воздействия на экономическую и культурную сферы. В своем стремлении расширить спектр влияния, она использовала различные инструменты, включая работу государственного агентства ТИКА, которое предоставляло техническую и финансовую поддержку, а также осуществляла активные капиталовложения турецких предпринимателей в проекты стран ЦА. Например, направленные в РК турецкие инвестиции позволили создать совместное предприятие «Казтуркмунай» и «Казмунайгаз» в 1993 году. По мере развития отношений между РТ и РК, объем турецких вложений в страну к середине 1990-х годов достиг 213 млн долл., что свидетельствует о постепенном укреплении экономических связей между этими двумя государствами [5, 6].

Особое внимание следует также уделить становлению турецко-киргизских взаимоотношений. Сотрудничество между Кыргызстаном и ТР за последние годы приобрело новый виток развития, причем его аспекты охватывают как экономические, так и полити-

ческие сферы. Геополитические изменения в регионе ЦА, особенно после того как страны НАТО разместили воинские контингенты, подтолкнули к глубокому переосмыслению международных отношений между представителями данной территории. В экономическом плане Турция оказалась важным инвестором для Кыргызстана. В республику были вложены значительные средства, которые направились на развитие ряда ключевых отраслей. Среди успешных проектов, реализованных на турецкие кредиты, стоит отметить развитие сферы обслуживания, включающей:

- открытие новых гостиниц;
- запуск сети кафе и ресторанов;
- создание магазинов, как местных, так и представляющих турецкие бренды;
- развитие туристических инфраструктурных объектов, призванных привлекать туристов со всего мира [5].

Тем не менее, в сравнении с другими государствами региона, объем турецких инвестиций в Кыргызстан пока что остается скромным. Основной причиной этому является политическая нестабильность в Кыргызстане, что выступает отталкивающим фактором для иностранных инвесторов, в том числе и для турецких бизнесменов. Отсутствие политической устойчивости подрывает их доверие и тормозит процесс «вливания» новых средств в экономику страны. Укрепление кыргызско-турец-

ких отношений с середины 90-х годов идет на пользу не только двусторонним связям, но и вносит вклад в стабилизацию и развитие Центрально-Азиатского региона в целом. К середине 1990-х годов общий объем инвестиций от турецких компаний в ЦА достиг впечатляющего показателя в 3,7 млрд долл. Подобные действия показали реальный и долгосрочный интерес турецкого правительства в закреплении влияния на ЦА, что дало результаты в виде стимулирования роста занятости и повышения качества жизни населения территорий. Турецкий государственный Экспортно-импортный банк выделил кредит в размере около 350 млн долл. В конце 1990-х годов Турция была ведущим инвестором в Туркменистане, занимала по объемам вложенных средств четвертое место среди иностранных инвесторов в Казахстане и второе – в Кыргызстане [7, 2].

Еще для одной из ведущих государств ЦА – Туркменистана, Турция стала главным внешнеторговым союзником. Например, в 2000 году товарооборот между странами составлял более 9%, в 1998-1999 гг. ТР являлась главным партнером страны в рамках обеспечения торговых отношений. Тогда как с Казахстаном и Узбекистаном товарооборот имел меньшую значимость. При этом экспорт товаров во много раз превосходил импорт, ТР отправляла в ЦА продукты производства легкой и пищевой промышленности, поставляя себе хлопок, черные металлы и т.д.

В 1993 году было подписано соглашение о создании Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ). Это положило начало взаимодействию стран в области культуры и образования, происходил обмен знаниями и студентами, открывались образовательные учреждения, совместно проводились различные культурно-образовательные мероприятия. Турция выступала содействующим лицом в деле перевода письменности стран ЦА на латынь. Турецкие неправительственные учреждения создавали в ЦА лицеи, в которых к концу 90-х годов обучалось более 2500 туркменских, казахских и киргизских студентов [8].

Особое внимание историков и аналитиков привлекает политика узбекского руководства в отношении усиления образовательного влияния ТР в регионе. В 1997 году оно приняло решительные меры, выразившиеся в массовом возвращении студентов из-за рубежа. Преобладала обеспокоенность тем, что учебные заведения за границей, в частности в Турции, могут служить плацдармом для распространения радикальных исламистских идей. По этой причине из ТР было отозвано порядка двух тысяч узбекских студентов. В последующие годы власти страны приняли меры, закрыв все турецкие лицеи и официально аннулировав существующее соглашение о студенческом обмене с Анкарой. Эти действия были направлены на укрепление внутренней образовательной

политики и предотвращение внешнего воздействия. Соседние субъекты ЦА при этом продолжали укреплять связи с ТР в сфере образования. Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан приветствовали расширение сети турецких образовательных институтов на своей территории [5, 9, 10].

Особое внимание также уделялось построению военной образовательной стратегии, что обуславливало результативность взаимодействия между Анкарой и странами ЦА. В частности, значительное число военнослужащих из Туркменистана получало знания и навыки в турецких военных заведениях – в то время насчитывалось 212 обучающихся. Казахстан и Кыргызстан также активно сотрудничали с Турцией в данном направлении, отправив соответственно 90 и 46 своих представителей для военной подготовки в турецких университетах. Эта статистика отражает тактическую цель ТР в укреплении военного, культурного и интернационального сотрудничества с государствами, имеющими общие лингвистические и исторические корни.

Далее, в 1998 году, укрепляя международные связи, ТР открыла в Анкаре центр подготовки офицеров. Учебное учреждение было создано в рамках международной инициативы «Партнерство ради мира», что стало значимым шагом в поддержании стабильности и закреплении позиций ТР в ЦА. Данный центр предоставил уникальную возможность для офицеров из различных стран в улучшении сво-

их профессиональных навыков и расширении международного военного сотрудничества. Всего в течение 1990-х гг. в Турции было обучено около 1800 военнослужащих из тюркоязычных стран [11].

Начиная с 2000-х годов XXI века Турция также поддерживала высокий уровень активности в направлении центральноазиатских территорий. Это было связано не только с общей заинтересованностью, но и с разочарованием страны в европейской модели внешнеполитического союзничества. С того момента инициативы ТР и стран ЦА были совместно ориентированы на компенсацию недостатка динамизма со стороны сохранения контакта с Европейским союзом. В перспективе укрепление позиций ТР в ЦА в современное время трактовано многими исследователями в качестве сохранения роли глобального игрока на политической арене. В центре этих усилий находится стратегическая задача – содействие единению тюркских государств ЦА под единой координацией и лидерством Анкары. Для осуществления этой амбициозной цели ТР сыграла ключевую роль в формировании Организации тюркских государств (далее ОТГ), официально созданной в 2009 году. К списку учредителей ОТГ присоединились не только ТР, но и другие крупные страны региона: Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан, что знаменовало на-

чало новой эры во взаимоотношениях тюркских народов. Узбекистан при этом только в 2018 году стал полноправным членом ОТГ, в то время как Туркменистан в 2021 году присоединился к организации в качестве наблюдателя [12].

Как было описано выше, уже с 1990-х годов ТР пытается заручиться политической поддержкой от стран ЦА по вопросу признания независимости Северного Кипра, но продвижений до сих пор не отмечалось. В ноябре 2022 года ТР предприняла новую попытку давления на представителей региона, министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу написал в соцсети *Twitter*, что Северный Кипр был принят в качестве члена-наблюдателя ОТГ. При этом другие субъекты, входящие в ОТГ, не давали официальных комментариев касательно вышесказанного². Исключением явилось проявление открытой позиции Узбекистана, члены министерства которого заявили об отсутствии оснований для признания Северного Кипра в качестве независимой территории [12].

Обсуждение и выводы. Таким образом, построенная с 90-х годов XX века стратегия Анкары по объединению тюркских государств ЦА вокруг общих интересов и ценностей показала свою эффективность в решении многих вопросов. Содействие развитию тесных связей между этими странами в рамках ОТГ отражает не только желание укре-

² Анкара и Ташкент поспорили о роли Северного Кипра в тюркской организации // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/636e20969a7947fa2fb978aa> (дата обращения: 05.10.2023).

пить региональное влияние, но и стремление к созданию сильного и сплоченного сообщества тюркских народов, способного вместе противостоять вызовам современности. Важно подчеркнуть, что стратегия диверсификации внешнеполитических связей позволяет республикам региона ЦА укреплять свои позиции на мировой арене, обеспечивая более широкий спектр выбора в отношениях с разными странами. Это, в свою очередь, способствует формированию более устойчивых и взаимовыгодных контактов. На наш взгляд, главной предпосылкой усиления позиций Турции в ЦА является совпадение исторически сложившихся фактов, таких как:

- распад Советского Союза, который до 90-х годов считался беспрекословным лидером на данной территории;
- вложение огромных усилий правительства ТР в отношении экономического, политического и военного усиления, что позволило ей

заявить о своих лидерских позициях в ЦА;

- ослабление других стран в ЦА, что вынудило их искать стороннюю поддержку;

- национальное и интернациональное единство, культурная, языковая близость турецкого народа с тюркским населением ЦА;

- поддержка турецкой политики со стороны Америки и Западных стран.

История показывает, что основные усилия ТР были направлены на расширение спектра экономических и военно-политических отношений, на изучение рыночных условий для инвестирования и создания взаимовыгодных торговых союзов. Описанные выше перспективы дали толчок турецкому предпринимательству, образованию и инвестиционной активности, что благоприятно сказалось на трансформации позиции всего Центрально-Азиатского региона в мировом сообществе.

Список литературы

1. Еремеев Д. Е. На стыке Азии и Европы: очерки о Турции и турках. М.: Наука. 1980. 238 с.
2. Троицкий Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992-2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. №328. С. 84-88.
3. Winrow G. Turkey in Post-Soviet Central Asia. L., 1995. Robins Ph. Turkey's Ostpolitik: Relations with the Central Asian States // Central Asia Meets the Middle East. L. Portland. Or. 1998. P. 129-149.
4. Sözen A. A paradigm shift in Turkish foreign policy: transition and challenges // Turkish studies. Essex. 2010. Vol. 11. N 1. P. 103-123.
5. Кунтубаева А. А. Исторический анализ сотрудничества Турции со странами Центральной Азии в постсоветский период //

Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 12. С. 157-159.

6. Назарбаев Н. На пороге XXI века. Алматы. 1996. 285 с.

7. Айдаркул К. Международные отношения кыргызов и Кыргызстана: история и современность. Бишкек. 2002. С. 292.

8. Вейцель Р. Влияние Турции на культуру и образование стран Центральной Азии // Ислам в современном мире. 2014. №1. С.26-32.

9. Грозин А. В. Политика Турции в Постсоветской Азии: подходы, институты, перспективы // Постсоветский материк. 2021. № 2(30). С. 25-48.

10. Ыылдырым М. Политика Турции в Центральной Азии после распада СССР и образования в суверенных республик в регионе // Вестник Института философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики. 2017. № 1. С. 107-114.

11. Токаев К. К. Под стягом независимости. Очерки о внешней политике Казахстана. Алматы. 1997. 736 с.

12. Гарбузарова Е. Г. Турция и страны Центральной Азии: акценты сотрудничества в меняющемся мире // Вестник КРСУ. 2024. Т. 24. № 3. С. 133-139.

PETROV Nikolay D. – Candidate of the Department of General History of the State University of Education, Russia, Moscow, email: niko.petrov355@gmail.com.

Keywords: Turkey, Central Asia, Republic, agreement, cooperation, education, interest, population.

TURKEY AS A CONDUCTOR OF NATIONAL AND INTERNATIONAL INTERESTS IN CENTRAL ASIA

Annotation

The study examines the historical features of Turkey's existence within the framework of the manifestation of national and international interests in the Central Asian region. The relevance is due to the state's attention to cooperation with other neighboring territories, within the framework of ensuring cultural, historical, religious, and political unity.

As a result of the study, aspects of the significance of the models of contact between the policies and interests of Turkey and the Central Asian states were reflected. The main guidelines for ensuring the stability of the region and the mutual interest of all countries in confronting the challenges of our time are highlighted. The author's conclusions concerning the maintenance and further regionalization of political, international, and international relations of all players in this territory are presented.

References

1. Yeremeyev D.E. At the junction of Asia and Europe: essays on Turkey and Turks. M.: Nauka. 1980. 238 p.
2. Troitsky E.F. Turkey's policy in Central Asia (1992-2000) // Bulletin of Tomsk State University. 2009. No.328. pp. 84-88.
3. Winrow G. Turkey in Post-Soviet Central Asia. L., 1995. Robins Ph. Turkey's Ostpolitik: Relations with the Central Asian States // Central Asia Meets the Middle East. L. Portland. Or. 1998. P. 129-149.

4. Sözen A. A paradigm shift in Turkish foreign policy: transition and challenges // Turkish studies. Essex. 2010. Vol. 11. N 1. P. 103–123.
5. Kuntubayeva A. A. Historical analysis of Turkey's cooperation with Central Asian countries in the post-Soviet period // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. 2017. No. 12. pp. 157-159.
6. Nazarbayev N. On the threshold of the XXI century. Almaty. 1996. 285 p.
7. Aydarkul K. International relations of Kyrgyz and Kyrgyzstan: history and modernity. Bishkek. 2002. C. 292.
8. Weitzel R. The influence of Turkey on culture and education in Central Asian countries // Islam in the modern world. 2014. No.1. pp. 26-32.
9. Grozin A.V. Turkey's policy in Post-Soviet Asia: approaches, institutions, prospects // The post-Soviet continent. 2021. No. 2(30). pp. 25-48.
10. Yildirim M. Turkey's policy in Central Asia after the collapse of the USSR and the formation of sovereign republics in the region // Bulletin of the Institute of Philosophy and Political and Legal Studies of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. 2017. No. 1. pp. 107-114.
11. Tokaev K.K. Under the banner of independence. Essays on Kazakhstan's foreign policy. Almaty. 1997. 736 p.
12. Garbuzarova E.G. Turkey and the countries of Central Asia: accents of cooperation in a changing world // Bulletin of the KRSU. 2024. Vol. 24. No. 3. pp. 133-139.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация

В статье автор анализирует исторические аспекты формирования российской политики сохранения единого социокультурного пространства в странах ближнего зарубежья, ее цели и задачи, а также методы и инструменты, используемые для ее реализации.

Препятствием формирования политики сохранения единого социокультурного пространства на территории советского государства, а после декабря 1991 года на постсоветском пространстве являлась складывающаяся обстановка политических противоречий Центра и политического руководства Российской Федерации. Даже формировавшиеся в поздний советский период парламентские связи российских депутатов Заксобраний носили характер «парламентского туризма». Поездки парламентариев,

в том числе в союзные республики, не имели определенного целеполагания и не согласовывались с общей политической стратегией государства.

Формирование выверенного государственного курса по сохранению социокультурного единства сопровождалось трудностями, связанными с отсутствием каналов объективной информации и достоверной экспертизы происходящего в бывших союзных республиках. Так, даже на высоком политическом уровне в России возникали инци-

ПЕТРИК Лилия Степановна – соискатель кафедры новейшей истории России Государственного университета просвещения, Россия, Москва, email: mo_mgou@mosreg.ru, SPIN-код: 2410-6319.

Ключевые слова: постсоветское пространство, интеграция, глобализация, интеграционная политика.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_202

денты, грозившие перерасти в политические конфликты. Так, 27 ноября 1992 года Председатель Комитета Верховного Совета РФ по международным делам Е. А. Амбарцумов заявил о якобы имевших место «фактах преследования граждан русской национальности в Азербайджане» и имеющихся у него данных о «составлении в Азербайджане списков русских, предназначенных для их захвата в качестве заложников»¹. Ситуация потребовала специального вмешательства политического руководства страны для предотвращения осложнений отношений России и Азербайджана.

Отсутствие достоверной информации относительно молдово-приднестровского конфликта препятствовало выработке взвешенной позиции РФ в этом вопросе. На специально организованной встрече Председателя Верховного Совета Приднестровской Республики Г. С. Маракуцы с представителями Секретариата Президента РФ было отмечено, что информация по этой проблеме искажается средствами массовой информации не только Молдовы, но и России. Несмотря на то, что удельный вес русских в Приднестровье составлял 28%, его 97% населения на референдуме 1991 года высказалось за самостоятельность Приднестровской Республики.

Этот факт, по мнению Г. С. Маракуцы, опровергал утверждение политиков официального Кишинёва в «русском сепаратизме». Представитель Приднестровья указал на то, что именно его республика стала инициатором отвергнутого Молдовой федеративного устройства государства. «Однако идея «румынизации» Молдовы, – указал он, – воспринимается большинством республики, в том числе и представителями коренной национальности, с настороженностью»².

По инициативе руководства России в Устав СНГ были внесены поправки, касающиеся гуманитарного взаимодействия. В частности, были «более четко сформулированы принцип обеспечения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, этнической принадлежности, языка и религии, политических или иных убеждений»³.

Становлению политики по сохранению единого социокультурного пространства предшествовала широкая общественная дискуссия о паттернах, предполагающих переосмысление парадигмы общественного развития России в сторону ее вестернизации.

Первые ощутимые признаки трансформации российской самоидентификации в общественном сознании стали проявляться со второй половины 1990-х годов.

¹ Полномочное Представительство Азербайджанской Республики в г. Москве // ГАРФ. Ф.10026.оп. 4. Д. 2781. Л. 29-30.

² Запись беседы с Председателем Верховного Совета Приднестровской Республики Г. С. Маракуцей // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 2781 л. 32-36.

³ Об изменениях и дополнениях, внесенных в проект Устава СНГ // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 2781. Л. 39.

Запад, ощутив опасность реализации собственной стратегии, определявшей роль России как послушной марионетки в руках «хозяев мира» не преминул по всем возможным каналам донести свою озабоченность этой метаморфозой до россиян. Так депутат Бундестага, бывший министр экономики ФРГ граф Отто Ламсдорф, прибывший в Москву на конференцию, устроенную Фондом Фридриха Наумана, заявил: «И, наконец, о «русской идее. Считаю этот миф враждебным духу реформ и модернизации. Безусловно, главный его смысл в противопоставлении некоему собирательному образу «западного» человека, в противопоставлении русской духовности пресловутой западной алчности и погоне за наживой» [1, с. 3].

Кроме того, О. Ламсдорф логично обратил внимание и на то, что интересы РФ на территории бывшего Советского Союза должны ограничиваться исключительно поддержкой в выстраивании суверенитетов бывших союзных республик: «Добрососедство, – подчеркнул он, – правильно понимаемые интересы России, включают также суверенность и благополучие соседей. Взаимоуважительные отношения с малыми государствами должны быть сильной стороной всех больших государств» [1, с. 3]. Особенно нелепым выглядел такой посыл на фоне оправдания реальных планов распространения НАТО на Восток, в безобидности которых пытался убедить россиян спикер.

Переосмысление места и роль России как центра идентичности,

частью которой стала общность народов постсоветского пространства, неизбежно включило проблему единства и самобытности трех славянских народов: русских, украинцев и белорусов.

Так, исследуя взгляды П. Б. Струве и В. Г. Белинского относительно справедливости выделения особой украинской нации, несмотря на их верные указания относительно невозможности формирования нации вне так и не сформировавшейся украинской государственности, апологеты «незалежной», ссылаясь на факт существования особых малороссийского языка и культуры, пытались доказать обоснованность новой украинской государственности самим фактом имплементации таковой, как подготовленной «ходом истории» [2].

На фоне регенерации национально ориентированной политики государственностроительства неизбежно возник вопрос переосмысления пройденного совместного исторического пути народов бывшей единой страны. По этому поводу Р. Абдулатипов, бывший Председатель Совета национальностей палаты Верховного Совета РСФСР в большой статье в «Независимой газете» писал: «Феномен дружбы и сотрудничества народов России не придуман большевиками как кое-кто теперь настойчиво утверждает, а рожден исторической практикой (выделено авт.) многонациональной страны. Этот феномен стал возможен прежде всего благодаря традиционному приоритету духовно-нравственных ценностей, которым все-

гда отличалась российская действительность» [3] (выделено авт.).

На встрече министра иностранных дел России с депутатами профильного комитета Госдумы в мае 1993 г. прозвучали первые призывы отстаивания интересов России в ближнем зарубежье: «Интернационализм» российской внешней политики и отказ представлять «национальное» логически вел к другой ее большой проблеме – небрежению в отношении «России за пределами России»⁴.

Триггером регенерации политического курса на восстановление единого социокультурного пространства в ближнем зарубежье стала политика Запада, направленная на распространение НАТО на Восток, получившая практическое воплощение со второй половины 1990-х годов. Уже в 1991 году был сформирован Совет североатлантического сотрудничества (ССАС), позднее (в 1997 г.) реорганизованный в Совет евроатлантического партнерства (СЕАП), примыкающий к другой структуре – Партнерству во имя мира⁵. Страны, вошедшие в эти организации, открыли дипломатические представительства в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Заседания СЕАП проводились не реже одного раза в месяц на уровне послов и один раз в год на уровне министров иностранных дел, министров обороны и началь-

ников генеральных штабов. Стратегия НАТО на «восточное» расширение стала очевидной после того, как в рамках этих организаций обозначился курс на включение в состав Альянса не только бывших восточноевропейских партнеров СССР, но и бывших союзных республик.

Еще одним событием, кардинально изменившим настрой российской элиты и общества в сторону осознания национальных интересов, стала позиция Запада в сербско-албанском конфликте 1996-1997 года и последующей бомбардировки Югославии силами НАТО (1999 г.). В сентябре 1998 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, призывавшую прекратить кровопролитие. Президент С. Милошевич согласился на перемирие и размещение представителей ОБСЕ, но предпринимаемые меры не привели к умиротворению сторон. Откровенно проковосовская позиция Запада вызвала всплеск недовольства в российском обществе.

Связь между ориентацией стратегии НАТО в сторону расширения на Восток и усилиями России по реинтеграции ближнего зарубежья отметил, в том числе, сотрудник Центра по изучению стран бывшего СССР Гарвардского университета Борис Румер. Американский политолог прямо заявил: «Чем серьезнее становится перспектива рас-

⁴ Внешняя политика России должна стать президентской // Независимая газета № 83 (1010). 17.05.1995 г. С. 1-2.

⁵ NATO-Topic: NATO's partnerships // https://www.nato.int/cps/en/natohg/topics_84336.htm (дата обращения: 12.05.2024).

ширения НАТО на восток, тем активнее реинтеграционные усилия Москвы»⁶.

На смену прямолинейной и неадекватной политике, выраженной словами депутата Государственной Думы России К. Ф. Затулина о том, что новые независимые государства «или станут сателлитами России, или должны умереть» и писателя А. И. Солженицына, предлагающего «избавиться от давящего груза «центральноазиатского подбрюшья», и пришло понимание приоритета сохранения и развития социокультурного единства на постсоветском пространстве⁷.

Редакционная статья в «Независимой газете», опубликованная в декабре 1995 г., содержала акценты, нацеливающие общественное сознание на переоценку событий, связанных с развалом СССР⁸. В статье говорилось: «Нельзя сказать, что произошел раскол по существу (о развале СССР – авт.), нельзя говорить об отчуждении или явной недоброжелательности народов друг к другу, хотя подобное имеет место среди политических элит. <...> Теперь все больше говорят об интеграции не как о возврате к старым связям, но как об установлении прерванных связей между

странами, находящимися в новом качестве и живущими в другое историческое время»⁹.

Другим фактором, способствующим становлению политики РФ по сохранению единого социокультурного пространства, явилась необходимость, в условиях нехватки материальных ресурсов, максимально минимизировать деструктивные последствия развала СССР для положения более чем 20 миллионов русских, проживающих в странах ближнего зарубежья. Необходимость такого политического курса России стала очевидной к середине 1990-х годов. Например, придание в Конституции Казахстана статуса государственного языка исключительно казахскому, привело, как отмечалось депутатами Верховного Совета этой страны, к массовому исходу русскоязычного населения¹⁰. Только за 1993 год Республику Казахстан покинули 247,1 тыс. чел., за 1994 – более 370 тыс. чел.¹¹

При обсуждении языковой проблемы в стране представители казахстанской общественности отмечали, что даже «самое демократичное законодательство, определяющее лингвистическую

⁶ Почему Москва вспомнила об «Азиатском подбрюшье» // Независимая газета. № 137 (1063) 8 декабря 1995 г. С. 3.

⁷ Там же.

⁸ Четыре года назад был ликвидирован СССР и создан СНГ // Независимая газета № 137 (1063). 8 декабря 1995 г. С. 1, 2.

⁹ Там же.

¹⁰ Совет да согласие // Казахстанская правда. № 2 (21706). 4 января 1995 г. С. 1.

¹¹ Казахстан и Россия: шаг на пути к интеграции // Казахстанская правда. № 17. 26 января 1995 г. С. 3.

политику», не гарантирует функционального равенства используемых в стране языков¹².

Языковая проблема не выглядела безмятежной даже в Республике Беларусь, где на начальных этапах становления независимого государства этот вопрос не вызывал общественного резонанса. Однако инициатива А. Г. Лукашенко проведения референдума вызвала реакцию: чиновники, стремящиеся использовать эту тему в своих целях (например, как повод для обретения авторитета), инициировали негативный отклик в рядах части белорусской интеллигенции¹³.

Общественные структуры Казахстана ошибочно полагали возможным осуществление политической модернизации страны через поощрение исламизации молодежи в радикальных формах, и, что еще опаснее, в слиянии этого процесса с нарастающей национальной мобилизацией. Председатель созданного в 1995 году фонда «Демократия и культура» профессор М. Хасанов заявил по этому поводу следующее. «Юные последователи (ислама – авт.) часто предпочитают упрощенный односторонний путь – слепую веру, беспрекословное соблюдение религиозных

норм. Любая крайность приводит к самоизоляции от житейских дел к радикализму, экстремизму»¹⁴.

Важное место в ряду мер, формирующих политический курс РФ на сохранение единого социокультурного пространства, играли инициативы, направленные на поддержание общей исторической памяти народов, входящих в состав Советского государства. Не без определенных усилий удалось согласовать с двенадцатью государствами СНГ мероприятия, посвященные празднованию 50-летия Победы в Великой Отечественной войне¹⁵.

Даже такое решение состоялось после «горячих дебатов». Президенты Украины и Казахстана выразили сомнение, стоит ли 9 мая приезжать в Москву или отметить торжества у себя на родине. Остро критиковал такую позицию президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, который подчеркнул важность демонстрации единства вокруг Москвы, особенно в связи с юбилейной датой¹⁶.

В условиях ограниченности материальных ресурсов для развертывания полномасштабной деятельности, направленной на сохранение социокультурного пространства на территории бывшего советского государства политиче-

¹² А Родина – одна; услышать и понять друг друга // Казахстанская правда № 42. 23 февраля 1995 г. С. 3.

¹³ Притча о языках // Советская Белоруссия № 64. 29 марта 1995 г. С. 1.

¹⁴ Казахстан и Россия: шаг на пути к интеграции // Казахстанская правда. № 17. 26 января 1995 г. С. 3.

¹⁵ Со слезами на глазах... // Казахстанская правда № 3. 9 февраля 1995 г. С. 3.

¹⁶ Ничего нет ценнее на просторах Содружества, чем разум и политическое мужество // Советская Белоруссия. № 34. 14 февраля 1995 г. С. 1-2.

ские власти РФ придавали значительное влияние работе с соотечественниками. Так русская диаспора, самая многочисленная в Белоруссии, при поддержке исторической Родины соорганизовалась в Минское общество русской культуры «Русь». Его руководитель Г. Власов в интервью 1995 года заявлял: «Мы не политическая, а культурно-просветительская организация, объединяющая людей не по приверженности каким-либо идеологическим постулатам, даже не по национальной принадлежности. Критерий «приема» один – нужна искренняя любовь к русской культуре, бережное отношение к ее традициям и богатству»¹⁷.

Помимо прочего, политика первых пяти лет постсоветского периода в отношении соотечественников показала нерелевантность курса на обращение русскоязычного населения новых независимых государств в оплот продвижения национальных интересов. Представители российской диаспоры катастрофически быстро утрачивали в бывших союзных республиках и правовой статус. В силу ограниченности материального ресурса была очевидной невозможность восстановления прежних хозяйственных связей и центрального места России в едином экономическом пространстве. Справедливости ради следует за-

метить, что в отсутствии центростремительных тенденций основную деструктивную роль играли постсоветские элиты, обретшие контроль над рентными потоками, стремившиеся немедленно получить личные материальные преференции за счет безудержной распродажи национального достояния.

Тяжелая постсоветская политическая и экономическая реальность заставляла искать пути «регенерации» российских национальных интересов на постсоветском пространстве в сохранении единого социокультурного пространства – единственно остающегося в руках политического руководства государства механизма, скрепляющего некогда великой централизованной державы.

Необходимость формирования политики в этом направлении обусловила принятие специального Указа Президента РФ. В нем констатировалось, что «на территории СНГ сосредоточены наши главные жизненные интересы в области экономики, обороны, безопасности, защиты прав россиян, обеспечение которых составляет основу национальной безопасности страны»¹⁸.

В качестве одной из главных стратегических задач России Указом провозглашалось «укрепление России в качестве ведущей силы

¹⁷ Критерий – любовь к родной культуре // Советская Белоруссия. № 31. 10 февраля 1995 г. С. 2.

¹⁸ Указ Президента от 14.09.1995 № 940 «Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8307> (дата обращения: 12.05.2024 г.).

формирования новой системы межгосударственных политических и экономических отношений на территории постсоюзного пространства; наращивание интеграционных процессов в СНГ»¹⁹.

Выполнение намеченного, помимо экономических и военно-политических механизмов, предполагалось осуществить через комплекс мер гуманитарного сотрудничества. Для чего следовало «активизировать культурный обмен России с государствами ближнего зарубежья, сотрудничество с ними в области науки, образования, спорта. Обеспечивать российское теле- и радиовещание на ближнее зарубежье, поддерживать продвижение российской прессы в этот регион, осуществлять подготовку в России национальных кадров для государств СНГ.

Особое внимание уделить восстановлению позиций России как главного образовательного центра на территории постсоветского пространства, имея в виду необходимость воспитания молодого поколения государств СНГ в духе дружественного отношения к России»²⁰.

Указом предусматривалось учреждение Министерства Российской Федерации по сотрудничеству с государствами-участниками Содружества Независимых Государств.

В Постановлении правительства № 1174 от 27 ноября 1995 года содержалось положение об учреждении Правительственной комиссии по вопросам Содружества Независимых Государств и ее состав²¹.

Первым документом, имевшим практическое значение в реализации курса российского государства на регенерацию, на постсоветской территории единого социокультурного пространства стало Постановление Правительства № 1241 РФ от 12 ноября 1999 г. «О федеральной целевой программе «Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с государствами-участниками СНГ и государствами Балтии на 1999 – 2000 годы», в соответствии в котором утверждалась федеральная целевая программа «Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с государствами-участниками СНГ и государствами Балтии на 1999-2000 годы». Целевая программа предусматривала государственную деятельность, «направленную на укрепление взаимопонимания между народами, сохранение и развитие национально-культурной самобытности российских соотечественников, содействие сохранению культурного наследия, создание благоприятных условий для расширения контактов между представителями общественности и

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Постановление Правительства РФ от 27 ноября 1995 г. № 1174 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 г. № 940 «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств» // <https://base.garant.ru/1118285/> (дата обращения: 12.05.2024 г.).

расширение их духовных связей с Россией»²².

Замечательно, что в Программе констатировалась роль гуманитарного сотрудничества как одного из условий утверждения взаимопонимания между странами и народами. По этому поводу в тексте документа говорилось: «Гуманитарное сотрудничество – это важнейшее средство достижения взаимопонимания, формирования открытого общества в государствах-участниках СНГ, расширения перспектив взаимовыгодных контактов во всех сферах социальной, духовной и политической жизни. Недооценка проблем гуманитарного сотрудничества ведет к искажению исторической правды, взаимному недоверию и ограниченности партнерства»²³.

До сих пор предпринимаемые меры в этом направлении признавались недостаточно удовлетворительными и эффективными. Утверждалось, что одной из причин такого положения дел являлось отсутствие «скоординированной государственной политики». В качестве условий, порождающих качественно новые подходы в сфере сотрудничества, называлась: «острота геополитических, международно-правовых, социально-экономических и научно-технических аспектов сотрудничества в гуманитарной сфере»²⁴.

Осуществление Программы должно было результироваться «в обеспечение взаимовыгодной межгосударственной интеграции в гуманитарной сфере; воссоздание информационного, культурного и образовательного пространства»²⁵.

Для достижения поставленных целей предусматривалась поддержка образования на русском языке в ближнем зарубежье через переподготовку учителей школ и преподавателей образовательных учреждений, безвозмездное выделение учебников и учебной литературы на русском языке, организацию олимпиад, снабжение школ бывших союзных республик техническими средствами обучения; сохранение и развитие в странах СНГ русского культурного пространства. В этих целях предполагалась организация тематических выставок, поддержка русскоязычных СМИ, создание российских информационно-культурных центров, регулярное проведение съездов российских соотечественников, организация приема молодежи из государств-участников СНГ и стран Балтии в лагерях труда и отдыха.

Политика в области сохранения и развития единого социокультурного пространства на территории бывшего СССР могла осуществляться только параллельно с продвиже-

²² Постановление Правительства РФ от 12 ноября 1999 г. № 1241 «О федеральной целевой программе «Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с государствами-участниками СНГ и государствами Балтии на 1999-2000 годы» // <https://base.garant.ru/1155126/> (дата обращения: 11.05.2024 г.).

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

нием интеграционных процессов, которые с трудом преодолевали противоположно направленное сопротивление «анти имперски» настроенной элиты новых независимых государств и влияние внешних сил.

Реализовавшееся осознание необходимости регенерации единого экономического и социокультурного пространства на основе продвижения интеграционного процесса на постсоветском пространстве нашло отражение в Указе Президента РФ от 14.09.1995 г. № 940 «Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств», в котором наметились конкретные направления поступательного движения в сторону активизации сотрудничества. «Одним из важнейших путей организационного укрепления СНГ является постепенное расширение Таможенного союза, включающего государства, связанные с Россией глубоко интегрированной экономикой и стратегическим политическим партнерством»²⁶.

Отмечалась необходимость разностороннего присоединения стран Содружества к интеграционным процессам.

Формирование дееспособного интеграционного объединения, - говорилось в Указе, - требует полноцен-

ного сотрудничества и взаимодействия в развитии производственных кооперационных связей, взаимодействия в науке и образовании.

Целью объединения в этой сфере, согласно документу, должно было стать создание единого научного и технологического пространства, согласование структурной перестройки национальных экономик, обеспечение совместной работы научных коллективов, достижение в перспективе единого экономического пространства, создание трансграничных научно-технологических структур.

Таким образом, восстановление единого социокультурного пространства потребовало решения более широкой политической задачи постепенного восстановления на постсоветском пространстве хозяйственных связей.

В связи с изменением внешнеполитического акцента России на первоочередность укрепления национальных позиций на постсоветском пространстве сместились приоритеты политики в отношении российских соотечественников.

Постановлением № 590 от 17 мая 1996 года Правительство РФ утвердило Программу мер по поддержке соотечественников за рубежом²⁷. В преамбуле документа констатировалось, что с начала 90-х годов численность российской диаспоры за

²⁶ Указ Президента от 14.09.1995 № 940 «Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8307> (дата обращения: 12.05.2024 г.).

²⁷ Постановление Правительства РФ от 17 мая 1996 г. № 590 «О Программе мер по поддержке соотечественников за рубежом» // <https://base.garant.ru/1548735/> (дата обращения: 15.05.2024 г.).

счет образовавшихся новых независимых государств резко возросла в связи со сложностью разрыва традиционного социального порядка и в силу того, что россияне оказались за пределами исторической Родины не по своей воле.

«Во многих случаях они вынуждены жить и определять свою дальнейшую судьбу в сложной политической, экономической, социальной, культурной и психологической ситуации и нуждаются в помощи и поддержке как со стороны государств постоянного проживания, так и со стороны России. Значительная часть трудностей, выпавших на долю наших соотечественников, помимо глубокого экономического кризиса, охватившего практически все бывшие республики СССР, политической и социальной нестабильности во многих из них, вызвана и тем обстоятельством, что новые независимые страны формируются как национальные государства самоопределившихся титульных наций»²⁸.

Активизация процесса национальной мобилизации титульных народов бывших союзных республик настоятельно требовала принятия мер для сохранения традиционных социокультурных условий существования соотечественников. В качестве одного из направлений деятельности российского государства в направлении помощи в адаптации россиян к новым условиям в местах постоянного проживания Програм-

ма предполагала поддержку в создании и развитии организаций соотечественников в ближнем зарубежье. Если в первые годы после распада СССР в связи с недостатком материальных ресурсов Россия настаивала на необходимости помощи представителям российской диаспоры в адаптации к новым условиям проживания, то в принятой Программе 1996 г. констатировались право россиян выбора гражданства страны пребывания и ответственность России за сохранением прав и свобод русскоязычных граждан независимых постсоветских государств. В Программе прямо заявлялось, что поддержка соотечественников исторической Родиной ни в коем случае не является завуалированным отказом им в праве возвращения в Россию. «Напротив, обеспечение как интегрированности в жизнь страны постоянного проживания при сохранении культурной самобытности, так и переезда на историческую родину – главная двукратная цель политики России в отношении соотечественников, каждый компонент которой реализуется на практике с учетом конкретной ситуации»²⁹. Помимо прочих в Программе прописывалась задача содействия «созданию условий для функционирования русского языка, прежде всего в образовательной, информационной и культурной сферах»³⁰, для чего

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Программой предусматривалось продолжать переговоры о придании русскому языку статуса второго государственного языка, «разработку методической, организационной и технологической базы для проведения согласованной образовательной политики в государствах-участниках СНГ и формирование общего

образовательного пространства», меры поддержки образования на русском языке, создание российских информационно-культурных центров в государствах-участниках СНГ и странах Балтии, предоставление материальной помощи русскоязычным периодическим изданиям ближнего зарубежья.

Список литературы

1. Ламсдорф О. Я верю в могущество российского разума // Независимая газета. № 871 (998). 20 апреля 1993 г. С. 3.
2. Торбаков И. Будущее ответило, кто прав // Независимая газета. № 72 (999). 21 апреля 1995 г. С. 3.
3. Абдулатипов Р. Национальная идея и национализм // Независимая газета. № 79 (1006). 28 апреля 1995 г. С. 3.

PETRYK Liliya S. – Candidate of the Department of Modern History of Russia of the State University of Education, Russia, Moscow, email: mo_mgou@mosreg.ru

Keywords: post-Soviet space, integration, globalization, integration policy.

THE FORMATION OF THE RUSSIAN POLICY OF PRESERVING THE UNIFIED SOCIO- CULTURAL SPACE OF THE NEAR ABROAD

Annotation

In the article, the author analyzes the historical aspects of the formation of the Russian policy of preserving a single socio-cultural space in neighboring countries, its goals and objectives, as well as the methods and tools used for its implementation.

References

1. Lamsdorf O. I believe in the power of the Russian mind // Nezavisimaya Gazeta. № 871 (998). April 20. 1993. P. 3.
2. Torbakov I. The future answered who is right // Nezavisimaya Gazeta. No. 72 (999). April 21. 1995. P. 3.
3. Abdulatipov R. National idea and nationalism // An independent newspaper. No. 79 (1006). April 28. 1995. P. 3.

ФАКТОРЫ НАПРЯЖЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕ В НАЧАЛЕ СЕВЕРОИРЛАНДСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация

Статья посвящена исследованию причин социальной напряженности в Северной Ирландии в 60-х годах XX века. Автор анализирует социальные, экономические и политические причины разобщенности и нестабильности в регионе. Особое внимание уделяется проблеме существования двух этнорелигиозных общин: ирландцев-католиков и британцев-протестантов. Рассматривается экономическая неоднородность общества, диспропорции в представительстве в законодательных и исполнительных органах власти, отсутствие механизмов защиты прав меньшинств. Эти факторы, по мнению автора, способствовали росту напряженности в обществе и радикализации общин.

Традиционно началом конфликта в Северной Ирландии принято считать август 1969 г., когда произошло массовое столкновение в городе Дерри. Фактически оно запустило череду жестких, порой даже насильственных действий, как со стороны общества, так и со стороны государства. Однако события в Дерри не являлись причиной про-

тивостояния, а скорее представляли собой лишь повод, отправную точку, которая обнажила существующие до этого проблемы в обществе.

К середине XX века североирландское общество уже имело ряд глубинных исторических противоречий, что фактически делало его разделенным. Однако существующую уже на тот момент этнорелиги-

ВОЗМИТЕЛЬ Мария Константиновна – ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета, ЛНР, Луганск, email: masha.kovshar@yandex.ru, SPIN-код: 1357-6750.

Ключевые слова: Северная Ирландия, протестанты, католики, юнионисты, дискриминация.

DOI: 10.48137/23116412_2024_3_215

озную разобщенность в значительной мере закрепляли и усиливали экономические и политические аспекты жизни общества. Именно они в конечном итоге и привели к насилию, и именно их решение в частности позволило его остановить и вернуть, пусть даже относительно, спокойствие региону.

Чтобы оценить процесс формирования и развития стратегии урегулирования, необходимо понять, что собой представляло общество Северной Ирландии в середине XX века к моменту начала насильственной фазы противостояния.

По мнению известного американского политолога А. Лейпхарта, Северная Ирландия является примером многосоставного общества с центробежной демократией. А. Лейпхартом были рассмотрены противоречия между основными социальными группами Ольстера с позиции фрагментарных политических культур, для которых характерны отсутствие у населения доверия к властным структурам, разногласия относительно политического устройства общества, повышенная конфликтность социальных групп, социальная разобщенность, правительственная нестабильность. Все эти признаки присутствуют в обществе Северной Ирландии. При этом А. Лейпхарт приравнивает Северную Ирландию к суверенному государству, аргументируя это широкими полномочиями местного парламента [1, с. 138].

Как пишет А. Лейпхарт, протестанты и католики в Северной Ирландии – это достаточно изолиро-

ванные друг от друга социальные группы. Особый интерес представляет взаимосвязь религиозных и политических предпочтений среди населения Северной Ирландии. До 1968 года прослеживается прямая связь: католик – националист, протестант – юнионист. Это объясняется в первую очередь тем, что данные политические партии занимали крайне противоположные взаимоисключающие радикальные позиции (националисты выступали за присоединение к Ирландии, а юнионисты – за союз с Великобританией). Высокая социальная напряженность во взаимоотношениях религиозных групп стала причиной приверженности большинства радикальным идеям, тогда как умеренные партии не были столь популярны и потому не были весомой политической силой [1, с. 172].

Проявлением другого дестабилизирующего фактора – численного различия представителей обеих общин в Северной Ирландии – является дисгармония во взаимоотношениях между социальными группами. Как отметил ирландский политик, историк и писатель К. К. О'Брайен, несмотря на то, что в Северной Ирландии проживает больше протестантов, они все равно воспринимают католиков как некую угрозу по той причине, что в пределах всего острова вторых численно больше [2, с. 11].

По данным, приведенным российским историком И. Е. Напалковой, на 1961 год протестанты составляли 61,5% общего населения Ольстера, католики – 34,9%. Более

того, религиозная принадлежность для жителей Северной Ирландии являлась показателем их самоидентификации [3, с. 127]. При этом, по данным энциклопедии «Британика», в 2011 г. 84,2% жителей Республики Ирландия идентифицировали себя как католики, тогда как протестантами считали себя только 2,8% [4].

Не менее важной является проблема экономического неравенства в регионе. Так, по мнению американского политолога Р. Роуза, в Северной Ирландии низкие доходы имело преимущественно католическое население, что в свою очередь являлось дополнительным стимулом разъединения общества и в конечном итоге привело к эскалации конфликта [5, с. 289].

В общем, экономическое положение Северной Ирландии к середине XX века было на порядок ниже, чем в других регионах Соединенного Королевства. Так, уровень безработицы был здесь в 3-4 раза выше, чем в Великобритании. Также на данный регион приходится наиболее низкий показатель ВВП на душу населения: по данным в 60-х годах он был на 36% ниже средних показателей британского населения [6, с. 43].

При этом на фоне общего экономического спада в стране производственные мощности региона оказались наиболее уязвимыми. Производственные показатели уже в 1950-е годы снизились наполовину. На этот же период приходится кризис традиционных для данного региона отраслей, в которых

было занято основное население. Это привело к росту безработицы. И, несмотря на то, что правительством был предпринят ряд мер, таких как запуск химического производства и авиастроения – эти меры не смогли компенсировать потери.

В то же время численность населения Северной Ирландии продолжала расти в значительной степени по сравнению с остальной страной (в некоторых районах показатели рождаемости превышали среднестатистические по стране на 20-25%). При этом рост рождаемости в Северной Ирландии был непропорциональным: среди католиков показатель был выше, чем среди протестантов, что опять же формировало дисбаланс в обществе [7, с. 58].

Исследование организации *The Portland Trust* доказывает, что существовали различия в материальном положении между общинами. В частности анализ показал, что в 1978 – 1987 годах уровень безработицы среди мужчин увеличился в два раза, в то время как в Британии этот показатель был на 40% ниже. При этом была также отмечена и разница в показателях безработицы среди католиков и протестантов в Северной Ирландии. Так, в 1971 г. этот показатель для первых составил 17,7%, тогда как для вторых – около 6%, то есть в 3 раза меньше. Исследователи заключают, что последствием такого экономического неравенства стало возрастание радикальных настроений, так как большинство членов радикальных подгрупп ИРА были как раз-таки выходцами из самых малообеспе-

ченных районов. Отсюда авторы делают вывод, что существует корреляционная зависимость между уровнем насилия и благосостоянием населения [8, с. 13–52].

Одной из причин экономического дисбаланса в регионе многие специалисты называют определенного рода дискриминацию в сфере занятости в начале XX века. В тот период католикам зачастую отказывали в принятии на руководящие и высокие должности в государственной сфере, экономической, а также в судостроении и тяжелом машиностроении – то есть в тех сферах, руководство которыми осуществлялось зачастую британцами. Причинами таких отказов в большинстве случаев могла служить недостаточная конкурентоспособность ирландского католического населения, но также и отсутствие доверия к данной категории граждан из-за политических или религиозных разногласий.

Католическое население было вынуждено мигрировать в поисках работы, но данная миграция не была значительной. В результате к середине XX века в Северной Ирландии сложилась следующая картина: в промышленных районах, а, следовательно, и с более высокооплачиваемой работой, большинство населения составляли протестанты, тогда как в менее обеспеченных сельскохозяйственных районах преобладало католическое население.

При этом социальная мобильность была минимальна: работодатели-протестанты зачастую от-

казывались принимать на работу католиков. Но причиной этого, как отмечают исследователи, была не просто ксенофобия, но и прагматизм, так как в большинстве своем католическое население имело низкий доход, а, значит, не могло позволить себе высшее образование. Таким образом, католическое население по факту было неконкурентоспособным на рынках труда промышленных регионов Северной Ирландии или Великобритании.

Таким образом, в 50-60-х годах регион потрясла серия экономических спадов, прежде всего затронувших низкоквалифицированные кадры, которыми в большинстве своем являлись ирландцы-католики. Это привело к обнищанию определенных слоев населения и увеличило социальную нестабильность в регионе, что в дальнейшем вылилось в протесты 1969 года.

Еще одной немаловажной проблемой была так называемая «жилищная дискриминация», которая была одной из наиболее распространенных проблем. Так, как большинство мест в правительстве и других государственных органах Северной Ирландии, в том числе в социальной сфере, занимали представители протестантской общины, то довольно часто возникали случаи, когда католикам отказывали в получении социального жилья с лучшими условиями.

Имела место также и дискриминация католического населения в политической сфере. Как отмечает А. Лейпхарт, зачастую выборы в Североирландский парламент и

другие органы местного самоуправления проходили с определенными ухищрениями. В частности применялся метод джерримендеринга: изменялись границы избирательных округов, что позволяло включать в районы с преимущественно католическим населением территории с протестантским. Фактически голоса и без того менее численного католического населения размывались. Другой вид манипуляций – замена пропорциональной избирательной системы на мажоритарную. Это привело к тому, что в местном парламенте абсолютное большинство кресел всегда было отдано юнионистам, представлявшим интересы зачастую протестантского населения, тогда как права меньшинства почти не были представлены [1, с. 173]. Необходимо также обозначить, что партия Шинн Фейн, представляющая интересы ирландского населения, была запрещена, но продолжала оказывать определенное влияние через всевозможные клубы.

Следует учитывать, что полномочия североирландского парламента в Стормонте затрагивали в основном социальную сферу: образование, здравоохранение и т.д. В то же время финансовые вопросы и вопросы налогообложения почти полностью решались в Лондоне. При этом североирландские юнионисты, представлявшие интересы протестантского населения, всегда составляли большинство в Стормонте и фактически были полностью подконтрольны консервативной партии Великобритании.

Обозначим также, что в системе исполнительной власти Северной Ирландии в период с 1921 по 1972 гг. существовала должность премьер-министра, руководителя исполнительной власти, который избирался членами Тайного совета Северной Ирландии – консультативного официального органа британского монарха в Северной Ирландии. И хотя должность премьер-министра, как и Тайный совет, имели скорее церемониальные функции, однако, показательным является тот факт, что за весь период его существования эту должность занимали исключительно представители юнионистской партии [9, с. 54–58].

В целом же о том, насколько сильным было разделение в североирландском обществе, говорит исследование ирландского ученого А. Брисон [10]. В нем она приводит не только социологические исследования 60-х годов, но также и дает психологическую оценку проявлениям стереотипизации представлений общин друг о друге в общественной жизни региона – в газетах, вывесках, рекламах и т.д. Автор приходит к выводу, что попытки налаживания отношений между представителями общин не только не предпринимались, но и осуждались, пресекались другими представителями общин [10, с. 46–55].

В целом же наличие глубоких социальных, экономических проблем, которые закрепляли разобщенность североирландского общества, уже после своей отставки подтвердил премьер-министр Се-

верной Ирландии Т. О'Нил. В интервью газете он отметил: «Ужасно трудно объяснить протестантам, что если дать католикам хорошую работу и хороший дом, они будут жить как протестанты, потому что увидят соседей с машинами и телевизорами; они откажутся иметь восемнадцать детей. Но если католик не имеет работы и живет в самой ужасной лачуге, он воспитает восемнадцать детей на Национальное пособие» [11].

Таким образом, ключевыми факторами разобщенности и нестабильности североирландского общества в 60-е годы XX века можно выделить социальный, экономический и политический. Наличие явно устоявшихся этнорелигиозных групп – общин: ирландцев-католиков и британцев-протестантов, давление на меньшинство и ущемление

их интересов привели к дальнейшей анклавизации общин и разделению общества. Экономическая неоднородность общества: различия в доходах представителей общин, высокая безработица и низкая конкурентоспособность католического населения в сравнении с протестантским способствовали росту радикализма и укреплению разобщенности. Диспропорция представленности в законодательных и исполнительных органах власти Северной Ирландии, отсутствие механизма, который позволил бы защищать в равной степени права обеих общин, несмотря на их численную разницу еще больше накаляли проблему ущемления прав одной из общин. Все эти причины способствовали росту социальной напряженности и радикализации общин Северной Ирландии.

Список литературы

1. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт; пер. с англ. под ред. А. М. Самина, Г. В. Каменской. М.: Аспект Пресс. 1997. С. 171–178.
2. O'Brien C. C. States of Ireland / C. C. O'Brien. L.: Hutchinson. 1972. 348 p.
3. Напалкова И. Е. Североирландская политика неолейбористских правительств Великобритании: стратегические подходы и опыт урегулирования этноконфессионального конфликта: 1997–2010 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. Челябинск. 2012. 226 с.
4. O'Beirne Ranelagh J., Boland F. H., Edwards R. W. D., Fanning R., Kay S. Ireland: Ethnic groups, language, and religion // Encyclopedia Britannica. <https://www.britannica.com/place/Ireland/Ethnic-groups-language-and-religion> (дата обращения: 11.05.2022).
5. Rose R. Governing without Consensus / R. Rose. L.: Faber. 1971. 567 p.

-
6. Полякова Е. Ю. Северная Ирландия: истоки конфликта // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 39–46.
 7. Economics in Peacemaking: Lessons from Northern Ireland. L.: The Portland Trust. 2007. 54 с.
 8. Зобин А. В. Консультация как механизм управления международными конфликтами: сравнительный анализ концепций Р. Дж. Фишера и П. А. Гудева // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 425–428.
 9. Gallagher M. Political Parties in the Republic of Ireland. Manchester: Manchester University Press. 1985. 174 p.
 10. Bryson A. Whatever you say, say nothing: researching memory and identity in mid-Ulster. 1945–1969 // Oral history. 2007. Autumn. P. 45 – 56.
 11. Dixon P. British Policy Towards Northern Ireland 1969–2000: continuity, tactical adjustment and consistent inconsistencies // British Journal of Politics and International Relations. 2001. №3. Oct. P. 140–168.

VOZMITEL Maria K. – Assistant at the Department of World History and International Relations of Luhansk State Pedagogical University, LPR, masha.kovshar@yandex.ru.

Keywords: Northern Ireland, Protestants, Catholics, Unionists, discrimination.

FACTORS OF TENSION IN SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE NORTHERN IRISH CONFLICT

Annotation

The article is devoted to the study of the causes of social tension in Northern Ireland in the 60s of the XX century. The author analyzes the social, economic and political causes of disunity and instability in the region. Special attention is paid to the problem of the existence of two ethno-religious communities: Irish Catholics and British Protestants. The economic heterogeneity of society, disproportions in representation in legislative and executive authorities, and the lack of mechanisms for protecting the rights of minorities are considered. These factors, according to the author, contributed to the growth of social tension and radicalization of communities.

References

1. Leiphart A. Democracy in multi-component societies: a comparative study / A. Leiphart; translated from English; edited by A.M. Samin, G. V. Kamenskaya. M.: Aspect Press. 1997. pp. 171-178.
2. O'Brien K. S. The States of Ireland / K. S. O'Brien. L.: Hutchinson. 1972. 348 p.
3. Napalkova I. E. The Northern Irish policy of the neo-Labour governments of Great Britain: strategic approaches and experience in resolving the ethno-confessional conflict: 1997-2010: dissertation... Candidate of Historical Sciences. Chelyabinsk. 2012. 226 p.

4. O'Byrne Ranelagh J., Boland F. H., Edwards R. W. D., Fanning R., Kay S. Ireland: ethnic groups, language and religion // Encyclopedia Britannica. <https://www.britannica.com/place/Ireland/Ethnic-groups-language-and-religion> (accessed: 11.05.2022).
5. Rose R. Management without consensus / R. Rose. L.: Faber. 1971. 567 p.
6. Polyakova E. Y. Northern Ireland: the origins of the conflict // New and modern history. 1990. No. 6. pp. 39-46.
7. Economics in peacemaking: lessons from Northern Ireland. L.: The Portland Trust. 2007. 54 p.
8. Zobin A.V. Consultation as a mechanism for managing international conflicts: a comparative analysis of the concepts of R. J. Fisher and P. A. Gudev // Theory and practice of social development. 2013. No.11. pp. 425-428.
9. Gallagher M. Political parties in the Republic of Ireland. Manchester: Manchester University Press. 1985. 174 p.
10. Bryson A. Whatever You Say, Don't Say Anything: A Study of Memory and Identity in Middle Ulster, 1945-1969 / A. Bryson // Oral History. 2007. Autumn. pp. 45-56.
11. Dixon P. British policy towards Northern Ireland in 1969-2000: continuity, tactical adjustments and constant contradictions // British Journal of Politics and International Relations. 2001. No. 3. October. pp. 140-168.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК» *

1. Для публикации в журнале принимаются статьи одной из рубрик:
 - Политология
 - История
 - Экономика
 - Особое мнение
2. В журнале печатаются статьи, ранее не опубликованные в других изданиях.
3. Все рукописи авторов проходят независимое рецензирование, в соответствии с результатами которого редакционная коллегия решает вопрос об их опубликовании.
4. Объем статей ограничен 14 страницами (включая рисунки, таблицы, список литературы). Авторы должны предъявлять высокие требования к языку рукописи.
5. Статьи принимаются в редакцию в электронном виде.
6. К статьям прикладывается выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.
- Если автор статьи не имеет возможности предоставить заверенную выписку, основное содержание статьи может быть заслушано на научном собрании Института стран СНГ, после чего участники собрания принимают решение о возможности публикации статьи, а председатель собрания формирует для нее соответствующие сопроводительные документы.
7. Подавая статью для публикации, автор заведомо соглашается, что его материалы, в соответствии с требованиями ВАК, будут размещены в открытом доступе в сети Интернет.
8. Гонорары за публикации не выплачиваются.
9. Автору или авторскому коллективу положен один бесплатный экземпляр журнала.
10. Редакция оставляет за собой право вносить изменения в текст статей с целью приведения его в соответствие с нормами русского языка и улучшения восприятия информации читателями. При этом редакция обязуется сохранять изначальный смысл высказываний автора.

* Полные требования к материалам и образец оформления статьи опубликованы на сайте <http://pstmaterik.ru/author-center/>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»

Статьи предоставляются в редакцию в электронном формате MS Word; шрифт – Times New Roman, кегель – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Отступы с каждой стороны страницы 2 см.

Перед основным текстом статьи должны быть представлены на русском и английском языках:

- название статьи заглавными буквами;

- сведения об авторе:

- фамилия, имя, отчество;

- ученая степень, звание, должность;

- полное название места работы автора и адрес (страна, город); При написании статьи авторским коллективом достаточно указания адреса ответственного автора.

- адрес электронной почты;

- SPIN-код;

- ORCID автора.

- аннотация (объем – 3–4 предложения, не более 200 слов);

- ключевые слова (5–8 слов по теме статьи).

Название статьи на русском языке должно соответствовать содержанию статьи. Англоязычное название должно быть грамотно переведено на английский язык, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Текст статьи должен содержать разделы: введение (актуальность), основное содержание работы, заключение. Основной текст может делиться на части, имеющие самостоятельные заголовки. Они выделяются полужирным шрифтом, выравниваются посередине. Точка в конце не ставится.

Таблицы и рисунки должны быть хорошего качества. Таблицы нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Над таблицей указывается ее порядковый номер и название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом, например, **Таблица 1. Этнический состав Ханты-Мансийского округа на 2020 г.**

Рисунки нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Под рисунком указывается порядковый номер рисунка и его название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом (например, **Рис. 3. Динамика внешней торговли Казахстана в 2010–2020 гг.**).

Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях, статьи в общественно-политических газетах и журналах, авторефераты, диссертации, материалы конференций должны быть оформлены в виде внутритекстовых ссылок в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы через запятую с пробелом, например, [5, с. 43–49].

Ссылки на источники без авторства, статистические отчеты, архивные материалы, комментарии автора могут быть приведены в постраничной сноске. Используется шрифт Times New Roman, кегель – 10 пт.

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.1. Оп.1. Д. 194. Л. 15.

² Укрепить консенсус по развитию и создать путь к совместному процветанию // <https://posol-knr-v-rf-rossiia-i-kitaj-sozdadut-put-k-sovmestnomu-prosvetaniuu.html> (дата обращения: 20.10.2018).

³ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.

Список литературы является обязательной составной частью статьи. Материалы без библиографического списка к публикации не принимаются. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте. Список литературы составляется по порядку упоминания источников в статье. Если источник имеет DOI, его следует указать в конце библиографического описания. Ссылки на газеты и журналы должны включать название издания, дату выхода, автора, название цитируемого материала, страницу, номер и год выпуска. При наличии Интернет-адреса указывается дата обращения.

Например:

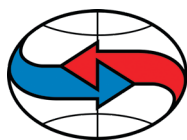
1. Ефремов М.Е. К вопросу об экономической стабильности. М.: Эксмо. 2009. 260 с.

2. Содержание и технологии образования взрослых: сб. науч. тр. // Институт образования взрослых / под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ. 2007.

3. Лэтчфорд Е. С Белой армией в Сибири. Российская газета. 2018. 9 сентября. С. 34–35 // <http://rg.ru/2018/09/09/east-front-narod-latchford.html> (дата обращения: 19.07.2020).

4. Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков: дис... канд. экон. наук. М., 2002.

Список литературы (References) должен быть грамотно переведен на английский язык. Например, Nechaeva A.M. Stages of development and features of Chinese outbound tourism // Problems of the Far East. 2008. No. 4 (July-August). Pp. 120–132.

The institute of the CIS countries

SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

POST-SOVIET MAINLAND

№ 3 (43)

MOSCOW

2024

Chairman of the Board of founders – K.F. Zatulin

Publisher – Institute of Diaspora and integration (Institute of CIS countries)

Editorial board:

V.G. Egorov – editor-in – chief, doctor of economics, doctor of history, professor.

S.Ya. Lavrenov – chief editor, doctor of political science, professor.

O.V. Savina – editor.

A.A. Lvova – proofreader.

A.A. Gorbunov – design layout.

A.V. Manoilo – doctor of political science, professor of the Department of Russian politics at Moscow state University M. V. Lomonosov.

V.V. Stoll – doctor of political science, professor of the department International Relations of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, editor-in-chief of the "Observer " magazine.

A. A. Markarov – doctor of political science, professor of Yerevan state University.

M.V. Konotopov – doctor of economics, professor, deputy. manager Department of Economic Theory, IE RAS honored worker of science of the Russian Federation.

O.D. Kuznetsova – doctor of economics, professor of the Department of economic theory of the Russian University of Economics G.V. Plekhanov.

S.A. Baibakov – doctor of historical sciences, professor at Moscow state University M.V. Lomonosov.

M.A. Olimov – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies of the Tajik national University.

G. Maitdinova – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies and foreign policy of the Russian-Tajik (Slavic) University.

M.A. Rakhimov – doctor of historical sciences, professor of the Coordination and methodological center of modern history of Uzbekistan at the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

A.V. Abramov – candidate of political sciences, Associate Professor, Department of comparative political science Lomonosov Moscow State University, editor-in-chief of the Russian Social and humanitarian journal.

CONTENT

POLITICAL SCIENCE	4
D. F. ALIEV. HYBRID WARFARE IS A NEW SOCIO-CULTURAL PHENOMENON	4
A. V. GROZIN. SPECIAL MILITARY OPERATION OF RUSSIA AND TRANSFORMATION OF «HISTORICAL POLITICS» IN THE CENTRAL ASIA COUNTRIES. PART I	18
A. V. LOGACHEV. ANALYSIS OF THE INSTITUTIONAL CONDITIONS OF ELECTIONS IN RUSSIA.....	34
T. A. NIKITINA, K. P. BURTNÝ. THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN POLITICAL COMMUNICATION	49
S. V. SAKULIN. CHALLENGES AND RISKS OF IMPLEMENTING THE RUSSIAN «SMART POWER» AND TOOLS FOR OVERCOMING THEM.....	63
N. M. SERGEEV. ISSUES OF FORMATION OF A UNIFIED EDUCATIONAL SPACE OF THE UNION STATE	83
E. V. BASMANOV. THE PLACE AND ROLE OF THE STATE IN THE FORMATION AND PROMOTION OF A POSITIVE INVESTMENT IMAGE OF THE COUNTRY	94
A. A. DENISOV. RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL COOPERATION	106
ECONOMY	117
V. G. EGOROV, A. A. INSHAKOV. SOCIAL PROGRESS AND COOPERATION: A SHORT ANTHOLOGY OF PUBLIC THOUGHT.....	117
D. R. BIKBULATOV. THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL SPHERE AS THE MAIN ELEMENT OF THE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY	153
HISTORY	169
V. N. GORLOV. THE HISTORY OF THE LUZHNIKI STADIUM: FROM THE SETTLEMENT TO THE ARENA	169
S. F. VITITNEV. CONSERVATISM AND LIBERALISM: THE SEARCH FOR A COMPROMISE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE IN RUSSIA.....	182
N. D. PETROV. TURKEY AS A CONDUCTOR OF NATIONAL AND INTERNATIONAL INTERESTS IN CENTRAL ASIA.....	191
L. S. PETRIK. THE FORMATION OF THE RUSSIAN POLICY OF PRESERVING THE UNIFIED SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE NEAR ABROAD.....	202
M. K. VOZMITEL. FACTORS OF TENSION IN SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE NORTHERN IRISH CONFLICT	215
RULES FOR SUBMITTING ARTICLES TO THE MAGAZINE “THE POST-SOVIET MAINLAND”	224
INFORMATION IN ENGLISH	227

«Постсоветский материк» – ежеквартальный общественно-политический научный журнал, учрежденный Автономной некоммерческой организацией «Институт диаспоры и интеграции» («Институт стран СНГ»). Основная задача издания – комплексный анализ процессов на постсоветском пространстве с точки зрения стратегических приоритетов Российской Федерации. В журнале также публикуются материалы о дальнем зарубежье, имеющие прямое или косвенное отношение к постсоветскому пространству. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внутривнутриполитических процессов, экономических, социальных и социокультурных проблем, сравнительного правоведения, межгосударственных отношений, вопросов безопасности и сотрудничества с учетом стратегических приоритетов РФ.

Журнал издается на русском языке и распространяется на территории Российской Федерации и в странах СНГ. Подписной индекс журнала в каталоге Пресса России 40622. Подписку также можно оформить на сайте: <http://www.akc.ru/itm/postsovetskiy-materik>

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция оставляет за собой право отбора статей для публикаций.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Постсоветский материк» обязательна.

По вопросам получения контактных данных авторов, а также для приобретения журнала можно обращаться в редакцию.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК
Научно-аналитический журнал
№ 3 (43), 2024

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-55141
выдано 26 августа 2013 года.

Возрастная категория: 0+

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3.

Телефон: 8(499)799-81-62,

e-mail: pstmaterik@mail.ru,

сайт журнала: www.pstmaterik.ru

Подписано в печать 25.08.2024

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 18/Е

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект,
д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.

